

Английские путешественники эпохи Возрождения

Клэр Ховард

English Travellers of the Renaissance

Clare Howard

A decorative rectangular area featuring a blue background with a repeating pattern of pink geometric shapes, including triangles, diamonds, and lines.

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" английских путешественников эпохи Возрождения

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Английские путешественники эпохи Возрождения

Автор: Клэр Ховард

Дата выхода: 9 сентября 2004 г. [Электронная книга № 13403]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Кевин Хэнди, Джон Хагерсон и команда корректоров, занимающаяся онлайн-распространением

.

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ" ***

АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВУ КЛЭР ХОВАРД

1914

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это эссе было написано в 1908-1910 годах, когда я училась в Оксфорде в качестве члена Общества американских женщин в Лондоне. Материалы по теме путешествий в любом столетии, по-видимому, неисчерпаемы, и на эту тему можно было бы написать множество книг, не дублируя источники. Нижеследующее преследует лишь одну цель - описать один этап путешествия эпохи Возрождения в четких очертаниях, с достаточным количеством иллюстраций, чтобы приукрасить, но не загромождать основные идеи.

При подготовке этой книги я испытал множество долгов благодарности. Я хотел бы поблагодарить сотрудников the Bodleian, особенно мистера У.Х.Б. Сомерсета, за их доброту в течение двух лет, пока я работал в библиотеке Оксфордского университета; и доктора Перлбаха, главного редактора Кениглической библиотеки в Берлине, который передал мне некоторую полезную информацию о ранних немецких книгах с инструкциями для путешественников; и профессора Кларка С. Нортапа из Корнельского университета, за аналогичную помощь. Мистеру Джорджу Уэйлу я обязан за использование его расшифровки СлоунМИСС 1813 год, а моей подруге мисс М.Э. Маршалл из Министерства торговли - за щедрого подарка в виде часов досуга, когда она читала для меня в Британском музее после того, как море оторвало меня от этой сокровищницы информации.

Я хотел бы с благодарностью принять добрые советы сэра Уолтера Роли и сэра Сиднея Ли, щедрость которых в том, что они уделяют время и получают стипендию, могут оценить многие студенты, помимо меня. Мистер Л. Пирсолл Смит, из чьей работы *ожизни и письмах сэра Генри Уоттона* я много почерпнул, также оказал мне вежливую личную помощь.

Преподавателям английского факультета Колумбийского университета я обязан благодарностью той, кто с самого начала прониклась склонностью к науке благодаря их учениям. Я в большом долгу перед профессором А.Х. Торндайком и профессором Г.П. Краппом за их исправления и предложения в корректурных листах этой книги, а также перед профессором У.П. Трентом за постоянную помощь и ободрение на протяжении всего моего обучения в Колумбийском университете и в других местах.

Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть помощь профессора К.Х. Ферта из Оксфордского университета, чье сочувствие и понимание трудностей новичка в области, которой он так благородно руководит, могут быть поняты только теми, кто, подобно мне, приезжает в Оксфорд с

амбициями и в одиночку. Я хотел бы, чтобы это эссе стало более достойным результатом его влияния.

КЛЭР ХОВАРД

БАРНАРД-КОЛЛЕДЖ, НЬЮ-ЙОРК

Октябрь 1913

Введение

Среди множества дидактических книг, наводнивших Англию в шестнадцатом и семнадцатом веках, были некоторые очерки о путешествиях. Некоторые из них так и не были обнародованы с момента их публикации более трехсот лет назад или упоминались немногими авторами, которые интересовались литературой по этому предмету. В коллекциях о путешествиях и исследованиях, которые так часто собираются, им не нашлось места. Большинство из них очень редки и никогда не переиздавались. Тем не менее, они не заслуживают того, чтобы их так упускали из виду, и я думаю, что этот обзор в некотором смысле будет полезен изучающим литературу.

Они раскрывают широко распространенный среди джентльменов елизаветинской и якобинской эпохи обычай завершать свое образование путешествиями. В современных социальных документах встречаются отдельные упоминания об этой практике: Энтони а Вуд часто объясняет, как такой оксонианец "путешествовал за моря и вернулся совершенной личностью", - но нигде этот идеал космополитического образования не изложен так явно, как в этих эссе. Адресованные будущему туристу, их ни в коем случае нельзя путать с путеводителями или маршрутами. Это обсуждения преимуществ путешествий, наставления и предостережения, направленные на то, чтобы настроить путешественника на надлежащее отношение к его великой задаче саморазвития. Взятые в хронологическом порядке, они рассказывают нам о жизни путешествующего студента.

Начиная с конца шестнадцатого века, когда путешествия вошли в моду как единственное средство овладения современными языками и современной историей, а также теми физическими достижениями и светским обаянием, благодаря которым молодой человек добивался своего при дворе, они прослеживают его эволюцию вплоть до того времени, когда для этого больше не было серьезных мотивов; то есть когда в английских университетах были основаны кафедры новейшей истории и современных языков, и когда с падением династии Стюартов Двор перестал быть вершителем судеб людей. В ходе этой эволюции они показывают нам многие фазы континентального влияния в Англии; как итальянская безнравственность заражала воображение молодежи, как иезуиты привлекали путешественников к своей религии, как Франция стала образцом хорошего тона, каковы были истоки Гранд-тура и так далее.

То, что эти направления для путешествий не были единичными литературными причудами, а были выражением широко распространенного идеала английского дворянства, я попытался показать в следующем исследовании. Эссе вряд ли можно оценить без поддержки биографии и

предыстории, и по этой причине я представил несколько конкретных иллюстраций того типа путешественников, которым были адресованы книги. Если я не всегда цитировал "Инструкции" полностью, то это потому, что в некоторых пунктах они повторяют друг друга. Мой план состоял в том, чтобы прокомментировать все, что в каждой книге было нового или показывало эволюцию путешествий ради учебы.

Результат, я надеюсь, послужит доказательством космополитизма английского общества в шестнадцатом и семнадцатом веках; более тесных контактов, которые поддерживались между Англией и Континентом, когда Англия еще не была великой и самодостаточной; времен, когда ее солдаты низкого и высокого звания отправлялись искать счастья в Нидерландах, а ее купцы лично отправлялись вести дела с Италией; когда постоянный поток римских католиков и изгнанников по политическим причинам годами направлялся во Францию или Фландрию.

Эти дискуссии об искусстве путешествий являются пережитками эпохи, когда англичане, наряду с немцами, были известны как величайшие путешественники среди всех наций. В одной лодке с торговцами, шпионами, изгнанниками и дипломатами из Англии плыл молодой джентльмен, только что окончивший университет, чтобы завершить свое образование посещением самых цивилизованных стран мира. Он приблизился к Континенту с пытливым, открытым умом, стремящимся учиться, быстро подражающим утонченности и идеям стран, более древних, чем его собственная. С той же целью, которая сейчас приводит американских студентов в Англию или японских студентов в Америку, английские подростки когда-то ездили во Францию, сравнивая правительства и нравы, наблюдая за всем, отмечая все и возвращаясь домой, чтобы принести пользу своей стране новыми идеями.

Я надеюсь также, что обзор этих забытых томов доставит дополнительное удовольствие при чтении книг, более значительных, чем они сами, в литературе елизаветинской эпохи. Невозможно в полной мере оценить сатиру заявления Аморфуса о том, что он "настолько возвышен и утончен путешествиями" и что он "упивался духом красоты при дворах примерно восьми десятков и восемнадцати принцев, где я проживал",^[1] если вы не читали о преимуществах путешествий, изложенных в текущих Инструкциях для путешественников; или диалоги между сэром будущим Политиком и Перегрином в *Вольпоне*, или *Лисе*. Шекспир также в *"Двух джентльменах из Вероны"* полностью использовал аргументы елизаветинских речей, восхваляющих путешествия:

Некоторые - на войну, чтобы попытаться там счастья;
Некоторые - чтобы открыть далекие острова;
Некоторые - в прилежащие университеты;
Для любого или для всех этих упражнений,
Он сказал: "Ты, Протей, твой сын был хорош";
И просил меня настойчиво просить тебя
Не позволять ему больше проводить время дома;
Что было бы большим оскорблением для его возраста,
Поскольку в юности он не знал никаких подвигов.
(Антонио) Тебе не нужно сильно докучать мне по этому поводу,
Из-за чего я весь этот месяц мучился,
я хорошо обдумал потерю им времени,
И то, что он не может быть совершенным человеком,

Не подвергаясь испытаниям и обучению в мире;
Опыт приобретается усердием,
И совершенствуется быстрым течением времени ".

(Акт I. Sc. iii.)

Содержание

ГЛАВА I

НАЧАЛО КУЛЬТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Паломничества в конце средневековья -Новые объекты для путешествий в пятнадцатом веке-
Гуманизм-Дипломатические амбиции-Языковые знания.

ГЛАВА II

ВЫСОКАЯ ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭПОХИ

Развитие личности - Благо Содружества -Первые книги, адресованные путешественникам.

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ЦИНИЧНЫЕ НАМЕКИ На ПРЕИМУЩЕСТВА ПУТЕШЕСТВИЙ

Англичанин итальянского происхождения.

ГЛАВА IV

ОПАСНОСТИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ-ПРОТЕСТАНТОВ

Инквизиция - иезуиты - Наказания за самоотвод.

ГЛАВА V

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ АКАДЕМИЙ

Франция, вершительница нравов в семнадцатом веке - Верхом на великом коне - Попытки
основать академии в Англии - Почему путешественники пренебрегли Испанией.

ГЛАВА VI

ГРАНДИОЗНЫЙ ТУР

Происхождение термина-Советы молодым путешественникам - Дорожные расходы.

ГЛАВА VII

УПАДОК ГРАНД - ТУРА

Упадок придворных - Основание кафедр современной истории и современных языков в Оксфорде и Кембридже - Англичане становятся самодостаточными-Книги о путешествиях становятся обычным явлением - Появление романтического путешественника, который путешествует ради пейзажа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Указатель

СНОСКИ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ КРАЙТОН

С гравюры Дж. Холла по имени Мозес Гриффит

ЭДВАРД ДЕ ВЕР, СЕМНАДЦАТЫЙ граф ОКСФОРД

С гравюры Дж. Брауна по имени Г.П. Хардинга

ФРЭНСИС МЭННЕРС, ШЕСТОЙ граф РАТЛЕНД

ДАДЛИ НОРТ, ТРЕТИЙ БАРОН НОРТ

С гравюры оригинальной картины из коллекции графа Гилфорда

ДЖОН ХАРИНГТОН, ВТОРОЙ БАРОН ХАРИНГТОН ИЗ ЭКСТОНА

ОГРАЖДЕНИЕ

ТАНЦУЮЩИЙ

Иллюстрация из "Нового изобретения балли", итальянской книги с инструкциями по танцам, которую высоко ценил Джеймс I.

НАБРОСОК НА БЕРЕГУ ОЗЕРА АВЕРНУС В 1610 ГОДУ

В ТЕННИС ИГРАЛИ В ПАРИЖЕ В 1632 ГОДУ

СЭР ТОМАС КИЛЛИГРЮ

Из современной карикатуры

ЕЗДА НА ВЕЛИКОЛЕПНОМ КОНЕ, КАК УЧИЛ АНТУАН
ПЛЮВИНЕЛЬ

, МАСТЕР ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ ЛЮДОВИКА XIII.

Из "Королевской манежи" Антуана Плювинеля

, 1624

ИЗВЕРЖЕНИЕ ВЕЗУВИЯ

ГЛАВА I

НАЧАЛО КУЛЬТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Из многих социальных импульсов, на которые повлиял Ренессанс, тот "новый стиль, который царит во всем мире в наши дни", любовь к путешествиям претерпела заметные изменения. Этот очень древний инстинкт уходить далеко-далеко в Средние века находил одобрение, достоинство и оправдание в совершении паломничеств. Вызывает сомнение, что число истинно благочестивых людей когда-либо заполнило бы столько кораблей, идущих в порт Яффо,

если бы их ряды не пополнились неугомонными, искателями приключений, странниками всех классов.

Ближе к шестнадцатому веку, когда любопытство ко всему человеческому становилось все более сильным подводным течением в Англии, паломничества были особенно популярны. В 1434 году Генрих VI выдал лицензии только 2433 паломникам на посещение храма святого Иакова Компостельского.^[2] Их количество было настолько велико, что контроль за их транспортировкой стал желанным коммерческим предприятием. "Паломники в то время действительно были предметом экспорта", - говорит сэр Генри Эллис, комментируя письмо графа Оксфорда Генриху VI с просьбой выдать судну, владельцем которого он был, лицензию на перевозку паломников. "Корабли каждый год загружались из разных портов грузами этих введенных в заблуждение странников, которые везли с собой большие суммы денег, чтобы покрыть расходы на свое путешествие".^[3]

Одной из самых ранних книг, напечатанных в Англии, была *"Информакон для паломничества в Святую Лонду"* Винкина де Уорда, выдержавшая три издания,^[4] почти точная копия книги Уильяма Вея "превизюн" (провизия) для путешествия на восток.^[5] Тон и содержание этого *Информакона* очень мало отличаются от более поздних Инструкций для путешественников, которые являются предметом нашего изучения. Данный совет показывает, что обычный паломник думал не об аскетических преимуществах путешествия или о том, чтобы просто благополучно прибыть в свое святое место назначения, а о том, чтобы совершить путешествие с максимально возможной степенью личного комфорта и удовольствия. Ему советуют взять с собой две бочки вина ("Ибо, если вы получите двадцать герцогств за бочку, у вас не будет больше ничего после того, как вы потеряете венское вино"); также купить апельсин-имбирь, миндаль, рис, инжир, гвоздику, булочные и сахарный батон, чтобы оплатить проезд на корабле. И это при том, что он должен заставить патрона поклясться, прежде чем нога паломника ступит на камбуз, что он будет подавать "горячее дважды в день при двух приемах пищи". Того, кого мы привыкли считать бедным странником, у которого нет ничего, кроме серого плаща и посоха, предупреждают, чтобы он не отправлялся в Святую Землю, не захватив с собой "большой котел, сковороду для жарки, тарелки, стаканчики глянсе" ... большая кровать, матрас, постельное белье, две простыни рауге и одеяло quylte" ... клетка для полудюжины кур или цыплят, которые будут у вас с собой на корабле, и, наконец, полбушеля "майл сед", чтобы накормить цыплят. Его отнюдь не поощряют проявлять дух смирения и отречения во время путешествия, он должен приложить все усилия, чтобы обеспечить себе место в середине корабля, и не возражать заплатить пятьдесят дукатов за то, чтобы занять хорошее честное место, "чувствовать себя непринужденно в кают-компании, а также быть оберегаемым". Еще более нехристианскими являются предписания бежать впереди своих товарищей по высадке, чтобы занять лучшие места в гостинице и первым отведать приготовленный обед; и, прежде всего, в порту Яффо, чтобы заполучить лучшего осла, "ибо за лучшее вы заплатите не больше, чем за худшее".

Но пока эта книга публиковалась, появились новые силы, которые должны были сорвать тонкую маску благочестия с паломников такого рода. Коллоквиумы Эразма появились перед третьим изданием *Informacon for Pylgrymes* опровергли идею о том, что увидеть Иерусалим - это верх благочестия. Эразм заявлял, что не что иное, как любовь к переменам, заставляла старых епископов преодолевать огромные пространства моря и суши, чтобы добраться до Иерусалима. Дворянам, которые стекались туда, лучше было бы присматривать за своими поместьями, а женатым мужчинам - за своими женами. Молодые мужчины и женщины путешествовали "non

sine gravi discrimine morum et integritatis". Паломничества были развлечением. Некоторые люди отправлялись туда снова и снова и ничем другим не занимались всю свою жизнь.^[6]

Единственным удовлетворением, которого они искали или получали, было развлечение для себя и своих друзей своими замечательными приключениями и возможность блистать за обеденным столом, рассказывая о своих путешествиях.^[7] В том, чтобы иногда ходить туда, не было ничего плохого, но это не было благочестиво. И люди могли бы тратить свое время, деньги и силы на что-то по-настоящему благочестивое.^[8]

Всего через несколько лет после этого ученик Эразма и его друзей, король Генрих Восьмой, который поразил Европу тем, как он не только получал новые идеи, но и действовал в соответствии с ними, снес святыни, сжег богородицу Уолсингемскую и подал в суд на "святого блаженного мученика" Томаса Бекета за мошеннические притязания.^[9]

Но в ведущих умах шестнадцатого века зарождалась новая цель для путешествий - желание узнать из первых рук все лучшее, что думали и говорили в мире. Гуманизм был новой силой, новым руслом, в которое повернулись люди в те дни, когда "наш натурелл, молодой, похотливый и рассудительный принс и верховный лорд король Герр Восьмой вступил в расцвет pleasaunt you".^[10] И как научный дух или социалистический дух может придать постоянным инстинктам мира новую изюминку, так и ренессансная страсть к саморазвитию и образованию придала старому пути новый мираж.

На протяжении всего пятнадцатого века университеты Италии, с момента своего основания занимавшиеся светскими исследованиями, завоевывали репутацию благодаря тому, что предлагали более широкое образование, чем заезженные дискуссии схоластов. Открытие и возрождение в пятнадцатом веке греческой литературы, которая так глубоко взволновала итальянское общество, принесло университетам широкую известность на север. Северные ученые, такие как Рудольф Агрикола, поспешили на юг, чтобы найти благоприятный воздух в центре интеллектуальной жизни. Что профессиональные гуманисты не могли обойтись без печати истинной культуры, которую им придавало итальянское образование, Эразм, наблюдатель за всеми вещами, отмечает в 1500 году леди Вирской:

"Я чувствую, что две вещи очень необходимы: во-первых, я поеду в Италию, чтобы за свою скудную ученость приобрести некоторый авторитет у местной знаменитости; во-вторых, я получу степень доктора; разумеется, и то, и другое бессмысленно. Ибо люди не сразу меняют свое мнение, потому что пересекают море, как говорит Гораций, и тень впечатляющего имени не сделает меня чуточку более образованным ... но мы должны надеть львиную шкуру, чтобы доказать наши способности тем, кто судит о человеке по его титулу, а не по его книгам, которые, по правде говоря, они не понимают".^[11]

Хотя Эразм презирал погоню за учеными степенями, хорошо известно, что он чувствовал силу Италии. У него возникло искушение остаться в Риме навсегда из-за общества, которое он там нашел. "Какое небо и поля, какие библиотеки, приятные прогулки и сладкие беседы с учеными..."^[12] восклицает он, впоследствии вспоминая этот рай ученых. Был, например, кардинал Гримани, который умолял Эразма разделить с ним жизнь ... и книги.^[13] И там был Альд Мануций. Мы получаем представление о венецианской типографии, где Альдус и Эразм работали вместе: Эразм сидит и пишет, невзирая на шум принтеров, в то время как Альдус, затаив дыхание, читает корректуру, восхищаясь каждым словом. "Мы были так заняты, - говорит Эразмус, - что у нас едва хватало времени почесать за ушами".^[14]

Именно это очарование интеллектуального общения положило начало целому потоку путешествий *animi causa*. Всякий, кто обладал острым умом, подвижным умом, воображением, стремился в Италию. Там просвещенные духи высекали искры друг из друга. Молодые и пылкие умы в Англии и Германии нашли спасение от унылой и меланхолической суровости своих необразованных старейшин - чисто практических бойцов, чьи идеалы были основаны на окаменевшем кодексе жизни.

Мне нет нужды объяснять, как англичане впервые ощутили это очарование городской цивилизации. Путешествия Типтофта, графа Вустерского, Ганторпа, Флемминга, Грея и Фрида были недавно описаны мистером Эйнштейном в книге "*Итальянское возрождение в Англии*". Что касается итальянских путешествий Селлинга, Гроцина, Латимера, Танстолла, Колета и Лили, той экстраординарной группы ученых, которые преобразили Оксфорд, внедрив греческие идеалы, и придали ему особое отличие, которое сияет до сих пор, я упоминаю о них только для того, чтобы предположить, что они являются источником ренессансного уважения к иностранному образованию и основоположниками моды, распространение которой мы попытаемся проследить. Все они учились в Италии и привезли домой только хорошее. Ибо к учености они приобщили врожденную силу характера, которая самым удачным образом познакомила Англию с тонкостями ума, которые они привезли с собой домой. Своим примером они дали толчок к путешествиям ради образования, чего обычные люди никогда бы не смогли сделать.

Хотя благодаря Гроцину, Линакру и Танстоллу греческий язык, по словам Эразма, преподавался в Англии лучше, чем в Италии,^[15] во времена Генриха VIII. когда он вззошел на трон, идея Италии как цели ученых сохранилась. Богатые церковники, покровители литературы, отправляли многообещающих студентов на Континент, чтобы дать им полноценное образование; как Ричард Фокс, основатель Corpus Christi, отправил Эдварда Уоттона в Падую, "чтобы улучшить его образование и главным образом выучить греческий",^[16] или Томас Лэнгтон, епископ Винчестерский, поддержал Ричарда Пейса в том же университете.^[17] Для Реджинальда Поула жизнь ученого в Италии была настолько привлекательной, что Генрих VIII никогда не смог бы вернуть его обратно. Избегая любого участия в суматохе политического мира, он ускользнул обратно в Падую и там окружил себя друзьями - "исключительными людьми, которые всегда отлучались от двора, желая жить свято".^[18] К его дому в Падуе тянулись другие английские студенты, любившие "хорошую компанию и любовь ученых людей"; Томас Лупсет,^[19] доверенное лицо Эразма и Ричарда Пейса; Томас Уинтер,^[20] Предполагаемый побочный сын Уолси; Томас Старки,^[21] историк; Джордж Лили,^[22] сын грамматика; Майкл Трогмортон и Ричард Морисон,^[23] будущие послы.

Были и другие факторы, способствовавшие росту числа путешествий, помимо желания получить высокие знания. Амбиции Генриха VIII. роль силы в европейской политике открыла самые оживленные контакты с Континентом. Вскоре выяснилось, что для осуществления его устремлений от послов требовалось особое сочетание качеств. Церковники, такие как неблагодарный поляк, на образование которого он щедро пожертвовал, часто не соответствовали его взглядам на папу Римского; добрый старый английский джентльмен, хотя и преданный, мог быть, подобно сэру Роберту Вингфилду, простым, бесхитростным и посмешищем для иностранцев.^[24] Такой придворный, как лорд Рочфорд, который умел играть в теннис, слагать стихи и стал "интайм" при дворе Франциска I, не мог постоять за себя в спорах о папской власти с высокообразованными священнослужителями.^[25] Следовательно, выбор

посла все больше и больше падал на людей с хорошим образованием, которые также кое-что знали о зарубежных странах: таких как сэр Томас Уайатт или сэр Ричард Вингфилд из Кембриджа и Грейс Инн, которые учились в Ферраре^[26]; сэр Николас Уоттон, который жил в Перудже и получил степень доктора гражданского и канонического права^[27]; или Энтони Сент-Лигер, которого, по словам Ллойда, "когда ему было двенадцать лет, его отправили изучать грамматику с своего наставника во Францию, за его карету в Италию, за его философию в Кембридж, за его юриспруденцию в Грейс Инн: и за то, что довершало все, за управление собой, ко двору; где его жизнерадостность и свобода понравились королю, как его основательность и мудрость кардиналу".^[28] Иногда Генрих даже прилагал усилия, чтобы отобрать и отправить за границу многообещающих студентов университетов с целью подготовки их специально для дипломатии. Во время одного из своих визитов в Оксфорд он был впечатлен приятной осанкой и плавным выражением лица Джона Мейсона, который, хотя и был сыном пастуха, был известен в университете своей "вежливой и величественной речью".

Король Генрих отправил его за границу, чтобы добавить практического опыта к его умозрительным занятиям, и оплатил его образование из Личного кошелька короля, как мы видим из отчета о королевских расходах за сентябрь 1530 года. Среди таких предметов, как "8-18 фунтов стерлингов Ханибеллу Зинзано на напитки и другие лекарства для королевских лошадей"; и "20 фунтов парню с танцующей собакой", есть запись "годовой выставки Мейсону, королевскому стипендиату в Париже, 3 6,8 фунтов стерлингов".^[29]

Еще одним вкладом короля в образование был Томас Смит, впоследствии такой же превосходный посол, как Мейсон, которого он поддерживал в Кембридже и, по словам Камдена, в более зрелые годы сделал выбор в пользу отправки в Италию. "Ибо даже до наших дней, - говорит Камден под 1577 годом, - некоторые молодые люди с многообещающими надеждами, окончившие оба университета, содержались в зарубежных странах по распоряжению короля для более полного совершенствования своих способностей и учебы".^[30] Таким образом, дипломатическая карьера, открывавшаяся перед молодыми придворными, если они доказывали свою пригодность к службе на опыте работы в зарубежных странах, была таким же сильным мотивом для путешествий, как и желание прикоснуться к истокам гуманизма.

Это снова вылилось в стремление к еще более неформальному образованию - такому, которое приходит от "видения мира". Брак Марии Тюдор с Людовиком XII., а позже тонкие узы гуманизма и приподнятого настроения, которые существовали между Франциском I. и его "очень дорогим и горячо любимым добрым братом, кузеном и сплетником, вечным союзником и верным другом" Генрихом Восьмым, привели многих придворных Генриха к посещению французского двора в то или иное время - особенно самых ярких фаворитов и лидеров моды, "фрискеров", как называли их Эндрю Бурд,^[31] таких как Чарльз Брэндон, Джордж Болейн, Фрэнсис Брайан, Николас Кэрю или Генри Фицрой. С любым послом отправлялась компания молодых джентльменов, которые по возвращении излучали некую таинственную утонченность, вызывавшую зависть домоседной молодежи. По словам Холла, когда они вернулись в Англию, они были "сплошь французами в еде, питье и одежде, да, и во французских пороках и хвастовстве: так что над ними смеялись во всех поместьях Англии, леди и знатные дамы не одобрялись, и они ничего не хвалили, кроме как если бы это было после французской очереди".^[32] С этого времени молодые придворные втискивались в свиту посла, чтобы повидать мир и стать похожими на пленительного брата Анны Болейн или фаворита Елизаветы, графа Оксфорда. , или какой-нибудь галантный кавалер, привлекавший внимание иностранных милостей при дворе.

Был еще один фактор, способствовавший росту числа путешествий, который затронул дипломатов, ученых и придворных, - необходимость изучения современных языков. К середине шестнадцатого века латыни уже было недостаточно для общения между образованными людьми. В наиболее цивилизованных странах народный язык был возведен в ранг классических языков, став литературным носителем таких поэтов, как Политиани Бембо, Ронсар и Дю Белле. Народная литература необычайной красоты, слишком важная, чтобы ее можно было упускать из виду, начала появляться со всех сторон. Без знания современных языков уже невозможно было быть в курсе лучших идей. Более могущественным, чем любые академические пристрастия, было ренессансное любопытство к человеку, которое нельзя было удовлетворить только знанием латыни. Вряд ли кто-нибудь, кроме церковников, говорил на латыни в дружеской беседе с человеком. Когда мужчина посещал иностранные дворы и желал вступить в светское общение с дамами и модниками, или свободно передвигаться среди солдат, или расплатиться по счету с трактирщиком, он обнаруживал, что остро нуждается в языке страны. Итак, ко времени правления Эдуарда VI мы обнаруживаем, что Томас Хоуби, типичный молодой джентльмен того периода, делает в своем дневнике записи, подобные этим: "Переехал в середину Италии, чтобы лучше узнать ваш язык и увидеть Тоскану". "Поехал на Сицилию как для того, чтобы посмотреть страну, так и для того, чтобы на некоторое время отлучиться из общества англичанки ради танга".^[33] Роджер Эшам год или два спустя пишет из Германии, что одним из главных преимуществ пребывания при иностранном дворе была легкость, с которой человек изучал немецкий, французский и итальянский, хотел он того или нет. "Я сам почти итальянец и никогда не смотрю на это". Он зашел так далеко, что сказал, что такие преимущества стоят десяти стипендий в Сент-Джонсе.^[34]

ЭДВАРД ДЕ ВЕР, СЕМНАДЦАТЫЙ граф ОКСФОРД *С гравюры Дж. Брауна по имени Г.П. Хардинга.* Этот фаворит королевы Елизаветы представил при ее дворе много итальянской моды.

Мы отметили, как Италия стала центром притяжения ученых и как придворные искали милости, которую даровала Франция, но мы еще не объяснили привлекательность Германии. Германия, как центр путешествий, была особенно популярна в правление Эдуарда Шестого. Франция временно вышла из моды с теми мужчинами, о которых у нас больше всего сведений. Ибо в правление Эдуарда настроения ведущих людей Англии заметно расходились с настроениями французского двора. Именно в Германию больше всего тянуло окружение Эдуарда, состоящее из протестантских политиков, школьных учителей и капелланов, - в страну, где волны Реформации были сильны, а люди пребывали в брожении по поводу духовных вопросов; в страну Штурма и Буцера, Фагия и Урсина - доктринеров и педагогов, столь почитаемых Кембриджем. Кранмер, собравший под своей крышей столько немецких ученых, сколько могло выжить в климате Англии,^[35] поддерживал поток взаимопонимания и симпатии, текущий между Кембриджем и Германией, и поскольку Кембридж, а не Оксфорд, доминировал в научном и политическом мире Эдуарда Шестого, с того времени Германия в сознании людей из Сент-Джонса, таких как Берли, Эшэм и Хоуби, была местом, где можно было встретить самых образованных людей того времени.

Возможно, мы сказали достаточно, чтобы в общих чертах указать на истоки ренессансной моды на путешествия, которая дала начало очеркам, которые мы собираемся обсудить. Желание ученого специализироваться в иностранном университете на греческом, медицине или юриспруденции; стремление придворного овладеть современными языками, изучить иностранные правительства и в целом подготовить себя к государственной службе были достойными целями, которые у людей с характером приводили к очень счастливым результатам. Естественно, что другие должны были следовать их примеру. В елизаветинские времена мода на путешествия, чтобы стать "совершенной личностью", была полностью утверждена. И хотя у подлых и тривиальных людей идеал принимал такие странные формы и приводил к таким сомнительным результатам, что в каждом поколении находились критики, ставившие под сомнение пользу путешествий, идеал сохранялся. Безусловно, мужчинам любого калибра всегда было чем поучиться за границей. Те, кто не извлекал пользы из изучения международного права, осваивали новые приемы владения рапирой. А поскольку опыт зарубежных стран был дорогим и труднодоступным, его приобретение придавало молодому человеку престиж.

Кроме того, под мирскими амбициями скрывалось старое любопытство повидать мир и познакомиться с разными людьми - быть испытанным. Более могущественной, чем любая теория воспитания, была тяга к далеким, чуждым вещам и волшебству моря.

ГЛАВА II

ВЫСОКАЯ ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭПОХИ

Мы все знаем, что любовь к путешествиям чрезвычайно расцвела во времена правления королевы Елизаветы. Все классы испытывали желание отправиться за моря во время

"Такой ветер, который разбрасывает молодых людей по свету,
Чтобы они разбогатели дальше, чем дома,
Где набирается небольшой опыт".^[36]

Исследователь и поэт, искатель приключений, блудный сын и сын графа одинаково стремились к чужим берегам. То, что Бен Джонсон сказал о Кориате, можно с натяжкой описать как среднестатистического елизаветинца: "Простая надпись письма из Цюриха поднимает его на ноги, как волчок: Базилика или Гейдельберга заставляет его кружиться. И при виде слова "Франкфорд" или "Венеция", хотя и всего лишь в названии Книги, он готов расстегнуть камзол, растопырить локти и наполнить зал своим шепотом".^[37] Счастливым был такой безвестный джентльмен, как Файнс Морисон, который мог десять лет скитаться по "двенадцати доминионам Германии, Бемерланда, Свитцеранда, Нидерландов, Дании, Польши, Италии, Турции, Франции, Англии, Шотландии и Ирландии" и не быть удивленным. безапелляционно вызванный домой своим сувереном. Печально было быть придворным фаворитом вроде Фулка Гревилла, который четыре раза, жаждавший чужих земель, был возвращен Елизаветой в Англию.

Примерно в то время (1575 г.), когда некоторые из самых выдающихся придворных - Эдвард Дайер, Гилберт Тэлбот, граф Хартфорд и особенно сэр Кристофер Хаттон и сэр Филип Сидни - только что вернулись из-за границы, книгоиздатели сочли целесообразным печатать книги, адресованные путешественникам. По крайней мере, вырос спрос на советы молодым людям, которые стали характерной чертой елизаветинской литературы, печатной и непечатной. Таков был обычай, когда молодой человек, собирающийся в путешествие, обращался к какому-нибудь опытному или пожилому другу, и этот друг изливал поток сентенций в манере Полония. Джон Флорио, знавший юмор своего времени, описывает это в диалоге из *Вторых фраз*.^[38] Как и Роберт Грин в *Траурном одеянии Грина*.^[39] То, что поначалу было личными предостережениями мудрого человека своему молодому другу, такими как письмо Сесила Ратленду, переросло в обобщенную речь, предназначенную для любого путешественника. Отсюда возникли руководства по обучению - чудесные книжечки, полные призывов к путешествиям как к долгу человека, краткого изложения основных характеристик иностранцев, указаний по уходу за больными ногами - и странная смесь вопросов.

Одними из первых эссе такого рода являются переводы немецких писателей, от которых, если Турлер прав, и возникла книга рекомендаций для путешествий. Ибо немцы, как и англичане, были самыми неутомимыми путешественниками из всех наций. Подобно англичанам, они внезапно осознали, что они варвары на задворках цивилизации, и, подобно сегодняшнему Чикаго, послали своих молодых людей "стремиться к культуре". Они усердно придерживались не только ренессансного идеала путешествий как высокообразованного опыта, благодаря которому человек становится интеллектуально полноценным человеком, но и ренессансного убеждения в том, что путешествия - это долг перед государством. Поскольку и Германия, и Англия были несколько удалены от более старых и цивилизованных наций, им было необходимо приложить усилия, чтобы узнать, что происходит в центре мира. Поэтому долг джентльменов, особенно дворян, на которых должно было быть ориентировано государство, заключался в том, чтобы искать рынки образования, посещать иностранные дворы и, зная людей и языки, иметь возможность консультировать своего принца дома в порядке, изложенном в *Il Cortegiano*. Следует помнить, что в шестнадцатом веке в университетах не было школ политической экономии, новейшей истории или современных языков. Основательные знания об этих вещах должны были быть получены путем непосредственного наблюдения. Из этого факта вытекала важность расширения своих возможностей и необходимость методичного, тщательного исследования, на чем мы так настаиваем в этих руководствах с советами.

Иероним Турлерус утверждает, что его *De Peregrinatione* (Argentorati, 1574) - первая книга, посвященная правилам путешествий. Она была переведена на английский и опубликована в Лондоне в 1575 году под названием "*Путешествие Джерома Терлера*" и, насколько мне известно, является первой книгой подобного рода в Англии. О Турлере известно немного, за исключением того, что он родился в Лейсниге, в Саксонии, в 1550 году, учился в Падуе, стал доктором права, совершил такие обширные путешествия, что побывал даже в Англии - редкость по тем временам - и, отслужив бургомистром у себя на родине, умер в 1602 году. Его труды, кроме "*Де Перегринационе*", представляют собой три перевода Макиавелли.^[40]

Терлер адресует двум молодым немецким дворянам свою книгу, "написанную от имени тех, кто желает путешествовать и видеть зарубежные страны, и особенно студентов.... Я думаю, что они делают доброе дело и вполне заслуживают всех людей, которые дают наставления для тревейла. Что, хотя, как я понимаю, некоторые и делали, все же они делали это здесь и там, в

сандри Букс, а не в каком-то определенном месте ". Обсуждение преимуществ путешествий появилось в книге Томаса Уилсона "*Искусство риторики*" (1553),^[41] а некоторые практические рекомендации по предотвращению заболеваний, к которым были подвержены путешественники, были напечатаны в Базеле в 1561 году,^[42] но Терлер, по-видимому, является первой книгой, посвященной восхвалению странствий. Так говорит не только сам Терлер, но и Теодор Цвингер, который тремя годами позже написал "*Методус Аподемика*", заявляет, что Терлер и Пиркмайр были его единственными предшественниками в такого рода сочинениях.^[43]

Пиркмайр, по-видимому, был одним из тех губернаторов, или гофмейстеров,^[44] которые сопровождали молодых немецких дворян в их путешествиях по Европе. Он заявляет, что составил несколько инструкций в качестве руководства для себя и графа фон Зульца, которого, как он ожидал, вскоре отправит в Италию. Он совершил предыдущее путешествие в Рим, которым наслаждался с двойным энтузиазмом гуманиста и римско-католика, созерцая "в ступоре восхищения" великолепные остатки классической цивилизации и институты благожелательного папы.^[45]

В 1587 году из магазина Плантена в Антверпене поступил рассказ другого гофмейстера - Стефана Винандуса Пигиуса - о жизни и путешествиях его княжеского подопечного Карла Фредерика, герцога Клевского, который во время своего большого путешествия умер в Риме. Пигиус довольно подробно обсуждает,^[46] описывая нерешительность опекунов герцога по поводу отправки его в турне, преимущества и недостатки путешествий. Связанные с этим расходы и болезни, которые вы подхватываете, были большими сдерживающими факторами; однако широта кругозора, которую обеспечивает разумное путешествие, настолько перевешивала эти и другие недостатки, что после долгих обсуждений, "не только в Совете, но и на рыночной площади и за обеденным столом", было решено отправить юного Карла на два года в Австрию ко двору его дяди, императора Максимилиана, а затем в Италию, Францию и Нижнюю Германию, чтобы навестить принцессу, своих родственников и друзей и посмотреть жизнь.

Теодор Цвингер, который считался первым, кто облек искусство путешествий в форму и придал ему вид науки,^[47] умер доктором медицины в Базеле. Ему не нравилось ремесло скорняка, которым занимался его отец, но он три года учился у печатника в Лионе. Каким-то образом ему удалось выучить немного философии у Питера Рамуса в Париже, а затем изучать медицину в Падуе, где он познакомился с Джеромом Терлером.^[48] Будучи доктором философии и медицины, он несколько раз подряд занимал профессорские должности в Базеле.

Еще более выдающимся в академическом мире был следующий, кто продолжил обсуждение путешествий, - Юстус Липсиус. Его элегантно написанное на эту тему,^[49] написанное через год после публикации книги Цвингера, было переведено на английский сэром Джоном Стрэдлингом в 1592 году.^[50] Стрэдлинг, однако, настолько расширил оригинал любыми собственными фантазиями, пришедшими ему в голову, что это почти новое сочинение. Филип Джонс не позволял себе подобных вольностей с "Методом" Альберта Мейера, который он перевел через два года после того, как он был опубликован в 1587 году.^[51] В своем посвящении сэру Фрэнсису Дрейку "этой маленькой, но милой книги о методе для людей, стремящихся извлечь выгоду и прославить себя с помощью житейского опыта" Джонс заявляет, что сначала он имел в виду это только для собственной пользы, "когда Божье соизволение, удобное время и хорошая компания" должны были привлечь его к путешествию.

The "*Перведжлиум Меркурия*" Георгиуса Лойсиуса, друга Скалигера, так и не был переведен на английский, но описанные в нем важные добродетели путешественника оказали свое влияние на английских читателей. Лойсий составил двести коротких мелких сентенций, иллюстрированных подходящими классическими цитатами, касающихся правильного поведения и обязанностей путешественника. Например, он должен избегать роскоши, как говорит Сенека; и лени, как говорят Гораций и Овидий; он должен умалчивать о своем богатстве и учености и держать язык за зубами, как Улисс. Он должен соблюдать мораль и религию других, но не критиковать их, поскольку у разных народов разные религии, и они считают, что богам их отцов следует усердно служить. Тот, кто пренебрегает этими вещами, действует с благочестивым рвением, но без учета чувств других людей ("*nullatione cuiusque vocationis*").^[52] Джеймс Хауэлл, возможно, читал максимуму 99 о том, как воспринимать шутки и как их превратить: "*joci sine vilitate, risus sine cachinno, vox sine clamore*" (пусть ваши шутки будут свободны от вульгарности, ваш смех - не хохот, а ваш голос - не рев).

Лойсиус отражает настроения своей страны в своем убеждении, что "Сама природа желает, чтобы женщины оставались дома". "Это правда, что во всей Германии ни одна женщина, если только она не отчаянно бедна или "довольно быстро", не желает путешествовать".^[53]

Добавив к этим ранним эссе *Хвалебную речь о путешествиях* Германа Кирхнера,^[54] мы получаем группу инструкций, родившихся на немецкой земле, отличающихся возвышенным настроением и парящим стилем. Их объединяет тенденция рационализировать деятельность человека, которая была столь характерной чертой эпохи Возрождения. Простой странствующий порыв, который Чосер отмечал как присущий пению птиц и приходу весны, достойно воплощен в философии путешествий.

Путешествия, по мнению наших авторов, - один из лучших способов обрести личную силу, социальную эффективность - короче говоря, ту таинственную "добродетель", которой так дорожил Ренессанс. Это имело отрицательную ценность, поскольку создавало искусственные испытания для молодых джентльменов с наследством и без занятий, которые в противном случае могли бы празднично жить в своих загородных поместьях или распутничать в Лондоне. Странствующее рыцарство в рыцарском обществе обеспечивало тяготы и дисциплину, приятные для молодежи; путешествия "ради добродетели, для изучения хороших произведений искусства",^[55] были в эпоху Возрождения отличным способом занять молодого человека с пользой. Ведь помимо академических преимуществ зарубежных университетов, путешествия исправляли характер. Грубый и высокомерный молодой дворянин, который никогда прежде не покидал своей страны, встретил благотворное противодействие и презрение со стороны незнакомцев и тем самым приобрел скромность. Наблюдая за утонченностью древних народов, его неотесанность смягчилась: грубый детеныш варвара постепенно смягчился, превратившись в цивилизованного придворного. А что касается того, чтобы дать человеку благоразумие и терпение, то никогда не было такого наставника, как путешествия. Нежные, женоподобные, трусливые закалялись в борьбе с непривычным холодом, дождем или солнцем, с жесткими сиденьями, каменными подушками, ворами и разбойниками с большой дороги. Любой простой, непредусмотрительный и глупый юноша был бы пробужден к бдительности небольшим опытом общения с "хитростью шпионов, удивительной хитростью трактирщиков и бродяг и большой опасностью, грозящей его жизни".^[56] Короче говоря, опасности и неудобства путешествия стали легкой прелюдией к реальной жизни, в которую молодому человеку вскоре предстоит

пробивать себе дорогу. Только опыт мог научить его быть хитрым, осторожным и смелым; как он мог бы держаться особняком при дворе или на море, среди авантюристов Елизаветы.

Однако такое развитие личности было лишь частью преимуществ путешествий. Гораздо больше следовало превозносить его возросшую полезность для государства. Это была самая веская причина для того, чтобы покинуть свое "собственное милое загородное жилище" и переносить трудности и опасности за морями. Ибо путешественник может принести наибольшую пользу своей стране, имея возможность сравнить ее социальное, экономическое и военное устройство с другими государствами. Поэтому его мудро предостерегают от того любовного предпочтения своей собственной стране, которое заставляет его закрывать глаза на любые улучшения - "без уважительной причины отдавать предпочтение своей родной стране",^[57] но использовать выбор и осмотрительность, видеть, изучать и старательно отмечать, что в каждом месте достойно похвалы и что следует исправить в магистратурах, королевских судах, школах, церквях, армиях - во всех путях и средствах, относящихся к гражданской жизни и управлению гуманным обществом. Все улучшения в обществе, говорят наши авторы, произошли благодаря путешественникам, принесшим домой свежие идеи. В доказательство этого приводятся примеры из жизни древних, дополняющие рассуждения эпохи Возрождения.^[58] Так римляне отправляли своих детей в Марсель, так Кир путешествовал, хотя был еще ребенком, так Платон "приобрел большую часть своей божественной мудрости из самых сокровенных тайников Египта". Следовательно, чтобы научиться служить своему Государю в мирное или военное время, в качестве солдата, посла или "политического деятеля", нужно, подобно Улиссу, знать многих людей и повидать много городов; знать не только объективные особенности зарубежных стран, такие как укрепления, переход рек вброд, расстояния между местами, но и более субъективные характеристики, такие как "главная сила и добродетель испанцев и французов". Какой самый большой порок в обеих нациях? Каким образом подданные в обеих странах демонстрируют свое повиновение своему принцу или противопоставляют себя ему?"^[59] Здесь мы видим, как вступают в игру недавно приобретенные знания о человеческой природе, которыми так гордился шестнадцатый век. Посол в Париже должен знать, что особенно нравится французу. Даже военачальник на войне должен знать особые добродетели и пороки врага: какая нация лучше всего способна совершить внезапную вылазку, какая храбрее выдерживает удар в открытом поле, какая хитрее замышляет засаду.

Очевидно, что, поскольку существует столь разнообразная потребность в знакомстве с зарубежными странами, путешествия являются позитивной обязанностью. Ной, Аристотель, Соломон, Юлий Цезарь, Колумб и многие другие авторитетные люди цитируются, чтобы доказать, что "все, кто когда-либо обладал какими-либо великими знаниями, образованностью или мудростью с начала мира по настоящее время, посвятили себя путешествиям: и что никогда не было человека, который совершил бы какое-либо великое дело или достиг какого-либо заметного подвига, если бы он не путешествовал".^[60]

Это краткое изложение, конечно, не может воспроизвести стиль каждого из наших авторов и лишь приблизительно указывает на их метод убеждения. В особенности это не может отражать стиль Цвингера, вкладом которого является трактат на четырехстах страницах, составленный в виде набросков, с помощью которых любая отдельная идея прокладывает свой извилистый путь по фолиантам. Каждый аспект предмета разделен с дотошной тщательностью. Он не может говорить о времени для путешествия, не проводя различия между естественным временем, таким как годы и дни, и искусственным временем, таким как фестивали и праздничные дни; ни о

средствах передвижения, не указывая на возможность перемещения по воздуху: (1) механическими средствами, такими как крылья Икара; или (2) Ангелами, как апостол Филипп, похищенный из Самарии.^[61] В этом изощренном методе он нашел подражателя в сэре Томасе Палмере.^[62] Нижеследующий, лишь сокращенный фрагмент, может служить иллюстрацией к обеим книгам:

"Путешествие бывает либо: -

I. Нерегулярное.

II. Регулярное. Из постоянных путешественников некоторые были

A. Добровольцами, посланными принцем
и нанятыми в вопросах

1. Мир (и т.д.).

2. Война (и т.д.).

Б. Добровольные.

Считаются добровольными постоянными путешественниками

1. Поскольку они перемещаются случайно.

а. Главным образом, чтобы впоследствии они
могли вести более спокойную и довольную
жизнь во славу Божью.

б. Во-вторых, что касается целей,

(i) Публичность.

(a) Какие люди заторможены в
родах.

(1) Младенцы, дряхлые люди,
Дуры вы, женщины.

(b) В какие времена

страдать не стоит:

(2) Когда наша страна
вовлечена в войну.

(c) Fitte.

(1) Когда человек может получить
наибольшую прибыль в кратчайшие
сроки, к чему он стремится

.

(2) Когда страна, в

то, над чем мы бы мучились,
не держит нас в ревности
и т.д."

То, что идея путешествий как долга перед государством была присуща елизаветинцам от придворных до простых моряков, подтверждается всевозможными письмами современников. Даже Уильям Борн, трактирщик в Грейвсенде, написавший справочник по прикладной математике, назвал его *Сокровищем для путешественников*^[63] и предварял его наставлением в стиле Терлера. Из переписки лорда Берли, сэра Филипа Сидни, Фулка Гревилла, графа Эссекса, и госсекретаря Дэвисона мы видим, насколько серьезно была поставлена цель путешествия. Вот те же напоминания о том, что нужно постоянно помнить о благополучии

содружества, не терять времени даром, использовать порядок и методичность в наблюдении и приносить домой, по возможности, ценную информацию. Сидни сетует, как много он упустил из-за того, что "не смог направить свой курс к нужной цели и правильными средствами". Но он верит, что его брат запечатлел в его сознании "размах и цель, которые ты подразумеваешь под своим стремлением стрелять. Ваша цель, будучи прирожденным джентльменом, состоит в том, чтобы снабдить себя знаниями о таких вещах, которые могут быть полезны вашей стране".^[64]

Дэвисон настаивает на ценности опыта, презирая человека, который думает, что приспособливает себя к книгам: "Наш сидячий путешественник может сойти за мудреца, пока он беседует либо с мертвецами, читая, либо с помощью письма, с отсутствующими людьми. Но дайте ему однажды вступить на государственную службу, и он вскоре обнаружит, если только сможет ощутить презрение, что он непригоден к действию. Ибо способность вести себя с людьми разных настроений, фракций и стран; должным образом подчиняться им или держаться в стороне, в зависимости от обстоятельств, приобретает не только чтением книг, но, скорее, изучением людей: и все же это всегда считалось правдой. Лучший ученый лучше всего подходит для путешественника, поскольку способен делать самые полезные наблюдения: опыт, добавленный к обучению, делает совершенного человека".^[65]

И Эссекс, и Фулк Гревилл полны предостережений против поверхностного и показного знания зарубежных стран: "Истинной целью знаний является ясность и сила суждений, а нехвастовство или способность вести беседу, о чем я, скорее, имею в виду вашу светлость, потому что у большей части дворян и джентльменов нашего времени нет другого применения или цели в их обучении, кроме застольных бесед. Но Бог свидетель, мало что получили те, у кого есть только этот дар проповеди: ибо, хотя, подобно пустым сосудам, они громко звучат, когда человек стучит по их внешней стороне, все же, если вы проникнете в них, вы обнаружите, что они не полны ничего, кроме ветра".^[66]

Лорд Берли, не теряя времени даром, кратко наставляет графа Ратленда в вещах, достойных внимания. Среди них пограничные города, какого размера гарнизон в них содержится и т.д.; какие дворяне живут в каждой провинции, какой торговлей обеспечен каждый город. При дворе, каковы естественные склонности короля и его братьев и сестер, какова королевская диета и т.д. "Особенно для себя, будучи дворянином, о том, как дворяне содержат своих жен, своих детей, свои поместья; как они обеспечивают своих младших детей; как они ведут домашнее хозяйство, чтобы обеспечить себя питанием" и так далее.^[67]

Вот и все об отношении первого "Субсидиума Перегринантибуса". Будет видно, что это было своего рода испытанием и возможностью побыть путешественником в елизаветинские времена. Но биография не лишена свидетельств того, что получатели этих указаний действительно серьезно относились к своим путешествиям и старались сделать их прибыльными для содружества. Среди бумаг Ратленда^[68] есть план укреплений и некоторые заметки, сделанные Эдвардом Мэннерсом, которому Сесил написал вышеупомянутое рекомендательное письмо. Сэр Томас Бодли рассказывает, насколько он был полон патриотических намерений: "У меня возникло желание отправиться за море, чтобы овладеть некоторыми особыми современными языками и увеличить свой опыт в управлении делами, поскольку тогда я был полностью поглощен тем, чтобы посвятить себя и все свои заботы государственной службе".^[69] Заверения в цели своего путешествия написаны из-за границы сэром Джоном Харингтоном и третьим графом Эссексом своему другу принцу Генри. Эссекс

говорит: "Сейчас я отправляюсь в свои путешествия и намереваюсь в конце их обрести истинное знание и улучшить свой опыт, я надеюсь, что Бог настолько благословит меня в моих начинаниях, что я вернусь к вашему Высочеству приемлемым слугой".^[70] И Харингтон в том же духе надеется, что благодаря своим путешествиям и опыту в зарубежных странах он когда-нибудь станет более пригодным для выполнения приказов его Высочества.^[71]

Одним из особых способов служения своей стране было написание "Наблюдений о своих путешествиях". Это было первое упражнение молодого человека, который стремился стать "политиком". Харингтон обещает прислать принцу Генри все заметки, которые он сможет сделать о различных странах. Генри Уоттон предлагает лорду Зушу "Взглянуть на всех нынешних принцев Альманаха".^[72] Ведение дневника требуется почти во всех "Указаниях". "Это хорошо, - говорит лорд Берли Эдварду Мэннерсу, - что вы делаете бумажный блокнот, куда вы можете ежедневно или, по крайней мере, еженедельно заносить все, что с вами происходит",^[73] причина в том, что такие наблюдения, когда современной истории было мало, имели ценность. Они также были гарантией того, что турист был добросовестно нанят. Граф Солсбери сурово пишет своему сыну за границей:

ФРЭНСИС МЭННЕРС, ШЕСТОЙ граф РАТЛЕНД, уехал за границу в 1598 году. Один из семьи путешественников елизаветинской эпохи. Эдвард, третий граф Ратленд, получил письмо с инструкциями от лорда Берли относительно того, что следует соблюдать во Франции в 1570 году. Роджер, пятый граф Ратленд, получил указания Бэкона относительно своих путешествий в 1596 году.

"Каждую неделю я нахожу в руках принца письмо от сэра Джона Харингтона, полное новостей о месте, где он находится, и о странах, которые он проезжает, и обо всех событиях: это аргумент в пользу того, что он читает и наблюдает такие замечательные вещи".

Это повествование было одной из главных нош путешественника. Едва Гилберт Тальбот высаживается в Падуе, как ему приходится написать своим нетерпеливым родителям и извиниться за отсутствие этого "Родственника". "Мы выполняем просьбу вашей чести записать рассказ о нашем путешествии, который мы хотели бы отправить с этими письмами, но его нельзя было бы так удобно разместить с ними, как это может быть со следующими письмами, которые мы напишем".^[74] Фрэнсис Дэвисон, сын секретаря, почему-то не смог поладить со своим "Родственником из Тосканы". Сначала он пишет, что был болен; его учитель говорит, что

рацион Италии - "коренья, салаты, сыр и тому подобные дешевые блюда" - "мистер Фрэнсис никак не может переварить", и после этого его слишком беспокоит бедность. В ответ на жалобы своегоотца на его расточительность он заявляет: "Мой обещанный родственник из Тосканы, которому ваше последнее письмо так не понравилось, что я решил не продолжать".^[75] Дневник Ричарда Смита, джентльмена, сопровождавшего сэра Эдварда Унтонa в Италию в 1563 году, показывает, как даже обычный человек, не склонный к писательству, добросовестно пытался отметить укрепления и плодородие каждой провинции, была ли она "удивительно бесплодной" или "стояла в основном на виноградниках"; основные товары и характер сельского хозяйства. жители: "Люди (на Рейне) очень платежеспособные и не настолько, чтобы платить, как грубые и неряшливые". "В большинстве мест этой страны у них красивые лица и такое же плохое телосложение".^[76]

Помимо записи своих наблюдений, путешественник усердно изучал современные языки. Многочисленными и суровыми были письма Сеси́ла своему сыну Томасу в Париж на тему того, как он освоит французский. Наставнику Томаса было трудноудержать своего ученика от собачьих боев, скачков и худших развлечений в обществе графа Хартфорда, который был большим препятствием для языковых успехов Томаса.^[77] Фрэнсис Дэвисон намекает, что его турни в коем случае не был увеселительной поездкой, связанной с изучением итальянского языка, чтением истории и политики, наблюдением и написанием своих "Родственников". Действительно, как указывал Липсиус, нелегко было совмещать жизнь путешественника с жизнью ученого, "первое было необходимо в постоянном движении, заботах и делах, другое, естественно, требовало легкости, безопасности и покоя",^[78] но все же, избегая англичан, согласно нашим "Указаниям", и упорно беседуя с туземцами, можно было чего-то добиться.

Жить в доме ученого иностранца, как Роберт Сидни жил со Штурмом или Генри Уоттон с Хьюго Блотцем, было, конечно, особенно желательно. Ибо в елизаветинцах все еще были остатки той пылкой общительности среди гуманистов, которая заставляла англичан преодолевать ужасные расстояния по морю и суше, чтобы поговорить с каким-нибудь ученым на Рейне, - того братского духа, который заставил Кранмера наполнить Ламбетский дворец Мартином Бьюзерсом; а епископ Гардинер, тем временем, жаловался из Тауэра не только на "нехватку книг, которые могли бы облегчить мои мысли, но и на нехватку хорошей компании - единственного утешения в этом мире".^[79] Видеть мудреца по-прежнему было таким же удовольствием, как и тогда, когда Эшэм слонялся по каждому городу, через который проезжал, чтобы послушать лекции или поспорить о правильном произношении греческого; пока он не пропускал свой обед или не обнаруживал, что его компания уехала из города.^[80] Советы путешественникам полны такого энтузиазма. Эссекс говорит Ратленду: "Вашей светлости лучше проехать сотню миль, чтобы поговорить с одним мудрым человеком, чем пять миль, чтобы увидеть прекрасный город". Стрэдлинг, переводя Липсиуса, призывает графа Бедфорда "не стыдиться и не брезговать вмешиваться в их фамильярные отношения". "Разговаривая с учеными людьми, мы бессознательно подражаем им, подобно тому, как те, кто выходит на солнце только для развлечения, краснеют от этого и загорают; или, вернее и лучше, подобно тем, кто остается некоторое время в аптеке, пока не будут приготовлены их кондитерские изделия, распространяют запах сладких специй даже на свою одежду".^[81]

Есть признаки того, что ученые мужи не всегда были готовы сиять перед восхищенными незнакомцами, которые врывались к ним. Известный врач Захария Урсинус из Гейдельберга вывесил на своей двери такие слова: "Мой друг, кто бы ты ни был, если ты придешь сюда, пожалуйста, либо уходи снова, либо помоги мне в учебе".^[82] Сидни предвидит трудности, с которыми может столкнуться его брат: "Как мне уговорить отличных людей пригласить Пейнса поговорить со мной? Воистину, в нескольких словах: либо большие расходы, либо большая скромность".^[83]

Если у кого-то нет средств жить со знаменитыми учеными, неплохо было бы снять квартиру у известного книготорговца. Ибо в магазин приходили государственные деятели, адвокаты и другие видные люди, из разговоров которых можно было многому научиться. Мало-помалу представился бы какой-нибудь повод для знакомства с этими персонажами, и, возможно, если бы кто-то из них, "не индоктус", намеревался отправиться в другой город, он мог бы позволить вам привязаться к нему.^[84]

Конечно, для наблюдения и приобретения опыта не было более выгодного места, чем дом посла, если кому-то посчастливилось попасть туда. Английский посол во Франции обычно более или менее опекал молодых джентльменов. Иногда онисамостоятельно останавливались в Париже, но многие принадлежали к его свите и получали еду и питье для себя, своих слуг и лошадей за счет посла.

Сэр Amias поле это *письмо-книга* из 1577-8 свидетельствует о том, что посол хлопоты были существенно дополнены писать отчеты для родителей. Мистера Спика заверяют, что "хотя я живу далеко от Парижа, все же я знаком с деятельностью вашего сына в Париже и не могу не похвалить его перед вами как за усердие в учебе, так и за честное и спокойное поведение, и я смею заверить вас, что вы можете смело доверять ему как в отношении порядка его расходов, так и в отношении его правительства в остальном".^[85] Мистера Аргалла, брата которого нельзя было принять в дом Поля, нужно как можно лучше успокоить письмом.^[86] Мистера Трокмортонa после сомнительного поведения отправляют домой к его матери под предлогом того, что он доставляет письмо в Англию. "Его мать молится, чтобы его приезд казался исполнением его собственной просьбы, потому что королева не будет этим оскорблена". Его мать "обещала предоставить ему ликенцию для путешествия в Италию". Но, говорит Пауле, "Он не может отправиться в Италию без компании какого-нибудь честного и умного человека, и так я ему и сказал, и во многих других вещах с ним обошлись очень игриво".^[87]

Среди этих неприятных обвинений Пауле был Фрэнсис Бэкон. Но своему отцу, лорду-хранителю, Паулет пишет только, что все хорошо, и что слуга его сына особенно честен, прилежен, сдержан и верен, и что Паулет благодарен ему за "хорошее и тихое поведение в моем доме" - факт, который кажется исключительным.

Сэра Дадли Карлтона, как посла в Венеции, также преследовали амбициозные отцы.^[88] Сэр Роулэнд Литтон Чемберлен пишет Карлтону, умоляя лишь о том, "чтобы его сын мог жить в вашем доме и чтобы вы немного обучили его и приучили к бизнесу. Ибо я понимаю, что он хочет сделать из него государственного деятеля и очень хорошо убежден в нем ... как очень снисходительный отец.... Если вы сможете сделать это удобно, это будет одолжением; но я знаю, какое это дело - ломать таких жеребят, и поэтому не буду настаивать на большем, чем вам может понравиться ".^[89]

Помимо обучения дипломатии, еще одним преимуществом поездок с послом было получение посольского иммунитета. Возможно, с сэром Филипом Сидни, находившимся в Париже во время Варфоломеевской резни, пришлось бы плохо, если бы он не принадлежал к семейству сэра Фрэнсиса Уолсингема. Многие другие молодые люди, не столь прославленные для потомства, но ничуть не менее прославленные для своих матерей, были спасены тогда тем же способом. Когда весть о резне достигла Англии, сэр Томас Смит написал Уолсингему: "Я все же рад, что во время этих беспорядков и кровавых проскрипций вам удалось спастись, и молодым джентльменам, которые были там с вами.... Однако мы слышим, что тот, кого милордкамергер послал быть школьным учителем к юному Уортону, прибыл накануне и был убит. Увы! он ни с кем не был знаком и не мог быть причастен ни к какому злодейству. Насколько боязливы и осторожны здешние матери и отцы по отношению к таким молодым джентльменам, вы можете легко догадаться по миледи Лейн, которая очень искренне молится о том, чтобы ее сына отправили домой как можно скорее".^[90]

Опасности путешествий по своей природе вызывали тревогу у матерей. Помимо католиков, здесь были кораблекрушения, пираты и разбойники с большой дороги. Мавры и турки ждали "в маленьком порту под холмом", чтобы принять пассажирские суда, курсирующие между Римом и Неаполем. "Если бы мы пришли днем, как и ночью, нас бы всех взяли в рабство".^[91] На темных узких тропинках по склонам гор или на какой-нибудь большой пустоши в Пруссии можно было встретить всадника, "хорошо вооруженного кинжалами", которого с полным основанием можно было бы назвать Swarte Ritter - его лицо было черным, как дьявол в театре".^[92] Гостиницы были смертельными ловушками. Человек не осмеливался выставлять напоказ деньги из-за страха быть убитым ночью.^[93] Разумнее было замаскироваться под скромного деревенского парня и позорить свои ноги, таская все свое золото в сапогах. Даже если бы таким образом он избежал обычных головорезов, он мог бы легко оскорбить смертоносных университетских студентов, как это сделал старший сын сэра Джулиуса Цезаря, убитый в драке в Падуе,^[94] или, подобно Замечательному Крайтону, заколотому своим благородным учеником на темной улице, истекать кровью в уединенном жилище.^[95] Еще более опасными были менее романтические болезни, вызванные странным питанием и нечистоплотностью гостиниц. Иметь отдельную постель было редким удовольствием. Более вероятно, что путешественник был вынужден разделить его с незнакомцем неприятной внешности, если не характера.^[96] В обычных немецких заведениях "каждый путешественник должен сидеть за обычным столом как хозяин, так и слуга", так что часто их заставляли сидеть с такими "рабами", что в спешке взять лучшие куски с общего блюда, стоящего в центре стола, "человеку было бы неприятно видеть такие грязные руки в своем блюде".^[97] Многие нетерпеливые туристы слегли с оспой, прежде чем увидели в мире что-либо достойное упоминания, или, если он возвращался домой, приносили с собой подорванное здоровье. Третий лорд Норт был болен на всю жизнь из-за неумеренного количества горячей патоки, которую он употреблял в Италии, чтобы избежать чумы.^[98]

ДАДЛИ НОРТ, ТРЕТИЙ БАРОН НОРТ *с гравюры оригинальной картины из коллекции графа Гилфорда* В 1602 году он чудом избежал чумы в Венеции, выпив неумеренные дозы горячей патоки, которой он приписал свое пожизненное плохое самочувствие.

Но на самом деле елизаветинца беспокоили не низкие материальные риски, связанные с оспой, лихорадкой или грабителями. Подобные соображения были ниже его героического темперамента. Сэр Эдвард Уинзор, предостерегаемый от пиратства в Мальтийском заливе, пишет: "И для того, чтобы не говорили, что англичанин заехал так далеко, чтобы увидеть Мальту, и снова превратил ее в пустое место, я решил скорее превратить этот Гольф в свою могилу".^[99] Это была своего рода опасность, ослабляющая характер и заставляющая людей сомневаться в пользе путешествий. До сих пор мы не упоминали в нашем описании книг, адресованных путешественникам, ни о каких напоминаниях об испытаниях Улисса, ни о мрачных предостережениях против "песен итальянских сирен". Поскольку они были написаны одновременно с пламенными речами, восхваляющими путешествия, возможно, было бы неплохо рассмотреть их, прежде чем мы пойдем дальше.

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ЦИНИЧНЫЕ НАМЕКИ НА ПРЕИМУЩЕСТВА ПУТЕШЕСТВИЙ

Путешественник, только что вернувшийся из чужих краев, был отличной мишенью для сатириков. В елизаветинские времена его поклоны и потрясающая вежливость, его облегающая черная одежда из Венеции, его французский акцент, его утонченные пристрастия, такие как духи и зубочистки, были крайне оскорбительны для простого англичанина. Всегда можно было быть уверенным в благодарной аудитории, если он поносил "замаскированные одежды и отчаянные шляпы" "жеманного путешественника" хау; его одежда говорила по-французски или по-итальянски, а походка кричала: "Смотрите на меня!" как он говорил на своем родном языке со стыдом и отвращением.^[100] "Вы увидите щеголеватого Жака, который был совсем недавно в Дипе,^[101] скривившего лицо, как человек, помешивающий горчицу в горшочке, и говорящего по-английски сквозь зубы, как ... Месье Минго де Мустра".^[102] Нэш был одним из лучших в описании тех, кто прожил во Франции полдюжины лет: "а когда они возвращались домой, у них были немного по-ирландски худые лица под широкими французскими шляпами, они ужасно косились от пыли на улице в своих длинных плащах из серой бумаги и странно говорили по-английски. Ничего другого они не извлекли из своего путешествия, кроме того, что научились отличать настоящий виноград сорта Бурдо и отличать чашу чистого гаскойнского вина от орлеанского; да, и, возможно, также, что они будут относиться к оспе как к прыщу, носить бархатную повязку на лице и меланхолично ходить, скрестив руки".^[103]

Путешественнику с французским происхождением досталась изрядная доля сатиры, но об англичанине-итальянце говорили и более мрачные вещи. Он был атеистом - существом, доселе неизвестным в Англии, - который смело смеялся, презирая как протестантов, так и папистов. Он насмехался над папой, поносил Лютера и никого не любил, кроме самого себя.^[104] "Мне все равно, - сказал он, - что вы говорите мне о Боге, лишь бы принц и законы королевства были на моей стороне".^[105] В политике он объединился с папистами, они больше соответствовали его образу жизни, чем пуритане, но он был неверен всем партиям.^[106] В частной жизни он был порочен и совершал "такое злодейство, о котором отвратительно заявлять", ибо в Италии он служил Цирцее, превращающей людей в зверей.^[107] "Но я боюсь, - говорит Эшам, - что многие из наших путешественников в Италию не избегают пути ко двору Цирцеи: но идут, скачут, убегают и улетают прочь, они прилагают большие усилия, чтобы приблизиться к ней; они прилагают большие усилия, чтобы служить ей: да, я мог бы указать им на это". достаю пальцем немного того, что никогда не выезжало за пределы Англии, а только для того, чтобы угостить Цирцею в Италии. Тщеславие, порок и любая вольность к дурной жизни в Англии считались для них черствыми и грубыми".^[108]

Вполне вероятно, что некоторые из этих обвинений были правдой. Италия больше, чем какая-либо другая страна, очаровала англичанина елизаветинской эпохи, отчасти потому, что климат, люди и внешний вид вещей были так непохожи на его собственный серый дом. Особенно его очаровала Венеция. Солнце, море, красивые улицы, "такие чистые, что по ним можно ходить в шелковых чулках и сидячих тапочках",^[109] высокие дворцы с мраморными балконами и золотоволосыми женщинами, флагелланты, избивающие себя, шуты, турки, величественные джентльмены в черных одеждах - все это было новым и странным и удовлетворяло его романтическому чувству. Кроме того, Падуанский университет по-прежнему оставался одним из величайших университетов Европы. В него стекались студенты из всех стран. Уильям Томас

описывает "бесконечный выбор всех наций, который постоянно наблюдается там. И я думаю, что ни в одном регионе мира в настоящее время и вполнину не так много бродяг, как в Италии; особенно среди джентльменов, которые приезжают туда главным образом под предлогом учебы ... все достойные люди могут там учиться: и потому эти места соответственно оборудованы: не только для таких студентов, как те, что чаще всего воспитываются в наших университетах (многие мужские дети поступают в школы в надежде прожить за счет полученных знаний), но и для большей части сыновей благородных людей и лучших джентльменов: которые учатся больше ради знаний и удовольствия, чем ради любопытства или лукавства: ... В эту последнюю зиму, живя в Падуа, я благодаря прилежной беседе узнал, что число тамошних школьников составляло немногим менее пятисот; из них, смею утверждать, не менее тысячи были язычниками".^[110]

Студенческая жизнь в Падуе была намного оживленнее, чем монашеское затворничество английского университета. Ему не нужно посещать много лекций, ибо, как объясняет Томас Хоуби, после того, как ученый был избран ректорами, "Его ученость не обязывает его ни к каким лекциям, и ничто не обязывает его посещать то, на что он хочет пойти сам".^[111] Так что, будучи джентльменом, а не клерком, он, скорее всего, занялся бы фехтованием или верховой ездой: в Падуе "не проходит ни одного дня без участия в соревнованиях по тильте, турнирах, боях с барьерами и других подобных празднествах". вооружается, обрабатывается и обставляется наилучшим образом: величайшие любители этого - схоласты".^[112]

Затем ученый также разнообразил свои труды экскурсиями в Венецию на одном из тех пассажирских судов, которые ежедневно курсировали из Падуи, о которых говорили, "что судно утонет, если на нем не будет ни обезьяны, ни студента, ни Куртезана пассажиры по большей части относятся к этому типу"^[113] и, как указывает Морисон, если бы он, оскорбив, не получил кинжал в ребра от сокурсника, он, вероятно, вел бы приятную беседу по дороге.^[114] Хоуби совершил несколько поездок из Падуи в Венецию, чтобы увидеть такие вещи, как "люсти йонг герцог Феррандинский в сопровождении знатных людей" ... бегать на ринге с прекрасными турками и каурами, быть в маскараде после турецкого манера, и пешком бросать яйца в окна среди дам, полных сладкой воды и дамаскских поулдеров", или, подобно студентам Латинского квартала, которые часто посещают "La Morgue", отправились посмотреть на тело джентльмена, убитого в результате кровной мести, выставленное на всеобщее обозрение в его доме - "на виду у всех мужчин".^[115] В диковинной смеси народов, кишаших в Венеции, студент мог провести весь день, наблюдая за балаганами, кровавыми уличными драками и шествиями. В прославленной свободе этого города, где "никто не торгует чужими вещами и не вмешивается в жизнь другого человека",^[116] неудивительно, что молодой человек, только что окончивший английский университет вдали от тех, кто его знал, иногда "соблазнялся развратными личностями" и, однажды потеряв свою невинность, превзошел даже студентов Падуи. Ибо, как говорит Грин, "поскольку наш ум столь же зрел, как и у любого другого, то и наша воля более, чем у всех, готова претворить в жизнь любое из своих распущенных злоупотреблений".^[117] Так возникла знаменитая пословица: "Итальянец - англичанин - это воплощенный дьявол".

Отсюда предостережения против Цирцеи даже тех авторов, которые наиболее громко восхваляют путешествия. Липсиус призывает своего благородного ученика остерегаться итальянок: " ... между семьями, для виду, для похоти и процедур".^[118] Терлер должен признать "справедливую жалобу многих на то, что наши соотечественники обычно привозят с собой из Италии три вещи : непослушную совесть, пустой кошелек и слабый желудок: и часто это

действительно так ". Ибо, поскольку "в путешествиях чаще всего заняты молодые и преуспевающие люди, которые по своему образу жизни и условиям склонны к пороку и гораздо более усердно занимаются им, если их к этому склонить"... "часто удовольствия заставляют человека не думать о своем возвращении"... но его захватывают песни русалок, "так что возвращаться домой со стыдом и безобразия достаточно".^[119]

Необходимо было также предостеречь путешественника от тех более безобидных грехов, о которых мы уже упоминали: от высокомерного поведения по возвращении на родину или тщеславия, которое побуждало его постоянно показывать, что он был за границей и не похож на обычное стадо. Возможно, это было интеллектуальное притворство атеизма или культивируемый вкус к Макиавелли, которым он был склонен поражать своих старомодных соотечественников. Почти единственной книгой, которую сэр Эдвард Унтон, кажется, привез с собой из Венеции, была "*История Николо Макиавелли*", Венеция, 1537 год. На титульном листе он написал: "Максима Маккавелли / Чего не бывает разного / чего не бывает живого / Да здравствуют и да здравствуют / Edw. Унтон. /"^[120] Возможно, только его демонстрация итальянской одежды - "цивильной, потому что черной, и миловидной, потому что облегающей тело",^[121] или более изысканные манеры за столом, чем у англичан, вызвали насмешки его врагов. Несомненно, в вернувшемся путешественнике была определенная степень снисходительности, которая делала его неприятным, особенно если он был гордым и дерзким придворным, привлечшим внимание королевы своим острым умом и новизной речи, или если он был тщеславным мальчиком из тех, что загромождают улицы Лондона своими взъерошенными манерами.

Прикидывая, кого имел в виду Эшэм, когда говорил, что знает людей, вернувшихся из Италии с "меньшей ученостью и худшими манерами", я предположил, что это мог быть Артур Холл, первый переводчик Гомера на английский. Холл был многообещающим специалистом по греческому языку в Кембридже и начал свой перевод при поддержке Эшэма.^[122] Между 1563 и 1568 годами, когда Эшэм писал "*The Scolemaster*", Холл, не получив ученой степени и не завершив Гомера, уехал в Италию. Эшэма бы разозлило, если бы член Сент-Джонса бросил свою задачу и свою ученую степень ради того, чтобы слоняться без дела. Конечно,загробная жизнь Холла подтвердила дурные предчувствия Эшэма относительно ценности зарубежных поездок. По возвращении он влачил печально известное существование в Лондоне, пока последствия драки в таверне не выгнали его из парламента. Я мог бы на мгновение остановиться на любопытном рассказе Холла об этом последнем случае, потому что это одно из немногих высказываний, которыми мы располагаем, признанного англичанина-итальянца определенного сорта.

Холл, по-видимому, был одним из тех галантов, которые разгуливали по елизаветинскому Лондону и использовали

"Ловить, чтобы сыграть в кости,
Чтобы поклясться своей кровью, а харт
Встретит это с видом Раффинса
И сдвинет Шляпу набекрень".^[123]

Юмористы проливают много света на таких "молодых людей". То же самое делает Флитвуд, лондонский регистратор, к которому они обычно прибегали, когда их арестовывали за долги

или за убийство карманника, принося в качестве единственного извинения: "Я Джинтелман, и, будучи Джинтелманом, я не должен быть использован в качестве раба и колиона".^[124] Холл, пишущий в третьем лице, в предполагаемом образе друга, описывает себя как "человека не совсем необразованного, со слабым знанием различных языков ... разъярен, когда ему противоречат ... поскольку вы сами являетесь свидетелем его действий в Риме, во Флоренции, на пути между ними и Боллонией ... такой неумолимый, если ему нанесут оскорбление, как Силла, скорее будет доволен Мариусом, чем он равными себе, в ответ на обиды, нанесенные трифлсом.... Кроме того, тратить больше времени на занятия спортом и следовать им, чем это вообще похвально, и тем менее, потому что, я гарантирую вам, лето будет отличным, это то, ради чего мы готовы ".^[125]

Этот ужасный человек 16 декабря 1573 года в Лотбери, в Лондоне, ужинал за столом по двенадцать пенсов за обед с несколькими торговцами и неким Мелхиседеком Маллери. На доску были брошены кости, и в ходе игры Маллери "отдал щелок с жесткими словами в жаре одному из игроков". Холл поклялся (поскольку он не собирается одалживать тебе еще пару штук), что выбросит Маллери в окно. Здесь дымилась Этна, обнажались кинжалы ... но хозяин жаловался на дело слаундера, на то, что в его доме произошла ссора ... итак ... на этом дело было закончено ".

Но некий мастер Ричард Дрейк, присутствовавший на "Милорде Лестерском", приложил все усилия, чтобы сначала предупредить Холла, чтобы он был осторожен с Маллери в игре, а затем сказать Маллери, что Холл сказал, что он использовал "непристойные приемы в картах". На следующий день в "Poules"^[126] Маллери пришел к Холлу и "очень горячо обвинил его в том, что тот сообщил, что он двоюродный брат фолкса из Mawe". Холл, далекий от того, чтобы проявлять ту ярость, которую он называл своей характерной чертой, кротко отверг обвинение. Он сказал, что был терпелив, потому что был обязан сохранять мир во время темных беспорядков в прошлом. Маллери сказал, что это потому, что он был трусом.

Маллери продолжал говорить это в течение нескольких месяцев, пока перед толпой джентльменов в "ординарце" некоего Уормса его насмешки не стали настолько невыносимыми, что Холл подкрался к нему сзади и попытался ударить ножом в спину. Началась всеобщая потасовка, кто-то удерживал холл, в одно мгновение зал наполнился лордом Зушем, джентльменами и другими, в то время как "Мэллери с огромным шреком выскочили со всех ног из дверей, поднялись по лестнице и там наверху употребляли самые грубые выражения в адрес мистера Холла".

Холл, порезавшийся сам - и никто другой - несколько дней залечивал свою рану в закрытом помещении, в течение которого друзья сообщили, что Маллери "показал ему итальянский трюк, намереваясь таким образом причинить ему какую-то тайную и непредвиденную пакость". Затем, с "муфтой, наполовину закрывшей лицо", Холл отвез почтовых лошадей к себе домой в Линкольншир. Его позвали дела, рассказывает он читателю. У Маллери не было никаких оснований утверждать, что он скрылся, переодевшись.

Через шесть месяцев он отважился вернуться в Лондон и снова стать геем. Он пообедал у "Джеймса Лумелиса - сына, как говорят, старого господина Доминике, уроженца Генуи, о потере носа которого ходят разные рассказы", - и, возвращаясь домой, зашел в знакомый игорный дом и "присоединился к остальным".

Но нет ему покоя. Входит Маллери - и с невыносимо надменным видом проходит мимо. Холл пытается приятно прогуляться по Поулзу со своим другом Мастером Вудхаусом: "снова появляется Маллери, дважды или трижды проходит мимо Холла, с потрясающим видом и экстраординарно треплет его по локтям и три или четыре раза прищипывает спаниеля мистера Вудхауса, следовавшего за своим хозяином и Мастером Холлом". Холл бормочет своим слугам: "Господи, неужели вы не можете стукнуть парня головой о стену, если он так хвастается?" Трое его слуг выходят из церкви через западную дверь; когда Маллери выходит, они набрасываются на него и ранят по щеке.

Мы не будем следить за ходом повествования по последующему судебному иску, поданному Маллери против слуг Холла, судебному процессу под председательством регистратора Флитвуда, смерти Маллери, который "отошел, опираясь на старого Отца Рима, отца, которого, как я слышал, некоторые говорят, мистер Холл не ненавидит", или последующему исключению Холла из парламента. Этого достаточно, чтобы показать, какими безобидными, тщеславными хвастунами были некоторые из этих "итальянок", и как легко они приобрели репутацию отчаянных парней. Адвокат Маллери на процессе обвинил Холла в том, что он "следил за местью с итальянским умом, усвоенным в Риме".

Среди других итальянизированных мужчин из Кембриджа, которых Эшэм вполне мог заметить, были Джордж Экворт и Уильям Баркер. Экворт жил за границей во время правления Марии, изучая гражданское право во Франции и Италии. Когда Елизавета взошла на престол, он был избран оратором Кембриджского университета, но из-за того, что был праздным, распутным и пьяницей, он потерял все свои предпочтения в Англии.^[127] Баркер, или Берчер, получивший образование в школе Святого Иоанна или Христа, был за границей в то же время, что и Эшэм, который, возможно, встретил его, как и Хоуби, в Италии.^[128] Баркер, кажется, был праздным человеком - он говорит, что после путешествий "мое прежнее увлечение не исповедовать ничего, кроме вечеринок". был очень увлечен^[129] - и папистский, поскольку после восшествия на престол Марии он вернулся домой, чтобы служить герцогу Норфолку, чьи католические заговоры он выдал под пытками в 1571 году. Именно тогда герцог с горечью назвал его "итальянцем и англичанином", равным по неверию "шотландцу-шамлессу";^[130] *то есть* епископу Росса, еще одному свидетелю.

Эдвард де Вер, семнадцатый граф Оксфорд, известный своим грубым поведением по отношению к сэру Филипу Сидни, которого он впоследствии пытался расправиться с наемными убийцами на итальянский манер,^[131] вполне мог быть одним из подрастающего поколения придворных, которых Эшэм так осуждал. При жизни Эшема он уже был заметным кавалером, и к 1571 году, в возрасте двадцати двух лет, он был любимцем двора. Друзья графа Ратленда, державшие его в курсе новостей, пока он выполнял в Париже те тяжелые обязанности по наблюдению, которые наметил для него Сесил, объявляют, что "При Дворе нет человека живого и проворного во всех отношениях, кроме графа Оксфорда".^[132] А месяц спустя "Герцогиня Оксенфордская поймала Хайма уайффа - или, по крайней мере, Вайф поймал Хайма уайффа - то есть миссис Энн Сайкилл, до тех пор, пока королева не получила ее согласия, которое было получено от графа Оксфорда". я был великим уиппингом, уолингом и печальной шери из тех, кто надеялся пережить этот золотой день ".^[133] Эшэм не дожил до того, чтобы увидеть превращение этого фаворита в англичанина итальянского происхождения, но выпад Харрисона против поездки сыновей дворян в Италию совпадает с возвращением графа из зарубежного турне, которое, похоже, было неуместно потрачено.

В то самое время, когда королева "восхищалась его личностью, его танцами и отвагой больше, чем кем-либо другим", ^[134] Оксфорд отправился во Фландрию - самовольно. Хотя его тесть Берли приказал вернуть его возмущенной Элизабет, на следующий год он снова отправился в путь и направился в Италию. Из Сиены, 3 января 1574-1575 гг., он пишет, прося Берли продать часть своей земли, чтобы выплатить ему долги, и в ответ на предупреждение Берли о том, что его дела в Англии требуют внимания, отвечает, что, поскольку у него дома так много проблем, он решил продолжить свои путешествия. ^[135] Восемь месяцев спустя, из Италии, он умоляет Берли предоставить ему лицензию на продолжение своих путешествий еще на год, указывая в качестве причины примерное желание увидеть больше Германии. (Также в другом письме ^[136] он уверяет Сесила, что намерен познакомиться со Штурмиусом - воспитателем молодежи, столь высоко ценимым Эшемом.) "Что касается Италии, он рад, что увидел ее, но не желает видеть ее снова, разве что для того, чтобы послужить своему принцу или стране". Причина, по которой они ничего не слышали о нем прошлым летом, заключается в том, что его письма были отправлены обратно из-за чумы в пассаже. Он не знал об этом до своего позднего возвращения в Венецию. У него была тяжелая лихорадка. Письмо завершается упоминанием о том, что он взял у Баптисты Нигроне 500 крон, которые он желает получить от продажи своих земель, и краткой благодарностью за известие о родах его жены. ^[137]

Из Парижа, с интервалом в шесть месяцев, он заявляет о своей радости по поводу известия о том, что он стал отцом, но не предлагает вернуться в Англию. Скорее всего, он намерен вернуться в Венецию. Он "может провести два или три месяца, осматривая Константинополь и какую-нибудь часть Греции". ^[138]

Однако, по словам Берли, "я написал Париссу Хайму, чтобы тот поторопил Хайма вернуться домой", и в апреле 1576 года он высадился в Дувре в чрезвычайно угрюмом настроении. Он отказался увидеться со своей женой и сказал Берли, что может снова забрать дочь в свой дом, поскольку твердо решил "избавиться от камбера". ^[139] Он обвинил своего тестя в утаивании причитающихся ему денег, хотя Берли утверждает, что Оксфорд получил за один год 5700 фунтов стерлингов. ^[140] Учитывая, что у Роберта Сидни, впоследствии графа Лестера, было всего 100 фунтов стерлингов в год на поездку за границу, ^[141] и что сэр Роберт Даллингтон заявляет, что 200 фунтов стерлингов вполне достаточно для джентльмена, обучающегося во Франции или Италии, включая оплату слуги, и что любое большее было бы "излишним и во вред ему", ^[142] будет видно, что сумма, у графа Оксфорда было 5500 фунтов стерлингов "в ущерб себе".

Однако некоторые результаты его путешествия понравились его государю. Ибо он был первым человеком, импортировавшим в Англию "перчатки, сладкие мешочки, надушенную кожаную куртку и другие приятные вещи". ^[143] Королева так гордилась подаренной им парой надушенных перчаток, отделанных "четырьмя пучками или розами из цветного шелка", что ее "изображали с этими перчатками на руках, и много лет спустя их называли духами графа Оксфордского". ^[144] Его собственный иностранный и модный наряд был высмеян Габриэлем Харви в часто цитируемом описании англичанина итальянского происхождения, начинающемся так:

"Маленькая обезьянья шляпка плотно прилегала к макушке, как устрица". ^[145]

"Артур Холл" и "Граф Оксфорд", возможно, послужат доказательством того, что многие молодые люди, о которых говорили, что они вернулись с худшими последствиями для своей свободы повидать мир, были теми, кто был бы очень плохой опорой для общества, если бы они никогда

не покидали свою родину. Слабые и тщеславные юноши чисто английского роста избежали комментариев, привлеченных грешником в странных одеждах и новых клятвах. Ибо в самих этих одеждах заключено оскорбление содружества. Мне нужно только обратиться к популярным ревность, среди английского галантерейщиков и модисток, высшего ремесла континентальный рабочих, за которыми английских ткачей отставала: Генрих Восьмой приходилось носить шланг вырежьте из кусочков ткани, на ногу которой он так гордился ... если "великий шанс пришел Пайре испанский Силке чулки из Spaine."^[146] вязать шерстяные чулки были сделаны не в Англии до 1554, когда ученик "вдруг увидел, как пара вязать шерстяные чулки в распоряжении итальянского купца, который приехал из Манту."^[147] Харрисона описание Англии и веет враждебностью к заграничным шмоткам, явно основана на коммерческих ревности: "и не было им никогда не веселее, чем в Англии, когда англичанин был известен за пределами своей собственной ткани, и ограничился тем, что дома с его тонкой carsey Хосен, и значит помои: пальто, платье, и плащ коричневого, синий, или блевануть, с какой-то красивой мебели из бархата или меха, и дублета сад Тони, или из черного бархата, шелка или другой пригожей, без порезов и ярких тонов, как носят в эти дни, и никогда не приносил, но с согласия французов, которые считают себя в веселых людей, когда у них есть самые разнообразные тряпки и изменением цвета о них."^[148]

К экономической язвительности была примешана значительная доля искренней старой английской ненависти к французам, испанцам или любому другому иностранцу, которая всегда находила выражение. Либо это взбунтовались подмастерья, либо какой-нибудь грубиян, который останавливается рядом с экипажем испанского посла, срывает с головы посла шляпу и "мчится с ней по улице так быстро, как только может, а люди идут дальше и смеются над этим",^[149] или это были офицеры Смитфилда, которым поручено рубить шпаги неподходящей длины, которые набросились на французского посла, потому что его шпага была длиннее, чем позволяли уставы. "Он был в большой ярости.... Ее Величество очень обижена на офицеров, поскольку они хотели осуждения".^[150]

Существовала также неприязнь ко всему новому порядку вещей, мода на путешествия в котором была лишь фазой: неприязнь к новому придворному, который презирал жизнь в деревне, окруженный огромной свитой семейных слуг, но предпочитал снимать небольшие апартаменты в Лондоне и приобщаться к удовольствиям столичной жизни. Театры, игорные заведения, школы фехтования, дорожки для боулинга и, прежде всего, очарование улиц и толпы - все это было очарованием, которое только начинало проявляться в Елизаветинской Англии. Но народ громко выступал против дворян, которые предпочитали тратить свои деньги на подобные вещи, а не на благоустройство своих поместий, и которые тратили на красивую одежду то, что раньше тратилось на ростбиф для их слуг. *Острота Грина в адрес выскочки-придворного пародирует то, что сказал бы новый и утонченный англичанин:*

"Миры изменились, и люди повзрослели до большего остроумия, а их умы стали стремиться к более благородным мыслям: они были тупицами в *diebus illis*, они не умели по-настоящему пользоваться благородством, и поэтому они жили низко и умерли в неизвестности; но теперь способности людей усовершенствованы. Время придало новую остроту чувству юмора джентльменов, и они показывают себя такими, какими должны быть: не обжорами, как их отцы, в туфлях из бифа и подаваниях бедным, а в бархате, атласе, золотой ткани, жемчуге: да, в перламутровых кружевах, которые редко надевал Калигула в свой день рождения".^[151]

В целом мы можем сказать, что возражения против зарубежных поездок были вызваны целым рядом причин. Эшэм, несомненно, знал подлинные случаи, когда молодые люди были избалованы чрезмерной свободой, и, несомненно, было много несносных мальчишек, которые хвастались своими "чужеземными пороками". Островные предрассудки, ревность и консерватизм, ненависть к иностранному влиянию привлекли внимание к этим дурным примерам. Наконец, в протесте против зарубежных поездок, который становился все более и более сильным к концу правления Елизаветы и началу правления Якова Первого, был еще один элемент - ненависть к Италии как оплоту Римско-католической церкви и страх перед инквизицией. Предупреждения против иезуитов - яркая черта следующей группы Инструкций для путешественников.

ГЛАВА IV

ОПАСНОСТИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ-ПРОТЕСТАНТОВ

Обострение вражды между протестантами и католиками в последней четверти XVI века во многом было связано с осуждением путешествий, которые мыописывали. В своем страхе и ненависти к римско-католическим странам англичане с тревогой относились к любой привлекательности, интеллектуальной или иной, которую Континент представлял для их сыновей. Они предпочли бы, чтобы они отказались от преимуществ гуманитарного образования, чем подверглись риску попасть душой и телом в руки папистов. Сильный, неистовый патриотизм, вспыхнувший при встрече с испанской армадой, почти заглушил жизнерадостный порыв путешествовать ради учебы. Это снова разделило народы и лишило их общего восхищения Италией, которое заставляло молодых людей севера все вместе устремляться туда. Мы больше не можем представить англичанина вроде Селлинга, который пришел бы к великому политику в Болонье и прижал его к сердцу - "*arctissima sibi conjunxit amicum familiaritate*",^[152] как говорится в теплой гуманистической фразе. В семнадцатом веке Политиан был бы "заразительным папистом", использующим свое обаяние, чтобы обращать людей в католицизм, а Селлинг был бы "истинным сыном Англиканской церкви", ругающим Политиана за его "развратные и папистские принципы". Эпоха Возрождения побудила людей отправиться в Италию как за цветком мира. Едва они начали, как Реформация назвала ее местом мерзости. Лорд Берли, который в первые дни жизни Елизаветы был так увлечен иностранным образованием для своего старшего сына, обучал его языкам и настаивал на поездке в Италию,^[153] в конце своей долгой жизни оставил наставления своим детям: "Не позволяй своим сыновьям переходить Альпы, ибо они не научатся там ничему, кроме гордыни, богохульства и атеизма. И если в путешествии они приобретут несколько сломанных языков, это принесет им не больше пользы, чем подавать одно мясо на разных блюдах".^[154]

Мать Фрэнсиса Бэкона служит хорошим примером пуританского недоверия к путешествиям "за моря". Она ни в коем случае не могла сочувствовать решимости своего сына Энтони стать сведущим в иностранных делах, поскольку это привело его к сближению с римскими католиками. На протяжении всего своего длительного пребывания за границей она раздражалась, в то время как Энтони упрямо оставался во Франции, приобретая знакомство с ценными корреспондентами, шпионами и разведчиками, которое позже сделало его одним из

крупнейших авторитетов в Англии по вопросам континентальной политики. У него был доверенный слуга, католик по имени Лоусон, которого он послал передать лорду Берли какие-то важные секретные новости. Леди Бэкон, опасаясь, как бы общество Лоусона не извратило религию и мораль ее сына, приказала арестовать этого человека и поместить его под стражу в Англии. Его встревоженный хозяин послал другого человека умолять его мать освободить Лоусона, но тщетно. Письмо этого посланника Энтони послужит демонстрацией ярости антикатолических чувств британской матроны в 1589 году.

По прибытии в Годомбери миледи обращалась со мной вежливо, пока я не начал убеждать ее ради мистера Лоусона; и, по правде говоря, ради вас самих; будучи настолько увлечена вашим тамошним пребыванием, она не позволила себе сказать, что вы предали Бога и свою страну; вы погубили ее; вы ищете ее смерти; и когда вы получите то, к чему стремитесь, у вас будет всего на сотню фунтов больше, чем у вас есть сейчас.

"Она полна решимости раздобыть письмо Ее Величества, чтобы заставить вас вернуться; и когда это произойдет, если Ее Величество предоставит вам ваши права или дезертирует, она должна упрятать вас в тюрьму. Ей невыносимо слышать о тебе, как она говорит, и особенно отом, другом, и она прямо сказала мне, что в этом месяце ей будет еще хуже из-за того, что я приехал без тебя, и спросила меня, почему ты не мог приехать оттуда вместе со мной.

"Она говорит, что вас ненавидят все вожди с той стороны и проклинают Богом за все ваши действия, поскольку мистер Лоусон рядом с вами

"Когда вы получите свои припасы, снова займитесь ремонтом дома, иначе вы станете средством сократить ее дни, ибо она сказала мне, что душевное горе, ежедневно испытываемое вами во время вашего пребывания, станет ее концом; также говорит, что ее драгоценности будут потрачены на вас, и что она заняла последние деньги у семи человек.

"В заключение я должен признаться вам, что я никогда не видел и никогда не увижу мудрую Леди, благородную женщину, мать, более озадаченную отсутствием своего сына, чем я видел эту достопочтенную даму из-за вашего".^[155]

К концу правления Елизаветы убежденные протестанты стремились удержать своих сыновей от зарубежных поездок не только из-за всеобщей ненависти к римским католикам, но и из-за очень живого и обоснованного страха перед инквизицией и иезуитами. Когда Англия находилась в состоянии войны с Испанией, любой англичанин, пойманный на испанской территории, был законным пленником с требованием выкупа; и поскольку испанская территория означала Сицилию, Неаполь и Милан, а Рим был территорией покровителя Испании, папы Римского, Италия была далеко не безопасной для англичан и протестантов. Даже когда был объявлен мир с Испанией, после восшествия на престол Якова I. Шпионы инквизиции были повсюду на чеку, чтобы найти какой-нибудь незначительный предлог для ареста путешественников и поставить их перед дилеммой: отречься от своей веры или быть заключенными в тюрьму и подвергнутыми пыткам. Например, есть письмо в Солсбери от одного из его агентов на Континенте, касающееся предложений, сделанных ему папским нунцием, заманить какого-нибудь известного англичанина - молодого лорда Руса или лорда Крэнборна - в папские владения, где его могут схватить и содержать под стражей в надежде добиться освобождения иезуита Болдуина.^[156] Уильям Беделл, собирающийся отправиться в Италию в качестве капеллана сэра Генри Уоттона, посла в Венеции, с тревогой спрашивает друга, каким

путем лучше всего добраться до Папы. Италия. "Ибо мне сказали, что инквизиция находится в Миллейне, и что если человек не пригибается низко перед каждым Крестом, он может быть брошен в тюрьму.... Пришлите мне, прошу вас, список главных городов, через которые нужно проехать. Я забочусь не о том, чтобы увидеть какие-то места, а о том, чтобы отправиться туда кратчайшим и безопасным путем".^[157]

Опасения Беделла были небезосновательны, поскольку уже на следующий год был арестован несчастный мистер Моул, чье дело стало одной из сенсаций того времени. Фуллер в своей *Истории церкви* под 1607 годом записывает, как...

Примерно в это же время мистер Молл, наместник лорда Росса в его тяжких трудах, начал свое несчастливое путешествие за моря.... Он был назначен Томасом, графом Эксетерским, губернатором в Родах своего Внука, лорда Росса, взяв на себя эту обязанность с большой неохотой (как предзнаменование неудачи), имея профессию и решив не покидать Альпы.

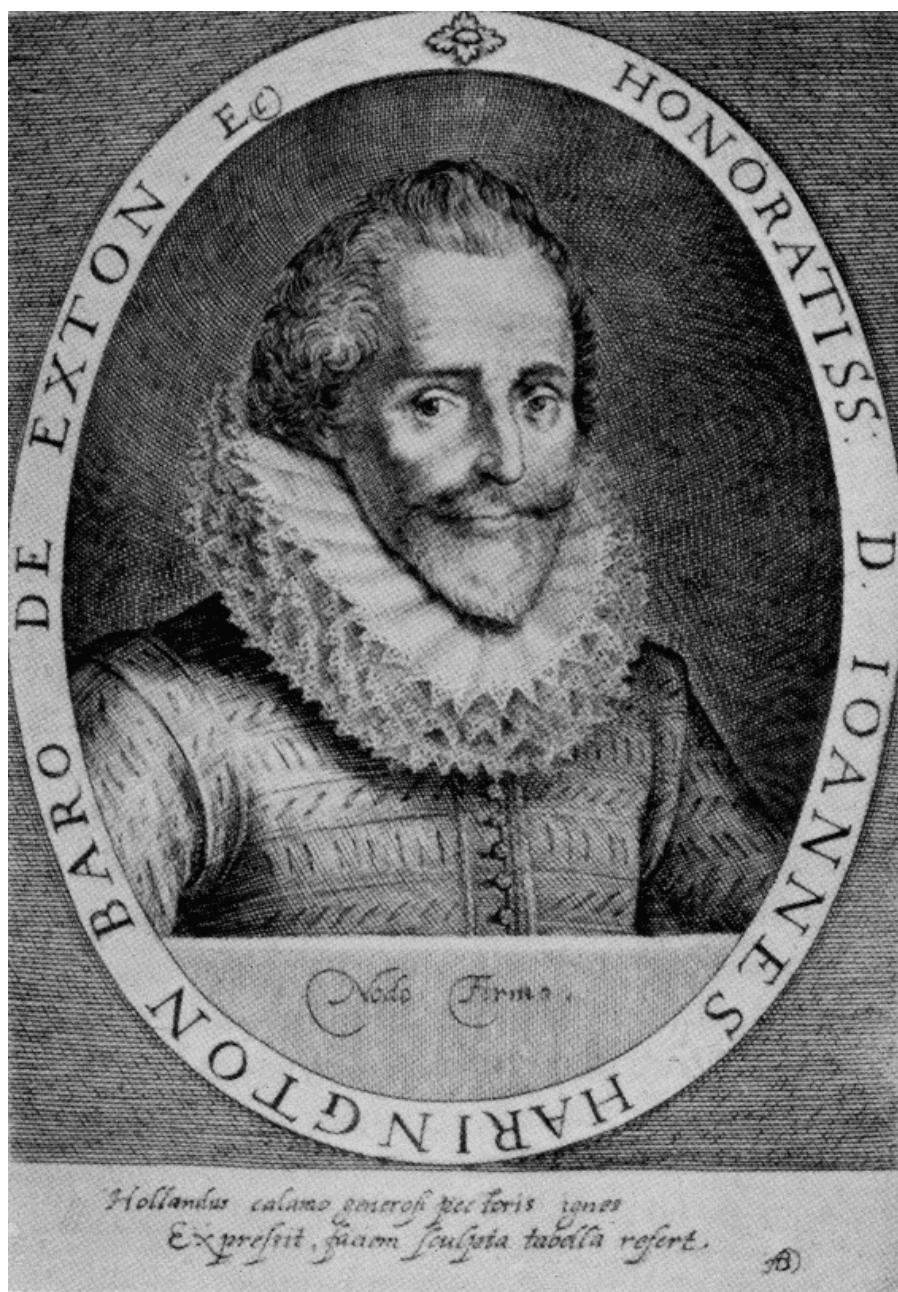
- Но некий вагари взял с собой лорда Росса, чтобы отправиться в Рим, хотя некоторые полагают, что эта идея укоренилась в более озорных мозгах. Напрасно мистер Молл отговаривает его, теперь он стал таким своенравным, что хотел бы каким-то образом управлять своим губернатором. Что должен делать этот добрый человек? Оставить его означало отказаться от его доверия, уйти вместе с ним означало подвергнуть опасности свою собственную жизнь. В конце концов его привязанность к своему подопечному настолько возобладала над здравым смыслом, что он, сам того не желая, пошел с ним. Теперь, с какой бы скоростью они ни ехали в Рим, известие об их прибытии дошло туда раньше них; так что не успели они войти в свой дом, как офицеры потребовали мистера Молле, схватили и доставили его в Дом инквизиции, где он оставался заключенным, в то время как лорда Росса ежедневно пировали, обхаживали, развлекали: так что некоторые не станут утверждать, что здесь он не сменил религию на плохую".^[158]

Никакие угрозы не могли убедить мистера Моула отречься от своей ереси, и хотя предпринималось много попыток обменять его на нескольких иезуитов, пойманных в Англии, он тридцать лет просидел в тюрьме инквизиции и умер там в возрасте восьмидесяти одного года.

По словам сэра Генри Уоттона, это было частью политики иезуитов - таким образом отделять своих наставников от молодых людей, а затем осыпать учеников вниманием и лестью с целью склонить их к Римской церкви. Вскоре после поимки Моула Уоттон пишет в Солсбери о другом случае того же рода.

"Милорд Уэнтворт^[159] 18 мая приближался к Венеции ... в сопровождении своего шурина мистера Генри Крафтса, некоего Эдварда Лихефельда, их губернатора, и еще двух или трех других англичан через Болонью, поскольку они были там вместе за ужином в тот самый вечер своего прибытия, пришли два монаха-доминиканца с городскими сержантами и доставили оттуда вышеупомянутого Лихефельда со всеми его бумагами в тюрьму инквизиции, где он до сих пор находится.^[160] Так обстоит дело с этим несчастным случаем в его простых обстоятельствах, не отличающихся, за исключением только места, от случая с мистером Моулом в Риме. И, несомненно (как мы сейчас выясняем по этому вопросу), если бы сэр Джон Харингтон^[161] либо отправился в Римское путешествие, либо выбрал обычный путь, когда уезжал оттуда из Тосканы, то подобное постигло бы и его директора, джентльмена исключительной состоятельности;^[162] ибо появился новый совет (внедренный в папу его ремесленниками

иезуитами) отделить каким-то образом их проводников от наших молодых дворян (о которых они больше всего заботятся), а затем использовать себя (насколько я еще могу слышать) с большой добротой и безопасностью, но все же сдержанно (когда они приезжают в Рим) уезжать оттуда без разрешения; такой формы придерживались как лорды Росс и Сент-Джонс, так и этот лорд Вентворт и его шурин, когда они были там. И в настоящее время мы также имеем один или два подобных примера в отношении баронов Благородной нации нашей религии, правители которых заключены в тюрьму в Риме и Ферраре; так что этот вопрос, по-видимому, переходит в правило. И хотя до сих пор те, кого мы называли выше, выбрались из этого Вавилона (насколько я могу понять) без каких-либо дурных впечатлений, все же, несомненно, представляется очень опасным оставлять наших путешественников в подобной ситуации; особенно учитывая рассеянность по средним городам Италии (куда язык привлекает их больше всего) неких проворных приятных остроумцев в качестве перехватчиков, которые передают своим корреспондентам в Риме намерения джентльменов до их прибытия и таким образом привлекают их как аргументацией, так и юмором ".^[163]

ДЖОН ХАРИНГТОН, ВТОРОЙ БАРОН ХАРИНГТОН ИЗ ЭКСТОНА: его письма во время путешествий в 1604 году считались образцовыми

Уоттон не переоценивал убедительность иезуитов. Лорд Рус стал папистом.^[164]

Собственный племянник Уоттона, Пикеринг, был обращен в христианство в Испании на смертном одре, хотя, согласно записям иезуитов, он был "наиболее приверженцем порочной религии, которую впитал с нежной юности".^[165] В своих путешествиях "по большей части Франции, Италии, Испании и Германии с целью изучения как языков, так и манер, древнего обычая северных народов ... он много обсуждал вопросы веры со многими людьми, ведомый либо склонностью, либо любопытством, и, будучи умным человеком, не упустил бы ни одной возможности получить информацию".^[166] Благодаря этому любопытству он подружился с отцом Уолполом из иезуитского колледжа в Вальядолиде, и, когда в этом городе он смертельно заболел, Уолпол приехал утешить его.

Другое обращение такого же рода было совершено отцом Уолполом в Вальядолиде годом ранее. Сэр Томас Палмер приехал в Испанию как для того, чтобы выучить язык, так и для того, чтобы увидеть страну. "Посещая английский колледж, он фамильярно общался с Отцами Церкви и в глубине души начал лелеять мысли о католической религии". Во время размышлений его "настигла внезапная смертельная болезнь. Поэтому, чувствуя, что ему угрожает смертельная опасность, он принялся за работу, чтобы примириться с католической церковью. Приняв все последние Причастия, он умер и был с честью погребен по католическим обрядам, к великому изумлению также английских протестантов, которые в большом количестве были в городе и присутствовали на похоронах".^[167]

Нет ничего удивительного в этих обращениях на смертном одре, когда мы думаем о давлении, оказываемом на путешественника в чужой стране. Как только он заболел, хозяин его гостиницы послал за священником, и если больной отказывался видеть призрачного утешителя, этот факт свидетельствовал о его протестантизме. После чего священник запретил врачу и аптекарю, тем самым кухонным слугам, помогать ему, если он не откажется от своей отвратительной реформатской религии и не примет Исповедь, Причастие и Соборование. Если он умирал без них, его тело не пускали в освященную землю, а хоронили на шоссе, как самую обыкновенную собаку. Неудивительно, что иногда происходило обращение англичанина, одинокого и умирающего, которому не к кому было прильнуть.^[168]

Мы также должны помнить, сколько известных протестантов лишь внешне примкнули к Англиканской церкви по мирским причинам. Они не могли поступить ни на какую профессию или занимать какие-либо государственные должности, если этого не делали. Но их сердца все еще были приверженцами старой веры, и они рассчитывали вернуться к ней в самом конце.^[169] Иногда самые искренние протестанты во время болезни "впадали в папизм". Ибо протестантская религия была новой, но Римская церковь была Церковью их отцов. В смертный час люди обращаются к старым привязанностям. Таким образом, можно по-разному объяснить сэра Фрэнсиса Коттингтона, посла в Испании, который заболел, исповедал себя католиком, а когда выздоровел, снова стал протестантом.^[170]

Простой силы окружающей среды, по словам сэра Чарльза Корнуоллиса, посла в Испании в 1605-109 годах, было достаточно, чтобы изменить религию впечатлительных душ. Его отчеты в Англию показывают постоянную борьбу за сохранение верности своей национальной Церкви среди молодых джентльменов.^[171]

Испанский двор находился тогда в Вальядолиде, в этом городе процветал особенно сильный Колледж иезуитов. Оттуда Уолпол и другие опасные убеждатели предприняли вылазки против Корнуоллиса. Сначала посол был полон надежд: -

"Крессуэлл и другие представители этого Общества" (иезуиты) "много занимались здесь Совещаниями и убеждениями с джентльменами, которые пришли навестить его Превосходительство"^[172] и втайне хвастаются своим большим превосходством. Двое из моих собственных последователей, которых я нашел развращенными, один в таком виде, что отказался приходить на Молитвы, которого я вскоре уволил; другой, будучи честным и трезвомыслящим молодым джентльменом, и тот, который отрицает, что не присутствует как на молитвах, так и на проповеди, я продолжаю до сих пор, искренне надеясь, что со временем мне удастся его усмирить".^[173]

Но в течение месяца он должен сообщить об обращении сэра Томаса Палмера, а еще через месяц - о потере даже его собственного капеллана. "Если бы Богу было угодно, чтобы только молодые и слабые колебались, это было бы более правдоподобно, - сокрушается он, - но я несколько сомневаюсь в самом моем капеллане". Он дал капеллану - некоему Уодсворту, добропорядочному кембриджскому протестанту - отпуск для посещения Университета Саламанки. Через неделю капеллан написал письмо с просьбой продлить его пребывание, рассказав о "странной Буре, которая обрушилась на него в пути, о видимом Огне, который падал как перед ним, так и позади него, об ожидании скорой смерти и об Обете, который он дал в то Опасное время". Такая манера письма и сообщения других людей о том, что он был тайным посетителем Колледжа иезуитов, заставляют Корнуоллиса опасаться худшего. "Я бы подумал, что он родился в самом неудачном месте, - причитает он, - чтобы стать причиной такого Скандала".^[174] Но его опасения оправдались. Капеллан так и не вернулся. Он стал католиком.

Причины расцвета католицизма в правление Якова I. нас здесь не касаются. Чтобы объяснить взволнованный настрой наших Наставлений для путешественников, необходимо только привлечь внимание к тому факту, что протестантизм как раз тогда сдавал позиции из-за самоотверженной энергии иезуитов. Даже в Англии они умели вызывать восхищение в умах молодежи и обращать ее пыл к своим собственным целям. Но в Испании и Италии, опираясь на свое впечатляющее окружение и окруженные видимой властью Римской церкви, они были гораздо более могущественны. Английские иезуиты в Риме - многие из них оксфордские ученые - привлекали внимание своих университетских друзей или соотечественников, приезжавших посмотреть Италию, предлагая показать им древности, быть гидами и переводчиками.^[175] Каким-то таким образом путешественника заманивали в компанию этих обаятельных товарищей, пока их духовная и интеллектуальная сила не производила на него неизгладимого впечатления.^[176]

Насколько сильно английское правительство опасалось влияния иезуитов на молодых людей за границей, видно по растущей строгости выдачи разрешений путешественникам. Обычная лицензия, которую каждый, кроме известного торговца, был обязан получить у магистрата, прежде чем он мог покинуть Англию, в 1595 году давала разрешение с условием, что путешественник "не посещает территории или владения какого-либо иностранного принца или властелина, не состоящего с нами в союзе или дружеских отношениях, и при этом не состоит в дружеской компании с каким-либо священником или приходскими священниками, которые имеют отношение к нашему государству".^[177] Но попытки не допустить англичан в Италию, как правило, были бесплодными, и это условие слишком часто применялось. проигнорированный. Лорд Зуш сильно ворчал по поводу ограничений своей лицензии. "Я не могу сказать, - пишет он Берли в 1591 году, - правильно ли я поступлю, если коснусь той части лицензии, которая вообще запрещает мне путешествовать по некоторым странам и сопровождать различных людей.... Это ограничение действительно похоже на тюремное заключение, ибо я не знаю, как себя вести; я не знаю, могу ли я пройти на территорию лордов Вениса и герцога Флоренского, потому что я не знаю, состоят ли они в союзе с ее Величеством или нет".^[178] Несомненно, епископ Холл был прав, когда заявлял, что путешественники обычно пренебрегают предостережениями о врагах короля и что ограниченное разрешение было всего лишь словесной формальностью.^[179] Король Яков имел случай заметить, что "многие дворяне и другие жители Нашего Королевства, под предлогом путешествия за опытом, действительно переходят Альпы и, не довольствуясь пребыванием в Ломбардии или Тоскане, чтобы овладеть там языком, ежедневно стекаются в Рим из тщеславия и любопытства, чтобы увидеть древности этого города; где попадают в

компанию священников и иезуитов ... возвращаются снова в свои страны, испытывая отвращение к религии и негативное отношение к Нашему государству и правительству".^[180]

Что касается наших Инструкций для путешественников, данных в правление Якова I., то они, как и следовало ожидать, изобилуют предостережениями против инквизиции и иезуитов. Сэр Роберт Даллингтон в своем "*Методы путешествия*",^[181] ставит на первое место вопрос о том, как оставаться непоколебимым в своей религии:

"Что касается религии Путешественника, я не учу тому, какой она должна быть (будучи не в своей стихии;), только я надеюсь, что он придерживается установленной здесь религии; и мой совет - он должен в ней прочно утвердиться, и как бы его воображение ни увлекалось в многословной сфере рассуждений разных людей; все же его сокровенные мысли, подобные линиям в круге, всегда будут концентрироваться в этой неподвижной точке, чтобы не изменять своей первой вере: ибо я знаю, что, как всякое новшество опасно в государстве, так и это изменение в маленьком содружестве людей ". мужчина. И следует опасаться, что тот, кто придерживается одной религии в юности и другой в зрелом возрасте, в своем возрасте не будет ни того, ни другого....

"Я приведу пример джентльмена, которого я знал за границей, открытого и свободного по натуре, Ревностно отстаивающего религию, которую он вынес из дома, пока был во Франции, который не прожил и двадцати дней в Италии, но, напротив, он зашел так далеко, что с тех пор, как он вернулся, все изменилось. Теперь, что же следует сказать о таких людях, как не то, что философ говорит о друге: "*Amicus omnium, Amicus nullorum*", Исповедующий и то, и другое, не верящий ни в то, ни в другое."^[182]

Следующее предостережение состоит в том, чтобы остерегаться, как бы он не услышал чего-нибудь, противоречащего его религии: ибо, как я прикусил его язык, так и я должен заткнуть ему уши, по крайней мере, они будут открыты для вкрадчивых заклинаний вкрадчивого соблазнителя или убедительных аргументов искушенного противника. С этой целью я должен категорически запретить ему общение с людьми одного сорта в целом: это иезуиты, подрывники и соблазнители зеленых умов, соблазнители людей в вопросах веры и ниспровергатели людей в государственных делах, делающие из них как плохих христиан, так и еще худших подданных. Я бы хотел, чтобы мой Путешественник никогда не слышал этих людей, кроме как с кафедры; ибо^[183] будучи красноречивыми, они говорят превосходным языком; а будучи мудрыми и, следовательно, лучше всего зная, как говорить с наилучшей целью, они редко или никогда не обращаются к спорным вопросам ".

Нашим лучшим авторитетом в этот период путешествий является Файнс Морисон, чьи *Рекомендации для путешественников*^[184] особенно полны. Морисон хорошо известен как один из самых опытных путешественников конца елизаветинской эпохи. В качестве стипендиата Питерхаус-колледжа в Кембридже в 1591-1595 годах он совершил путешествие по Европе, когда Континент был полон опасностей для англичан. Испания и инквизиция заразили Италию и Нидерланды; Франция была полна отчаянных солдат-мародеров; Германия подпитывала разбойников и вольных сапогов в каждом лесу. Файнсу Морисону доставляло особое удовольствие сталкиваться со всеми этими опасностями, а затем придумывать способы избежать их. Он никогда не уклонялся от наблюдения, к чему бы ни побуждало его любопытство, каким бы запретным и опасным ни было это предприятие. Переодевшись немцем, он успешно осмотрел испанскую крепость изнутри;^[185] в образе француза он попал в пасть иезуитского

колледжа в Риме.^[186] Он пробрался сквозь немецких разбойников, переодевшись бедняком из Богемы, без плаща и шпаги, засунув руки в штаны, с подобострастным выражением лица.^[187] Его триумфы были обусловлены не столько лихостью и великолепной храбростью, сколько замечательной изобретательностью. Например, когда французские солдаты сорвали с него даже внутренний камзол, в который он спрятал свои деньги, он ни в коем случае не остался без гроша, поскольку спрятал несколько золотых крон в коробке с "вонючей мазью", которую солдаты с отвращением бросили.^[188]

Его *наставления для путешественников* отличаются характерной осторожностью. Никогда никому не говори, что ты умеешь плавать, советует он, потому что в случае кораблекрушения "другие, доверяющие тебе, схватят тебя и заставят погибнуть вместе с ними".^[189] К дуэлям и негодованию из-за травм в чужих странах он отбрасывает холодный здравый смысл. "Я советую молодым людям умерить свою склонность к ссорам, иначе они погибнут вместе с этим. Не все мы такие, как Амадис или Ринальдо, чтобы не сталкиваться с толпой мужчин".^[190] Очень содержательным является этот абзац о ночлеге:

"Во всех помещениях, но особенно в подозрительных местах, пусть он запирает дверь своей комнаты на засов или запирающий замок; пусть он следит за своими товарищами по комнате и всегда носит свой меч рядом с собой или рядом с кроватью; пусть он кладет свой кошелек под подушку, но всегда запачканный подвязками, или еще какую-нибудь вещь, которой он впервые пользуется утром, чтобы не забыть положить ее перед выходом из своей комнаты. И до конца он может ничего не оставить после себя в своих Покоях, пусть посещение своей комнаты и сбор своих вещей будут последним, что он сделает, прежде чем вставит ногу в стремя".^[191]

Все Заповеди отмечены этим обширным предостережением. Поскольку, как верно заметил Морисон, путешественники сталкиваются с большим количеством опасностей, чем удовольствий, лучше путешествовать одному, чем с другом. "В местах опасности, из-за различия вероисповедания или объявленной войны, всякий, кто имеет своим спутником своего соотечественника или друга, значительно увеличивает свою опасность, а также из-за признания своего спутника, если их случайно поймут, как и из-за других несчастных случаев, поскольку он будет подстерегаем и втянут в опасность, как словами или поступками своего спутника, так и своими собственными. И, несомненно, на пути случается много опасностей и испытаний, многие из них обладают такими невообразимыми привязанностями, что они не только уменьшают комфорт, который они должны получать от этого супруга, но и подобно собакам, которых поранил камень, кусают того, кто находится рядом, а не того, кто бросил камень, так что, возможно, из-за этих испытаний у них может вырасти горечь в словах между собой".^[192] Поэтому вместо спутника пусть у путешественника под подушкой будет хорошая книга, чтобы скрасить надоедливое одиночество гостиниц. опасаясь, что это не касается Государства, его Религии или любого Предмета, который может быть опасен для него".^[193] Случайным попутчикам по дороге доверять не следует. Чтобы путешественник не стал слишком хорошо известен среди них, пусть он всегда заявляет, что едет не дальше следующего города. Прибыв туда, он может ускользнуть от них и начать с новыми супругами.

Сам Морисон, когда был вынужден путешествовать в компании, выбрал немцев, добрых честных джентльменов, исповедующих его собственную религию. Он достаточно хорошо говорил по-немецки, чтобы сойти за одного из них, но, опасаясь, что даже слог может выдать его национальность проницательным шпионам у городских ворот, он договорился со своими

спутниками, что, когда его заставят отвечать на вопросы, они должны прерывать его как можно скорее и вырывать слова у него изо рта, как бы в знак грубости. Если бы его обнаружили, они должны были сказать, что не знают его, и убежать.^[194]

Морисон посоветовал путешественнику сначала посетить Рим и Неаполь, потому что эти города были самыми опасными. Люди, которые остаются в Падуе несколько месяцев, а затем пытаются пробыть в Риме, могут быть уверены, что тамошние иезуиты и священники проинформированы не только об их приезде, но и об их состоянии и внешности шпионами в Падуе. Желательно было часто менять место жительства, чтобы избежать расспросов священников. На Пасху в Риме Морисон нашел полный простор для своего гения. За несколько дней до Пасхи священник пришел к нему домой и записал имена заключенных, чтобы они могли принять Причастие вместе с семьей хозяина. Морисон уехал из Рима во вторник перед Пасхой, приехал в Сиену в Страстную пятницу, а в канун Пасхи "(делая вид, что у него большие дела)" рванул на день во Флоренцию. В понедельник утром он смотался в Пизу, а по дороге вернулся в Сиену. "Таким образом, часто меняясь местами, я избегал священников, расспрашивающих обо мне, что наиболее опасно во время Пасхи, когда все люди принимают Причастие".^[195]

Концепция путешествия, которую можно почерпнуть у Файнса Морисона, - это концепция очень захватывающего вида спорта, своего рода погони по Европе, в которой турист был лисом, сгибался, поворачивался и нырял в укрытие, в то время как его друзья в Англии ставили три к одному на его смерть. В то время путешествия были настолько опасны, что ставки на возвращение предприимчивых джентльменов стали модным видом азартных игр.^[196] Этот обычай зародился в Германии, объясняет Морисон, и впервые был применен в Англии при дворе и среди "очень знатных людей". Сам Морисон поставил 100 фунтов, чтобы получить 300 фунтов по возвращении; но к 1595 году, когда он задумался о втором путешествии, он не стал повторять пари, потому что к тому времени нелепые путешествия предпринимались за страховые деньги банкротами и людьми низкого положения.

Сэр Генри Уоттон был знаменитым продуктом иностранного образования в эти опасные времена. Будучи студентом политической экономии в 1592 году, он вел небогатое существование, посещая Рим в строжайшей тайне и тщательно замаскировавшись. В течение многих лет за границей он впитывал рассказы о тонкости и коварстве старых итальянских придворных, пока не научился самостоятельно плести интриги. Обладая от природы богатым воображением и изобретательностью, сюжеты и контрзаговоры взывали к его художественным способностям, и, будучи послом Англии в Венеции, он никогда не устал придумывать их сам или приписывать другим. Именно эту характеристику политиков эпохи Якова высмеял Бен Джонсон в книге "Сэр будущий политик", который поделился своими знаниями о секретной службе Перегрину в Венеции. Сильно взволнованный упоминанием некоего священника в Англии, сэр Политикк объясняет:

"Насколько мне известно, он еженедельно получал сведения
из Нидерландов,
Из всех частей света, в виде капусты;
И их снова раздавали послам,
В апельсинах, мускусных дынях, абрикосах,
лимонах, семечковых лимонах и тому подобном; иногда

В колчестерских устрицах и ваших селсийских моллюсках".^[197]

Позже сэр Политикан дает инструкции путешественникам:

"Несколько подробностей, которые я изложил,
Только для этого меридиана, достойных быть известными
твоему грубому путешественнику
Во-первых, что касается твоей одежды, она должна быть серьезной,
очень сдержанной и замкнутой; не разглашай секрет
Ни на каких условиях; не своему отцу: вряд ли это
басня, но с осторожностью: убедительно выбирай
и компанию, и разговор; остерегайся,
Ты никогда не говоришь правды -

Перегрин. Как?

Сэр П. Не с незнакомцами,
Потому что именно с ними вы должны разговаривать чаще всего;
Других я бы не узнал, сэр, но на расстоянии,
Чтобы я все еще мог их сберечь:
вам будут ежечасно показывать фокусы, которые вы проделываете.
И затем, что касается вашей религии, не исповедуйте ничего,
Но удивляйтесь всеобщему разнообразию".^[198]

Письмо сэра Генри Уоттона Милтону нельзя упускать из виду советы якобинцев путешественникам. Он краток, но очень характерен, ибо дышит атмосферой заговора и осторожности. Уважаемый за его большой опыт и долгое пребывание за границей, в преклонном возрасте в качестве ректора Итона, сэр Генри пользовался большим спросом у отцов, собирающихся отправить своих сыновей в Большое турне. Сорок восемь лет спустя после того, как он сам отправился за моря, он передал молодому Джону Мильтону "Отчет о своих путешествиях", свою любимую мудрость, почерпнутую у римского придворного, хорошо разбиравшегося в обычаях Италии: "Я психоделик и визо шолто".^[199] Мильтон не последовал этому макиавеллиевскому правилу держать свои "мысли при себе, а лицо распушенным", как переводит это Уоттон,^[200] и вскоре был отмечен инквизицией; но он не последовал этому макиавеллиевскому правилу держать свои мысли при себе, а лицо свободным". гордился тем, что ему давал советы сэр Генри Уоттон, и хвастался "элегантным письмом" и "чрезвычайно полезными наставлениями", которыми хозяин наградил его при отъезде в Италию.^[201]

Вот и все предостерегающие инструкции для путешественников начала семнадцатого века. Как мы видим, Италию по-прежнему боялись как тренировочный полигон для "зеленых умников". Епископ Холл сменил Эшэма в осуждении путешествий молодых людей, которые заявляли, что "стремятся к славе безупречного воспитания и совершенству того, что мы называем вежливостью". Разрешенные посетить Континент в раннем возрасте, "эти чибисы, которые вылетают из-под крыла своей матери с панцирем на голове, становятся дикими". Они спешат на юг, где в Италии видят "гордое величие помпезных церемоний, которыми легко покоряются сердца детей и дураков".^[202] Силе убеждения иезуитов Холл посвящает несколько страниц и обращается со страстной просьбой к властям воспрепятствовать путешествиям англичан.

Родители могли быть легко встревожены любой возможностью обращения их сыновей в католицизм. Ибо наказания за принадлежность к римско-католической церкви в Англии было достаточно, чтобы заставить амбициозного отца опасаться самоотвода своего сына. Хотя джентльмен или дворянин не рисковал быть повешенным, четвертованным, выпотрошенным и подвергнутым таким наказаниям, которые применялись к активным и опасным священникам, он считался предателем, если признавал себя романистом. В любой момент антикатолического ажиотажа его могли арестовать и заключить в тюрьму. Еще страшнее тюрьмы, должно быть, была его социальная изоляция. Ибо он был отрезан от своего поколения и не принимал реального участия в жизни Англии. По законам Джеймса ему было отказано в какой-либо доле в правительстве, он не мог занимать государственные должности, заниматься какой-либо профессией. Ни юриспруденция, ни медицина, ни парламент, ни армия, ни университет не были открыты для него. Изгнанный из Лондона и Двора, избегаемый своими современниками, он скрывался в каком-то загородном доме, то в отчаянном одиночестве, то преследуемый офицерами в поисках священников. В конце концов, как правило, он уезжал за границу и проводил всю свою жизнь в изгнании, презираемый своими соотечественниками, которые встречали его при иностранных дворах; или же он искал монастырь и был похоронен там. Конечно, законы против самоотводчиков применялись неодинаково; папистство в отношении фаворитов и друзей короля игнорировалось, и богатые дворяне, которые были в состоянии платить штрафы, не сильно пострадали. Но факт остается фактом: для среднестатистического джентльмена стать романистом обычно означало выпасть из мира. "Мистер Льюкнор, - пишет отец Джерард отцу Оуэну,^[203] "в последнее время он принял полное решение вступить в Общество (Иисуса) и был настолько известен в Англии и при Дворе, что его нельзя было спрятать в Английском колледже в Риме; а его отец, как он считал, был морально уверен, что потеряет свое место,^[204] которое стоит ему 1000 фунтов стерлингов в год, поэтому он тайно приедет в Льеж, где, я не сомневаюсь, о нем никто не узнает".

ГЛАВА V

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ АКАДЕМИЙ

Увещевания старших не удерживали молодых людей от поездки в Италию, но по мере развития XVII века условия, которые они там обнаружили, сделали эту страну менее привлекательной, чем Франция. Тот факт, что средний англичанин был протестантом, отделял его от своих коллег в Италии и препятствовал общению в обществе. Итальянские принцы приняли его вежливо и официально, возможно, из-за его политического дяди или кузена в Англии, но внутреннее недоверие и подозрительность омрачили любую настоящую дружбу. Если только англичанин не был одним из тех, кто питал тайную, наполовину признанную преданность католицизму, в эпоху пуритан между ним и итальянцами не могло быть особой приятной привязанности. Прекрасный юноша Джон Мильтон, как автор превосходных латинских стихов, был, конечно, принят в литературную жизнь Флоренции, были и другие необычные случаи, но типичным путешественником времен Стюартов был молодой джентльмен, которого отправили во Францию учиться изяществу с целью сколотить состояние при дворе, подобно тому, как его овдовевшая мать отправила Джорджа Вильерса, впоследствии герцога Бекингема. Англичане,

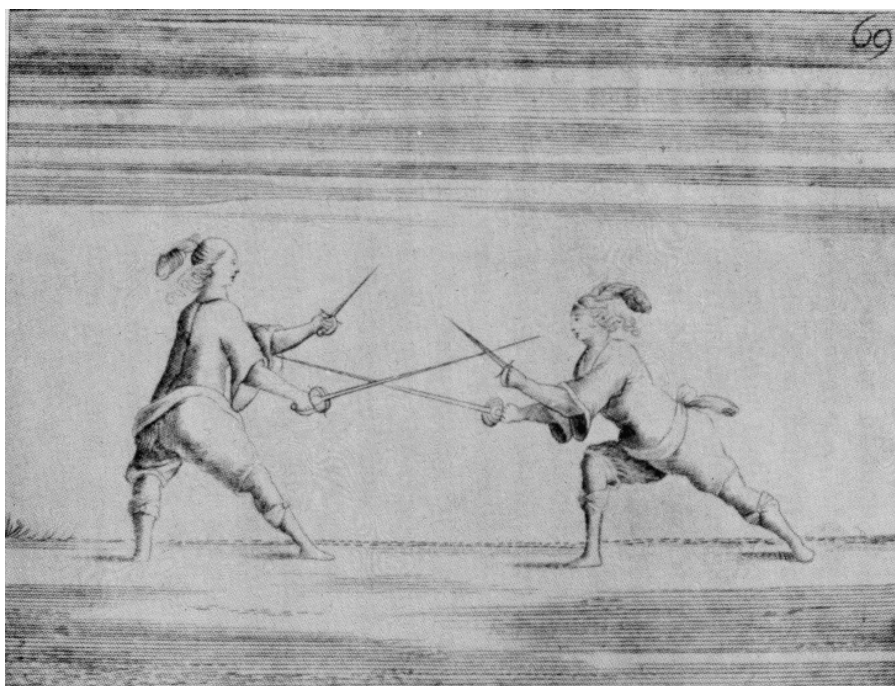
которые путешествовали для "полной полировки своих частей", продолжали посещать Италию, чтобы удовлетворить свое любопытство, но это скорее соответствовало настроению любителя достопримечательностей. Только недовольные, не согласные со своей родиной, такие как Босуэлл, или граф Арундел, или сын Лестера, лишенный наследства, подолгу проживали в Италии. Честолюбивая молодежь, стремившаяся получить социальное образование, по большей части спешила во Францию.

Ибо не только ощущение того, что англичанин окружен врагами, в течение семнадцатого века несколько ослабляло преданность Италии, но и растущая привлекательность другой страны. К 1616 году о Франции было сказано, что "ни в какую другую страну, в такой степени, как в эту, ежегодно из всех христианских народов не стекается такое множество молодых джентльменов, маркитантов и других людей: одни вырваны из родительской груди желанием учиться; другие - редкой Наукой или новыми замыслами; одни - удовольствием; а другие привлечены корыстью и наживой.... Но среди всех других народов ни из одной Страны не приезжает такое великое множество людей, как ежегодно с этого острова (Англии), как джентльменов, так и студентов, маркитантов и других".^[205]

Франция, поддерживаемая Генрихом Наваррским в мире, стала для англичанина за границей более счастливым местом, чем Италия. Германия была невозможна из-за Тридцатилетней войны; а Испания, по причинам, которые мы увидим позже, не привлекала. Хотя номинально Франция была римско-католической, фактически она была наполовину протестантской. Кроме того, французский двор был велик и весел, намного затмевая двор обедневших итальянских принцев. Это устраивало галантов эпохи Стюартов, которые находили серьезную вежливость итальянцев довольно медленной. Обучение, ради которого люди когда-то отправлялись в Италию, больше не ограничивалось ею. Кавалеры также не стремились к точному изучению классической литературы. Знания мифологии, почерпнутого из французских переводов, было достаточно. Такие достижения, как верховая езда, фехтование и танцы, были тем, что, по-видимому, в основном помогало им пробиться ко двору или в лагере. И лучшее обучение этим достижениям переместилось из Италии во Францию.

Идеал джентльмена претерпел изменения - реакция на увлечение литературой времен тюдоров. Прошло много времени с тех пор, как Генрих VIII пытался сделать своих детей такими же образованными, как Эразм, и пригласил самых эрудированных ученых из Оксфорда и Кембриджа руководить королевскими питомниками. Несколько умеренное уважение, с которым к книжному образованию относились в доме Карла I. можно увидеть в письме графа Ньюкасла, губернатора принца Чарльза,^[206] который пишет своему ученику:

"Я бы не хотел, чтобы вы были слишком прилежны, ибо чрезмерное созерцание портит действие, и в этом заключается добродетель". Образцом для принца является епископ Чичестерский, его наставник, в котором "нет педантизма: он правильно использует свои знания, не утруждая ими ни себя, ни своих друзей: ... читает людей так же хорошо, как книги: ... много путешествует, что вы поймете по его мудрости и манере поведения больше, чем по его родственникам; и, одним словом, старается так же незаметно скрыть в себе шоллера, как это демонстрируют глупости других людей: и является настоящим джентльменом".^[207]

ФЕХТОВАНИЕ - неотъемлемая часть образования англичанина за границей.

Однако педантизм, по-видимому, никогда не представлял никакой опасности в придворных кругах, ни во времена Тюдоров, ни во времена Стюартов. Требовались постоянные увещевания, чтобы заставить большинство сыновей дворян узнать хоть что-нибудь из книг. Веками признаками джентльмена были храбрость, вежливость и умение хорошо держаться в седле, и не следовало предполагать, что внезапное модное увлечение литературой могло все это изменить. Эшэм заявил, что елизаветинская молодежь крови считала постыдным быть образованным, потому что "джентльмены Франции" таковыми не были.^[208] Когда при общем ослаблении напряженных усилий, которое во многих отношениях проявлялось при дворе Якова I, мастерство греческих авторов перестало быть идеалом придворного, якобинский галантный был едва ли более интеллектуален, чем средневековый паж. Генри Пичем в 1623 году описал слабеющую веру дворян в университетское образование. Они отправляли своих сыновей в Оксфорд или Кембридж в раннем возрасте, и если подростки сразу не овладевали философией, объявляли, что у них нет способностей к обучению, и отправляли их в школу танцев. "Эти юные создания", как он называет оксфордских студентов, "двенадцати, тринадцати или четырнадцати лет, у которых не больше забот, чем ожидать следующего Носильщика и где ужинать по пятницам и постными вечерами", обнаруживают "такую диспропорцию между категориями Аристотеля и своими детскими способностями, что вместе со сладостью свободы, разнообразием компании и столькими видами отдыха в городах и полях за границей" они отказываются от любых попыток понять "запутанные основы искусства". После чего родители, "если они замечают какую-либо дикость или неуравновешенность в своих детях, немедленно впадают в отчаяние и теряют всякую надежду на то, что они когда-либо станут Шоллерами или пригодными к чему-либо еще; не учитывают ни природу молодости, ни влияние времени, физиологического фактора в целом. Но чтобы исправить положение, отправьте их либо ко Двору в качестве пажей, либо во Францию и Италию посмотреть моду и исправить свои манеры, где они станут в десять раз хуже".^[209]

Влияние Франции, конечно, не распространялось на книги. Галльские джентльмены были храбры, галантны и великолепны, но не образованны. Чтение сделало их положительно больными: "tête leur tourne de lire", как признавался Брезе.^[210] Презирая сидячий образ жизни в закрытых помещениях, они оставили все гражданские должности буржуазии и посвятили себя исключительно войне. Как четко выразился виконт Д'Авенель:

"Было бы так же странно видеть человека высокого ранга казначеем Франции, финансовым контролером или ректором университета, как было бы странно видеть его торговцем тканями или изготовителем посуды.... Самый бедный младший сын древнего рода, который не побрезговал бы наняться пажом к дворянину или простым солдатом, счел бы себя униженным, приняв пост секретаря посла".^[211]

Грубая сила по-прежнему считалась величайшей силой в мире, даже когда Сюлли был государственным советником, хотя такие провидцы, как Эташ Дешам, заявляли, что настанет день, когда слуги будут править Францией с помощью своего ума, и все потому, что дворяне не будут учить буквы.^[212] Напрасно мудрый Брас-де-Фер предупреждал свое поколение, что слава и выносливость недолговечны, в то время как знания - единственное бессмертное качество.^[213] До тех пор, пока родители видели, что почести при Дворе достаются красивым наездникам, они считали ошибочной политикой тратить деньги на обучение своих сыновей книгам. Когда мальчик из университета попал ко двору, он обнаружил, что его затмили молодые пажи, которые едва умели читать, но убили своего человека на дуэли и танцевали в совершенстве.^[214] Боевая подготовка с физическими достижениями, по-видимому, была наиболее эффективной.

Военный тип, который выработала Франция, поразил другие нации, и неудивительно, что при Стюартах, унаследовавших французские обычаи, английский двор был особенно открыт французским идеалам. Наши инструкции для путешественников отражают переход от типичного придворного елизаветинской эпохи, "несколько торжественного, застенчивого, крупного и опасного на вид", к непринужденным манерам кавалера. "*Метод путешествия*", написанный, когда Елизавета еще была на троне, восхваляет поведение итальянцев. "Я бы предпочел, - говорится в нем о путешественнике, - чтобы он вернулся домой итальянином, а не франкоязычным: я говорю и о том, и о другом в лучшем смысле: ибо французский волнующий, смелый, неуважительный, непостоянный, неожиданный: итальянец остался, скромный, соответствующий, серьезный, советующийся".^[215] Но *Инструкция для Forreine Travell* 1642 года призывает подражать французам. "Ибо дворянство Франции обладает некой развязностью, приличествующей смелости и прямолинейной живости в своих манерах".^[216]

Первым автором "*Советов путешественникам*", который полагает, что знания французского языка должны быть важной частью образования путешественника, является сэр Роберт Даллингтон, которого мы уже цитировали. Его *взгляд на Францию*^[217], которому предшествует *Метод путешествия*, заслуживает перепечатки, поскольку и это, и его *Обзор Тосканы*,^[218] хотя и построен на обычной модели "Отношения" елизаветинского путешественника, являясь добросовестным описанием основных географических, экономических, архитектурных и социальных особенностей пройденной страны, более художественны, чем обычные официальные отчеты. Даллингтон изложил эти взгляды в 1598 году, незадолго до появления поколения, которое брало пример с французских галантов, и его замечания о французях вполне могли послужить предупреждением придворным не подражать слабостям, наряду с замечательными качествами, своих коллег по ту сторону Ла-Манша. Например, он возмущен

экспансивностью "буйного, суматошного и нетерпеливого француза", который "демонстрирует свою легкомысленность и непостоянство ... ни в чем, кроме его фамильярности, с которой незнакомец не может так скоро сойти с коня, но он будет знаком; и не так скоро войдет в его Комнату, но другой, как Обезьяна, усядется ему на плечо; и так же внезапно и беспричинно полюбите и его. Детский юмор - быть выигранным с таким же маленьким, как Яблоко, и потерянным с меньшим, чем орех".^[219] Самого короля Франции порицают за его добродушие. Даллингтон считает Генриха Наваррского "более приветливым и фамильярным, чем подобает Величию великого короля". Он мог бы найти в текущих сплетнях промахи похуже, чем те два, которые он цитирует, чтобы показать отсутствие формальности у Генриха, но отчасти заслуга Даллингтона в том, что он пишет обо всем из первых рук и сообщает нам только то, что видел сам; как в Орлеане, когда итальянские комедианты должны были играть перед ним, сам король "взмахнул маленькой палочкой, чтобы нахмурить побережье и освободить место для негодяев-актеров ... поступок, как мне показалось, наиболее унижительный для величия короля Франции".

"А недавно в Париже (как нам рассказывают), когда должны были ввести испанских заложников, он устроил это в большой комнате, как делал здесь раньше; и, заметив, что Замок плохо держится под контролем Государства, сам его красиво починил, а затем отправил его вниз, чтобы дать им аудиенцию".^[220]

Даллингтон также не может скрыть своего неодобрения иностранной кухни. Страдания англичанина, питающегося говядиной, среди жителей континента всегда были острыми. Даллингтон - лишь один из многих путешественников, которые, не в силах осознать тот факт, что более теплые края требуют более легкого питания, особенно упрекали итальянцев в их "скупости и скудном питании". Во времена Генриха Восьмого среди итальянцев уже была поговорка: "Отдай англичанину его говядину с горчицей",^[221] в то время как англичане, в свою очередь, подтрунивали над итальянцами за то, что они "как Навуходоносор - всегда выбирают салат". "Зелень, - презрительно говорит Даллингтон, - это самая распространенная еда тосканцев ... на каждую лошадиную порцию съеденного мяса приходится десять повозок груздей и корнеплодов, свидетелями чего являются также их открытые рынки и частные столы, и если кто-то поговорит с ними во время поста, у него возникнут приятные ощущения".^[222] Всю тему диеты он отмечает в своем совете путешественнику следующим образом: "Что касается его яств, я не боюсь, что он переедает; его запасы никогда не бывают такими большими, но вы можете позволить ему ограничиться его рационом.... Мне не нужно будет заранее говорить ему, какой у него будет рацион, его аппетит улучшится, потому что он по-прежнему будет острым: только из-за разницы в рационах он должен заметить следующее: немецкое мясо сытное или, скорее, сдобренное; французское допустимо; итальянское терпимо; у голландцев у него будет много мяса, плохо прожаренного; у французов менее вкусное, но хорошо обработанное; у итальянцев ни того, ни другого".^[223]

Хотя в описании Италии и Франции Даллингтоном есть многое, заслуживающее внимания, нас интересует его *Метод путешествия*,^[224] который, хотя и более практичен, чем более ранние эссе елизаветинской эпохи того же рода, начинается в обычном стиле увещевания:

"Платон, одна из дневных звезд того знания, которое тогда еще только зарождалось, а с тех пор засияло более ярким светом, не придумал ничего лучшего для улучшения нашего понимания тогдашнего *Путешествия*: как путем совещания с более мудрыми людьми во всех видах обучения, так и путем [греческого: Аутопсии]. Видение тех вещей, которые иначе человек не

может иметь, кроме как по Традиции; Песчаный фундамент либо в Науке, либо в Совести. Так что цель Путешествия, если она не является *ad voluptatem Solum, sed ad utilitatem*, предполагает трудолюбивый и щедрый ум. Низкие и вульгарные духи все еще витают вокруг дома: те более благородны и божественны, которые подражают Небесам и радости в движении".

После предупреждения против иезуитов, которое мы процитировали, он сразу переходит к определенным указаниям по изучению современных языков^[225] - совету, который, хотя и здравый, вряд ли является новым. Постоянные разговоры с самыми разными людьми, настаивание на том, чтобы его учитель не вел всех разговоров, и избегание своих соотечественников - неизменные правила для того, кто путешествует в поисках языка.^[226] Но это первый трактат для путешественников, в котором говорится о танцах как о важном достижении. "Во Франции есть еще одно упражнение, которому нужно научиться, потому что там учителя получше, а французская мода у нас пользуется наибольшим спросом, то есть танцы. Это я имею в виду для моего молодого Путешественника, который намерен следовать за Двором: в противном случае я считаю это ненужным и в чем-то смешным".^[227] Это искусство действительно было необходимо придворным и требовало большой серьезности. Чемберлен сообщает, что сэр Генри Бойер умер от жестоких физических нагрузок, которым он подвергся во время занятий танцами.^[228] Генрих III. впал в слезливую ярость и назвал Великого приора лжецом, трусом и негодяем на балу, потому что было слышно, как Великий приор пробормотал: "Если ты не станцуешь лучше, я бы хотел, чтобы ты снова получил свои деньги, в которые тебе обошлись твои танцы".^[229] Джеймс I. особенно стремился к тому, чтобы его "Малыши" преуспели в сложных связках. Его копию "*Нового изобретения Балли*"^[230] можно увидеть в Британском музее с большими таблицами, иллюстрирующими, как "получить гамбу", то есть, по словам Чосера, "перекидывая ноги взад и вперед".^[231] Принц Генрих был искусен в этих вопросах. Испанский посол сообщает, что "Королевские родители пожелали, чтобы принц Уэльский открыл бал испанской гальярдой: он вел себя с большим изяществом и деликатностью, время от времени исполняя прыжки".^[232] Принца Чарльза и Бекингема во время их пребывания в Испании их "дорогой папа и сплетники" искренне умоляли не забывать об их танцах. "Я молюсь тебе, моя крошка, остерегайся того, что тебе будет больно, если ты сбежишь ночью... Я молюсь, чтобы вы, таким образом, использовали рассветную частную жизнь, тогда вы покажете себя лучше и споете друг другу, как Джакке и Том, ради лучшей музыки ".^[233]

ТАНЦЫ Иллюстрация из "Нового изобретения Байли", итальянской книги с инструкциями по танцам, которую высоко ценил Яков I

Однако Даллингтон категорически против солений пожилых людей. "Я помню одного нашего соотечественника, хорошо разбиравшегося в искусстве и языке, тяжело пережившего годы, оплакивающего свою вторую жену, отца детей, пригодных для брака, который вместе с другими своими книгами, изучавшимися за границей, приобщился также к занятиям танцами: ему выпало упасть на почетном *балу* (как они это называют), что, на мой взгляд, было не так позорно, как сами танцы, для человека его склада".^[234]

Даллингтон раскритиковал бы французов более сурово, чем когда-либо, если бы знал, что даже Салли в частной жизни поддавался страсти к танцам. По крайней мере, Талеман де Рео говорит, что "каждый вечер камердинер короля исполнял на лютне дневные танцы, и г-н де Сюлли танцевал в полном одиночестве, в какой-то необычной шляпе - такой, какую он всегда носил в своем кабинете, - в то время как его приятели аплодировали ему, хотя он был самым неуклюжим человеком в мире".^[235]

Теннис - еще одно изысканное занятие, в котором Даллингтон призывает к умеренности. "Это опасно, (при использовании со слишком большим насилием) для тела; и (при соблюдении со

слишком большим усердием) для кошелька. Точка соприкосновения с Мэном, о которой заботятся Путешественники ". Он приехал во Францию, когда мода на теннис была в самом разгаре, - когда в Париже было двести пятьдесят теннисных кортов,^[236] и, по его подсчетам, "по два теннисных корта на каждую церковь во Франции".^[237] Там были все: дворяне, артисты, женщины и дети. Монахов пришлось просить не играть - особенно, как говорилось в указе, "не на публике в рубашках".^[238] Наш англичанин, конечно, счел этот энтузиазм безграничным. "Вы видели, как они играли в теннис в разгар летней жары, когда другие едва могли выйти на улицу". Ставки на эту игру разоряли рабочего, который "тратил на Праздники деньги на теннис, которые он получал всю неделю, на содержание своей бедной семьи. Вещь более вредная, чем наши пивные в Англии".^[239]

"Остаются два других упражнения, - говорится в *Метод для путешественников*, - полезные и необходимые для того, кто вернется достаточно подготовленным для службы своей стране на войне и для собственной защиты в частной ссоре. Это Верховая езда и фехтование. Его лучшее место для первого (за исключением Неаполя) - во Флоренции при синьоре Рустико, великих герцогах Каваллериццо, а для второго (за исключением Рима) - в Падуе, при Сордо".^[240] Следует отметить, что Италия по-прежнему оставалась лучшей школой для этих достижений. Плювинель вскоре должен был открыть всемирно известную академию верховой езды в Париже, но искусство фехтования распространялось медленнее. Кто-то по-прежнему был вынужден, подобно капитану Бобадилю, совершать "долгие путешествия за знаниями, только в этой тайне".^[241] Брантом говорит, что мастера фехтования Италии держали свои секреты в своих руках, предоставляя свои услуги только при условии, что вы никогда не должны раскрывать то, чему научились, даже своим самым близким друзьям. Некоторые инструкторы никогда бы не допустили ни одну живую душу в комнату, где они давали уроки ученику. И даже тогда они заглядывали повсюду, под кровати и исследовали стену, нет ли в ней какой-нибудь трещины или отверстия, через которое человек мог бы заглянуть.^[242] Даллингтон, однако, не делает никаких дальнейших замечаний по этому поводу, кроме приведенных выше, и после нескольких советов по денежным вопросам, о которых мы упомянем в другой связи, и предупреждения путешественнику, что его одежда должна быть модной - мода меняется с поразительной быстротой, и французы очень презрительно относились ко всякому, кто появлялся в прошлогоднем костюме^[243] - он завершает одно из самых трогательных эссе в нашем сборнике.

Когда влияние Франции на идеалы джентльмена было прочно установлено, Джеймс Хауэлл написал свои *Инструкции для начинающих путешественников*,^[244] и в этой книге путешественнику впервые советуют остановиться в одной из французских академий - или школ верховой езды, какими они были на самом деле.

Его труд, вероятно, самый известный из всех наших трактатов, отчасти потому, что он был переиздан некоторое время назад мистером Госсе, а отчасти из-за его собственных достоинств. У Хауэлла был более легкий, снисходительный взгляд на мир, чем у Даллингтона, и он мог с одинаковым юмором относиться ко всем нациям, в том числе и к своей собственной. Возьмем его сравнение француза и испанца.

Француз "расправится с самыми важными делами, прогуливаясь по улицам или за трапезой, другой при малейшем поводе по делу торжественно удалится в комнату, и если над ним пролетит муха, это собьет его с толку: для француза долго хранить тайну - своего рода болезнь, и никакие лекарства Египта не могут выбить ее из испанца.... Француз ходит быстро (как будто

сержант всегда следует за ним по пятам), испанец медленно, как будто он только что оправился от какой-нибудь квартальной лихорадки; французы ходят взад и по улицам сбитыми группами, испанцы, если их больше трех, идут по двое, как будто они идут Процессией; и т.д. и т.п." [245]

С тем же юмором он наблюдает за англичанами, вернувшимися в Лондон из Парижа, "которых их воротнички и сутулость, изгибы бедер и плеч, взгляд на свои ноги, резвость и пение делают их настоящими Путешественниками.... Некоторые возвращаются в огромных, чудовищных Барвинках, которые они приносят с собой в качестве Золотого Руна. Такие, я говорю, позорят свою Страну за границей, своих родственников дома и своих родителей, Бенони, сынов скорби: и как Джонас в "Чреве кита", много путешествовал, но мало что видел". [246]

Вот некоторые из преимуществ, которые получит англичанин от зарубежных поездок:

Кроме того, там человек научится не перебивать собеседника в его рассказе и не подкармливать его странными высказываниями собеседников; он научится также не смеяться над собственной шуткой, как это делали слишком многие, подобно Курице, которая не может снести яйцо, но должна кудахтать.

Более того, нужно научиться не скакать так яростно, как это обычно делают в Англии, когда в этом нет никакой необходимости; ибо у итальянцев есть пословица, что скачущая лошадь - это открытая могила. И все другие нации обычно наблюдают за англичанами, которые скачут с такой скоростью, как будто они едут за акушеркой или физиотерапевтом, или чтобы получить помилование, чтобы спасти свою жизнь, когда он идет на казнь, когда нет такого или какого-либо другого случая вообще, который заставляет их называть Англию Лошадиным адом.

"В этих жарких странах также следует научиться отказываться от странного обычая, присущего только англичанам и отличающего их от других наций, который заключается в том, чтобы спокойно подходить к дымоходу, даже если это происходит в жаркий день". [247]

Нам нет необходимости подробно комментировать книгу Хауэлла, поскольку она и так доступна. Орывок, который в основном отмечает прогресс путешествия ради учебы, таков:

"Для частных джентльменов и кадетов в Париже есть Академии подводного плавания, похожие на колледжи, где за 150 пистолетов в год, что составляет около 150 фунтов стерлингов в год из наших денег, человек может быть очень хорошо обеспечен жильем и питанием для себя и других, и его научат ездить верхом, фехтовать, обращаться с оружием, танцевать, прыгать и заниматься математикой". [248]

Эти академии были одной из главных достопримечательностей Франции для английского дворянства в семнадцатом веке. Первый был основан Плювинелем, великим экюером Генриха IV. Плювинель, вернувшись после долгого ученичества у Пиньятелли в Неаполе, сделал свою собственную школу верховой езды лучшей в мире, так что французам больше не приходилось обращаться к итальянским мастерам. Он получил от короля подвал большой галереи Лувра и там преподавал Людовику XIII. и другие молодые придворные вельможи - среди них маркиз дю Шильонский, впоследствии кардинал Ришелье, - чтобы оседлать великого коня. [249] Успех его манежа был таков, что он нанял мастеров обучать своих учеников танцам, прыжкам в длину и фехтованию, а также рисованию и математике, пока не завершил то, что считалось полным образованием для шевалье. В подражание его заведению многие другие мастера верховой езды, такие как Бенджамин, Потринкур и Несмонд, основали другие такого же рода, которые

привлекали учеников из других стран на протяжении всего семнадцатого века.^[250] В пригороде Пре-о-Клер, говорит Малингр в 1640 году, "есть несколько академий, где дворяне учатся верховой езде. Наиболее посещаемым является ресторан Месмона, где есть принц Датский и один из принцев Рейнского палатина, а также множество других иностранных джентльменов".^[251]

Англичане находили академии очень полезными убежищами, где мальчик мог научиться французским премудростям, не подвергаясь опасностям зарубежных путешествий, и познакомиться с молодыми дворянами своего возраста. Мистер Томас Лоркин, пишущий из Парижа в 1610 году, описывает наставнику принца Уэльского распорядок дня своего ученика мистера Пакеринга^[252] в таком заведении. Утро началось с двухчасовой прогулки верхом, затем последовали два часа занятий французским языком и один час "обучения обращению с оружием". Обед был в двенадцать часов, где компания продолжала собираться вместе до двух, "либо проводя время в беседах, либо в каком-нибудь честном развлечении, подобающем оружию". В два прозвенел звонок на танцы, а в три другой гонг отправил ученика в его отдельную комнату со своим наставником изучать латынь и французский в течение двух часов. "После ужина краткий обзор всего".^[253]

Будет видно, что соблюдался точный баланс между физическими и умственными упражнениями - по четыре часа на каждое. В целом, академии, казалось, были решением проблемы подготовки к жизни тех, кому было суждено блистать при дворе. Проблема ощущалась как в Англии, так и во Франции. В 1561 году сэр Николас Бэкон разработал "Статьи для воспитания в добродетели и учености королевских Величеств Вард".^[254] Говорят, что лорд Берли выступил с предложением о создании школы владения оружием и упражнений.^[255] В 1570 году сэр Хамфри Гилберт разработал подробное предложение о создании "Академии философии и рыцарства",^[256] но ни один из этих планов не был осуществлен. Как и принц Генрих, который также хотел основать Королевскую академию или школу оружия, в которой должны были обучаться и упражняться все королевские подопечные и другие лица.^[257] Некий сэр Фрэнсис Кинастон, оруженосец Карла I. "более склонный к поверхностным аспектам обучения - поэзии и ораторскому искусству (в чем он преуспел), - чем к логике и философии", - говорит Вуд, получил лицензию на возведение академии в своем доме в Ковент-Гардене, "которая навсегда должна стать колледжем для обучения детей". молодое дворянство и другие, сыновья джентльменов, и их следует называть Музеем Минервы".^[258] Но что бы ни было предпринято в этом направлении, закончилось Гражданской войной.

Однако идея создания в Англии академии, подобной той, которая имела успех во Франции, была настолько очевидной, что постоянно возвращалась к ней. В 1649 году придворный паразит сэр Бальтазар Жербье, который раньше был художником-миниатюристом, искусствоведом и церемониймейстером при Карле I. К сожалению, Гражданская война лишила его профессии, и он открыл академию в Бетнал-Грин. До сих пор существуют его тщательно продуманные рекламные объявления о местных достопримечательностях, адресованные "Всем отцам благородных семейств и любителям добродетели" и предлагающие его школу в качестве "средства, позволяющего освободить их от тех расходов, которые они несут, когда они отправляют своих детей в иностранные академии, и сделать их более сведущими в этих языках, не подвергая их опасностям, подстерегающим путешественников, и опасностям злых компаний, или придавая отдаленным частям славу их образования".^[259] Но Жербье был ненадежным человеком, и у него не было опыта в изучении иностранных языков. Чтобы

поддержать его судом или деньгами, его академию распустили после одной-двух газообразных лекций. Фобер, однако, другой французский протестантский беженец, добился большего успеха в академии, которую ему удалось основать в Лондоне в 1682 году, "чтобы уменьшить огромные расходы, которые ежегодно несет нация, отправляя детей во Францию для обучения военным упражнениям".^[260] Эвелин, который был покровителем этого предприятия, описывает, как он "поехал с лордом Корнуоллисом посмотреть, как юные кавалеры выполняют свои упражнения, мистер Фобер недавно ездил в манеже и приспособил его для академии. Там были герцоги Норфолк и Нортумберленд, лорд Ньюбург и племянник (Дюраса) Граф Февершем.... Но герцог Норфолк сказал мне, что он не участвовал в этом упражнении двенадцать лет назад".^[261] Однако школа Фобера не могла быть важным учебным заведением, поскольку в 1700 году некий доктор Мейдвелл пытался убедить правительство преобразовать его большой дом недалеко от Вестминстера во французскую общественную академию, как крайне необходимое средство воспитания джентльменов.^[262]

Но все эти усилия по воспитанию английских мальчиков на манер французских ни к чему не привели, потому что в конце семнадцатого века англичане начали понимать, что джентльмену неразумно ограничивать себя военной жизнью. Что касается верховой езды как изящного искусства, его практический ум считал, что в Париже было бы очень хорошо развлечься, научившись делать боевого коня караколом, но не было смысла относиться к таким вещам слишком серьезно; что на войне "чаще использовался более грубый способ верховой езды, без соблюдения точных правил верховой езды на большом коне".^[263] Он не мог почувствовать той художественной страсти к форме в искусстве верховой езды, которой веет со страниц книги Плювинеля *"Королевская манежка"*^[264], на великолепных гравюрах которой изображен Людовик XIII. делает курбеты, вольты, и "каприоли" по Лувру, в то время как в кругу вельмож серьезно обсуждают манеры его коня. Даже сэр Филип Сидни мягко подшутил над гиппоцентрической вселенной своего итальянского мастера верховой езды:

"Когда мы с истинным верующим Эдвардом Уоттоном вместе были при Императорском дворе, мы посвятили себя обучению верховой езде у Джона Пьетро Пульяно, который с большой похвалой занял место эсквайра в его конюшне. И Хи, согласно плодородию итальянского остроумия, не только поощрял нас демонстрацией своей практики, но и стремился обогатить наш разум содержащимися в ней размышлениями, которые он считал наиболее ценными. Но ни с кем, я не помню, чтобы мои уши были когда-либо более напряженными, чем тогда, когда (будучи разгневанным медленным поведением или восхищенным нашим ученическим восхищением) он упражнял свою речь в молитве своего факультета. По его словам, Душегубы были самым благородным сословием человечества, а всадники - самыми благородными из Душегубов. Он сказал, что они были Хозяевами войны и украшением мира: быстрыми посетителями и стойкими сторонниками, триумфаторами как в Лагерях, так и при Дворе. Нет, к такому неверующему пойнт-хи отнесся с пониманием, что ничто на свете не вызывает у Принца такого удивления, как умение быть хорошим наездником. Мастерство управления было всего лишь Педантизмом по сравнению с ним: тогда бы ондобавил еще больше молитв, рассказав, каким бесподобным животным была лошадь. Единственный полезный придворный, лишенный лести, зверь высочайшей красоты, верности, храбрости и многого другого, и если бы я не был никудышным Логиком до того, как пришел к нему, я думаю, он убедил бы меня пожелать себе Лошадь".^[265]

В том, что это в какой-то степени соответствовало духу французских академий, сомневаться не приходится. Хотя они утверждали, что дают равное количество физических и умственных упражнений, они уделяли больше внимания мышечной части программы. Плювинель, говорит Талеман де Рео, "был едва ли умнее своих лошадей",^[266] и академии, как предполагается, пришли в упадок после его смерти.^[267] "Все, чему можно научиться в этих академиях, - говорит Кларендон, - это верховая езда, танцы и фехтование, не считая некоторых безнравственностей, которым они якобы не учат. Это правда, что там есть люди, которые преподают арифметику, которую они называют философией, и искусство фортификации, которое они называют математикой; но какие знания у них там были, я мог бы легко представить, когда он заверил меня, что за три года, которые он провел в Академии, он никогда не видел ни латинской книги, ни какого-либо преподававшего там что-либо Учителя, который не обиделся бы, если бы его заподозрили в том, что он говорит по-латыни или понимает ее".^[268] Такого рода клевету продолжил доктор Уоллис, савилианский профессор математики в Университете. Оксфорд в 1700 году, который был возмущен попытками Мейдвелла основать академию в Лондоне.^[269]

"Из преподавателей академии едва ли найдется кто-нибудь более высокого ранга, чем камердинер. И если такой человек, который (например) прислуживал своему хозяину в одной или двух кампаниях и, возможно, способен скопировать проект укрепления из другой статьи, называется mathematics; и сверх этого (если так много) вам ожидать не стоит".

Некий мистер П. Честер завершает английское осуждение школы, такой как школа Бенджамина, заявлением, что ее претензии на то, чтобы подготовить мужчин к жизни, были "подобны стрижке Хоггса, много шума и мало шерсти, ничему существенному, насколько я знаю, не учат, кроме как сделать человека французским шевалье, то есть, попросту говоря, солдатом".^[270]

Эти комментарии, безусловно, соответствуют тому, что можно ожидать от Оксфорда, но даже мсье Жюссеран признает, что академии не были центрами интеллектуального света, и приводит в доказательство этого некоторые вопросы, заданные ученику, заключенному в Бастилию по требованию его отца:

- Разве это не правда, что сьер Варин, его отец, видя, что у него нет склонности к учебе, отдал его в Королевскую академию, чтобы он там разучивал всевозможные упражнения, и там поддерживали его большими расходами?

Он признался, что его отец, пока была жива его мать, устроил его в Королевскую академию и дал ему для этого необходимые средства, а также выплачивал обычную пенсию в 1600 ливров в год.

"Разве это не правда, что, пробыв некоторое время в Королевской академии, он был исключен, переодев девочек в мужскую одежду, чтобы привести их туда?

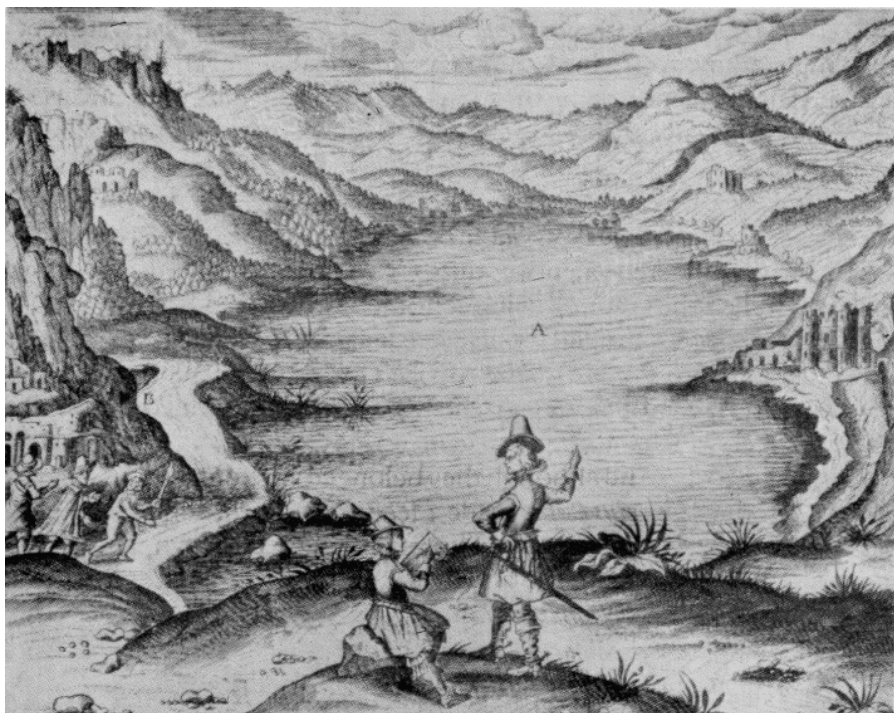
- Он отрицал это. Он никогда не вводил в школу ни одной ученицы академии: он уехал по вызову своего отца, должным образом простившись с месье и мадам де Пуа".^[271]

Однако мальчикам-роялистам нужно было дать какое-то образование во время Гражданской войны, когда Оксфорд был деморализован. Родители, бездомно скитавшиеся по Континенту, были достаточно довольны академиями. Даже Стюарты попробовали их, хотя герцога Глостерского пришлось отлучить от общества некоторых молодых французских кавалеров,

"которые, получив образование в той же академии, были знакомы с ним больше, чем считалось удобным".^[272] Это был выбор между академиями или таким образованием, какое Эдмунд Верней получил в унылом провинциальном городе в качестве единственного ученика изгнанного регионального профессора греческого языка в Кембридже. Но последствия воспитания во Франции и слишком раннего попадания при распутных дворах Европы стали очевидны во время Реставрации, когда Карл Второй и его друзья вернулись, чтобы поразить Англию своей "чрезвычайной дикостью". Каким еще может быть эффект юности, проведенной, как записывает граф Честерфилд:^[273] в тринадцать лет был придворным в Сен-Жермене: в четырнадцать избавился от какого-либо губернатора или наставника: в шестнадцать, в академии мсье де Во, он "случайно поссорился с мсье Морве, капитаном гвардии французского короля, которого я ранил и обезоружил на дуэли". После этого он покинул академию и поселился при туринском дворе. Де Грамон сказал, что именно из Италии Честерфилд привез те утонченные манеры и ту ревность к женщинам, за которую он был так печально известен среди повес эпохи Реставрации.^[274]

Глава Генри Пичема "О тяжелых испытаниях"^[275] по большей части построена по совету Даллингтона, но стоит отметить, что в "*Совершенном джентльмене*" Испания впервые привлекает внимание путешественника. Это, конечно, естественное отражение интереса к Испании из-за романтических приключений принца Чарльза и Бекингема в этой стране. Джеймс Хауэлл, который был в их поезде, уделяет этому еще больше места в своих *Инструкциях для Forreine Travell*. Несмотря на это, и хотя после 1605 года Испания была довольно безопасной для англичан, как место отдыха она не пользовалась популярностью. Это была особенно неуютная и дорогая страна; вряд ли она стала лучше с того времени (1537 г.), когда Кленардус, утомленный пересечением пустынь по пути в Университет Саламанки, после скудного ужина из кролика без вина и без воды, устроился спать на полу маленькой хижины, не имея ничего, на что можно было бы положить голову, кроме трех своих негров-конюхов, и воскликнул: "О мизера Лузитания, будь счастлива, не видя смерти".^[276] Вся цивилизация была ограничена несколькими крупными городами, добраться до которых было невозможно. человек был вынужден пересекать утомительные, жаркие, бесплодные и неприбыльные пустоши, подвергаясь неминуемой опасности нападения грабителей и опасаясь таможенников, которые взымали с людей налоги за все, даже за одежду, которая на них была. Никто не спасся. Посол Генриха Восьмого громко и неистово жаловался на возмущение человеку в своем кабинете.^[277] То же самое сделал посол Елизаветы. Но офицеры мрачно заявили, "что, если Христос или Святые Угодники придут со всей своей паствой, им не скрыться".^[278] Если предварительные неудобства со стороны таможенников сразу настроили путешественников против Испании, гостиницы подтвердили их в этом. "В некоторых местах есть лишь подобие дома с небольшим количеством спальных мест, но иногда вообще нет кроватей для пассажиров в Вентах - или в квартирах на Королевской дороге, где, если пассажиры встречаются, они должны нести свои рюкзаки, набитые всем необходимым: иначе они могут лечь спать без ужина".^[279] Графиня д'Оной ворчит, что невозможно было согреться у кухонного очага, не задохнувшись, потому что там не было дымохода. Кроме того, комната была полна мужчин и женщин, "чернее дьяволов и одетых как нищие ... всегда кто-нибудь из них нагло скрежетал на жалкой гитаре".^[280] Даже большие города не привлекали, потому что, хотя они были достаточно красивы и могли демонстрировать "определенную массовость и твердую храбрость", все же в них было мало привлекательного в городской жизни. Улицы были настолько плохо вымощены, что лошади на каждом шагу разбрызгивали воду в экипаж.^[281] Друг предупредил Тоби Мэтью, что "В городах вы

найдете так мало итальянских изысков в виде их зданий, чистоты и изящества их улиц, их образа жизни, их развлечений в виде вилл, Садов, аллей, фонтанов, Академий, искусств живописи, архитектуры и тому подобного, что вы скорее заподозрите, что они жили вместе только из страха перед волками".^[282]

НАБРОСОК НА БЕРЕГУ ОЗЕРА АВЕРНУС В 1610 ГОДУ

Насколько мало торжественность испанской знати нравилась английским придворным, привыкшим к буйным манерам Якова I. и его "Стини", можно понять из *Путешествия по Испании*.^[283] "Вы должны знать, - говорит первый персонаж этого диалога, - что при католическом дворе царит большая серьезность и величие, но мало шума и мало людей; так что его скорее можно назвать монастырем, чем королевским двором". Экономика в таком месте была большим источником недовольства. "Таким образом, король Испании тратит не так уж много", - говорит второй персонаж. "Так мало, - следует ответ, - что я готов держать пари, что французский король тратит на Пажей и лакеев больше, чем испанский на всю свою Придворную Свиту". Поезд Бекингема насмехался над умеренной пищей, которую они получали.^[284] Это было таким раздражающим контрастом с надменным видом тех, кто ее обеспечивал. "Мы все еще чрезвычайно бедны, - пишет английский посол о Мадридском дворе, - но так же горды, как Дивеллы, да, даже как богатые дивеллы".^[285] Не только при Дворе, но и повсюду испанцы были равнодушны к незнакомцам и нисколько не стремились понравиться им. Лорд Кларендон отмечает, что в Мадриде путешественники "найдут меньше удовольствия от проживания, чем в любом другом месте, которое мы им ранее рекомендовали: поскольку эта Нация, испытывающая меньшее уважение к простым путешественникам, которые отправляются за границу без дела, совсем не заботится о том, чтобы обеспечить их Жильем: и когда они жалуются на отсутствие многих удобств, на что у них есть основания, они удивляются, что из Дома приедут люди, которые будут обеспокоены этими неудобствами".^[286]

Поэтому неудивительно, что Испания считалась довольно скучной страной для иностранцев, и что Хауэлл "встретил между Парижем и Орлеаном больше пассажиров, чем я нашел за все

путешествие по Испании".^[287] Любопытство и желание выучить язык могли на какое-то время привести человека в Мадрид, но англичане мало что могли там найти достойного похвалы. Голландия, с другой стороны, вызывала их восхищение все больше и больше. Путешественники никогда не переставали восхищаться его муниципальными властями, исправительными и работными домами, его промышленностью, бережливостью и социальной экономикой. Аккуратные здания, элегантные улицы и тихие постоянные дворы были предметом множества похвал.^[288]

Декарт, который выбрал Амстердам в качестве места для обдумывания своей философии, хвалил его как идеальное убежище для студентов, утверждая, что для них это гораздо лучше, чем Италия с ее эпидемиями, жарой, нездоровыми вечерами, убийствами и грабежами.^[289] Локк, отправившись в добровольное изгнание в 1684 году, развлекался с врачами и литераторами Амстердама, присутствуя по специальному приглашению главного врача города на вскрытии львицы или обсуждая запутанные проблемы теологии с богатыми торговцами-квакерами.^[290] Придворные были очарованы морским берегом в Схевенингене, где по твердому песку, превосходно созданному природой для развлечения знатных людей, иностранные послы и их дамы, а также гагское общество разъезжали в своих каретах, запряженных шестеркой лошадей.^[291] Однако сэр Уильям Темпл, после нескольких лет, проведенных в качестве посла в Нидерландах, решил, что Голландия - это место, где человек предпочтет путешествовать, а не жить, потому что это страна, где больше здравого смысла, чем остроумия, больше богатства, чем удовольствий, и где можно найти больше людей, которых стоит уважать, чем любить.^[292]

Голландия вызывала особое восхищение у путешественников семнадцатого века, потому что в ней было так много диковинок и редкостей. Чтобы разыскать предметы, принадлежащие vertu, джентльмен эпохи Якобинцев пустился бы в любое путешествие. К людям, у которых были шкафы с бабочками, миниатюрами, раковинами, слоновой костью или индийскими бусами, приставали туристы с просьбами показать их сокровища.^[293] Ни один сад не казался им таким очаровательным, как тот, в котором был "птичий сад"^[294] или вольер с орлами, журавлями, аистами, дрофами, четырехкрылыми утками или кроликами почти идеально желтого цвета.^[295] Таким образом, Голландия, куда корабли привозили драгоценные диковинки со всего мира, была раем для виртуозов. Эвелин из Роттердама разрывался между своим восхищением медной статуей Эразма и пеликаном, которые он тщательно описывает. Величайшим очарованием голландских гостиниц для сэма Патерсона были их запасы китайской и японской посуды и вероятность встретить мурлыкающего сурка, пищащую морскую свинку или ручного кролика с ошейником из колокольчиков, прыгающего по дому.^[296]

Но, возможно, мы слишком долго останавливались на тех, кто путешествовал, чтобы посмотреть на безделушки и получить образование во французских академиях. Хотя академии были характерны для семнадцатого века, существовали и другие центры образования, которые англичане искали за границей. Изучение медицины, в частности, приводило многих студентов в Падую или Париж, поскольку Континент намного опережал Англию в научной работе.^[297] Сын сэра Томаса Брауна изучал анатомию в Падуге у сэра Джона Финча, который поселился там и впоследствии был избран синдиком университета.^[298] В Париже Мартину Листеру, хотя и находившемуся в свите английского посла, в основном нравилось, что "мистер Беннис в анатомическом кабинете в одиночестве работает над мертвым телом", и "ему доставляло больше удовольствия видеть месье Бремана в его белом жилете". копать в королевском лекарственном саду и засеивать свои грядки, чем месье де Сенто, освобождающий место для

посла": и обнаружил, что лучше расположен и более склонен выучить названия и физиономию сотни растений, чем пяти или шести принцев.^[299]

Николаса Феррара больше всего интересовала медицина, и ни один путешественник ради учебы не был так предан задаче самосовершенствования, как он. Примерно в то же время, когда второй граф Честерфилд дрался на дуэлях в академии месье де Во, Николас Феррар, серьезный юноша, приехал из Кембриджа в Лейпциг и "усердно принялся изучать особенности города, характер правительства, настроения и склонности людей". Посчитав университет слишком отвлекающим занятием, он удалился в соседнюю деревню, чтобы читать лучших писателей о делах Германии. Он проходил двухнедельную стажировку на каждом немецком предприятии. Он мог поддерживать диалог с архитектором его собственными фразами; он мог разговаривать с моряками их морскими терминами. Переехав в Падую, он за очень короткое время достиг изумительных познаний в медицине, а его разговорчивость и обаяние облагораживали порочных студентов Падуи.^[300]

ГЛАВА VI

ГРАНДИОЗНЫЙ ТУР

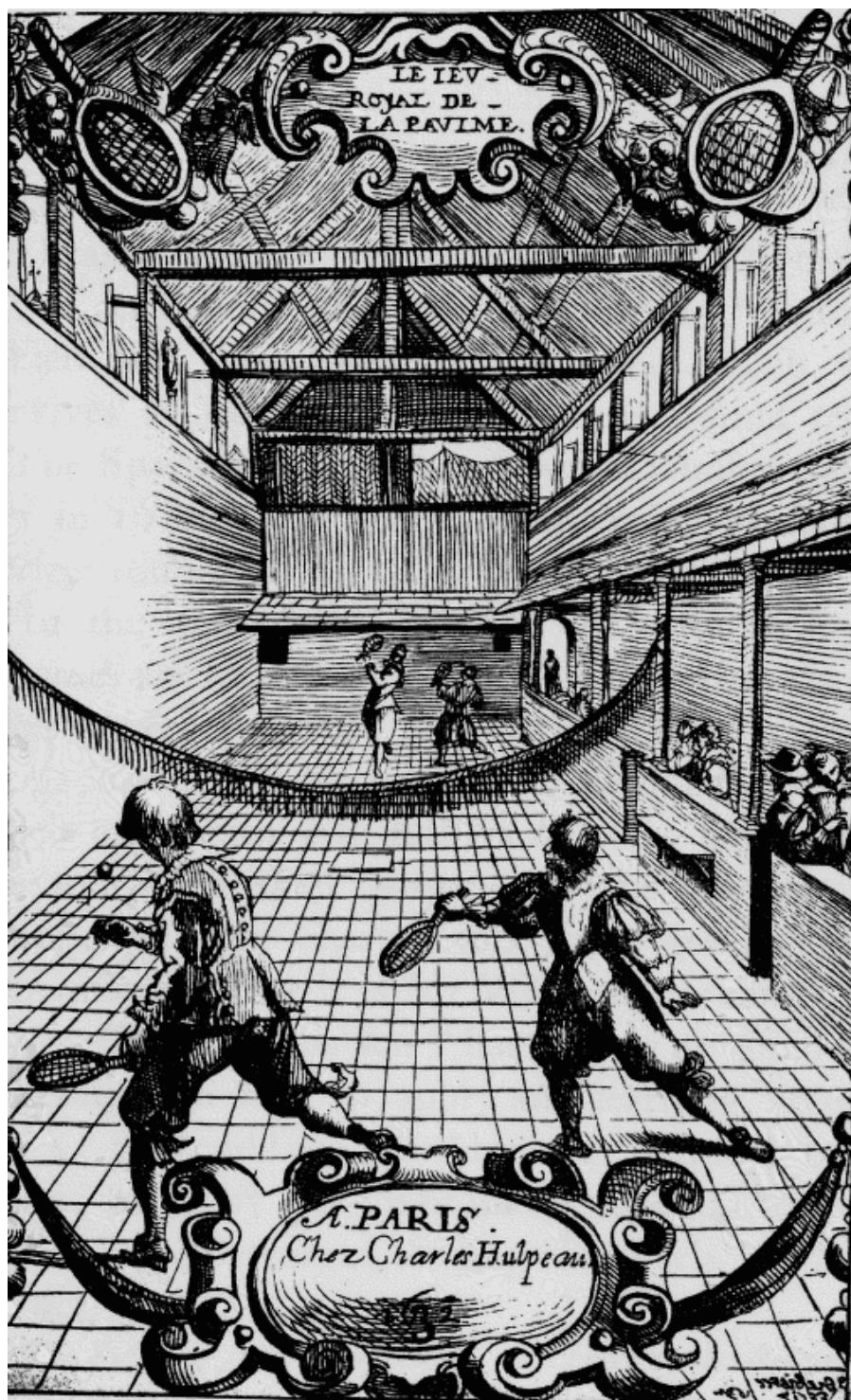
После реставрации идея полировать свои детали во время зарубежных поездок получила новый импульс. Друзья Карла Второго, проведя так много времени за границей, естественно, привезли в Англию обновленное приобщение к континентальным идеалам. Франция более чем когда-либо была арбитром для "благородной и цивилизованной части человечества". Такие путешественники, как Эвелин, которая сожалела об "уединенной и бездеятельной жизни английского дворянства в деревне", о "надменном и грубом англичанине" и "сдержанном обращении нашей угрюмой нации",^[301] произвели впечатление. Общеизвестно, что вежливость и приветливость должны были быть привнесены из-за морей, ибо "скромный англичанин" был лишен этих качеств. Он был "груб в обращении, с ним было нелегко познакомиться, и он был прямолинеен, даже когда был обязан".^[302]

Даже мудрые и честные англичане начали стыдиться своих манер и почувствовали, что должны стараться быть не совсем такими англичанами. "Прояви достойную смелость", - постоянно пишет сэр Томас Браун своему сыну во Францию. "Избегай pudor rusticus". "Надевайте красивую одежду и проявляйте гражданскую смелость, над которыми тот, кто не научился во Франции, трудится напрасно".^[303]

Но во времена правления Карла Второго в путешествиях для полного джентльмена было одно отличие: Италия и Германия снова были безопасны и открыты для путешественников, так что Голландия, Германия, Италия и Франция совершили великолепный тур по достопримечательностям, а именно Гранд Тур. По-прежнему было обычным проводить некоторое время в Париже, изучая упражнения и достижения в академии, но значительная часть усилий уходила на поездку в почтовой карете по главным городам Европы. Поскольку осмотреть достопримечательности было гораздо легче, чем изучать правительства, писать

"отношения" или даже управлять "Большой лошадью", Гранд-тур как форма образования завоевал популярность в обществе, особенно в конце века, когда даже академии были слишком обременительными для посещения кавалерами. Хорошо одеваться и быть остроумным вытеснило воинственные амбиции. Джентльмены больше не могли терпеть буйство Огромного Коня, их возили в носилках. Поездка по Европе в карете их очень устраивала. Это был вид путешествий, который также подходил сыновьям сельских сквайров; поскольку с распространением моды от двора к деревне не только знатные люди и "истинные галанты", но и простые сельские джентльмены стремились отправить своих сыновей на поиски "бель эйр". Их представление о том, как это должно быть сделано, было довольно расплывчатым, поэтому были наняты услуги губернатора, который обнаружил, что самый простой способ общения с Тони Лампкином - это проехать с ним внушительное количество миль и заинтересовать разглядыванием зданий. Сама цель путешествий, к сожалению, отошла от елизаветинских времен. Циничные родители, такие как Фрэнсис Осборн, ни малейшей веры в их положительный эффект не имели, но рекомендовали их исключительно потому, что так было модно. "Некоторые, чтобы напустить более серьезный вид на распутное, дерзкое и дорого купленное Тщеславие, называют "Путешествия" "лучшим средством общения молодежи и дворянства", хотя Опыт показывает, что в целом они "величайший развратник" ... и все же, поскольку она продвигает Общественное Мнение в Мире, без которого Пустыня не полезна никому, кроме самой себя (Ученые и Путешественники взывают к высшим Степеням в самых универсальных Суждениях), Я не так уж и не прочь на время уступить место движению сапсана".^[304]

Короче говоря, целью Грандиозного Тура было увидеть и быть увиденным. Сам термин, по-видимому, является расширением употребления от слова, используемого для описания езды в своем автобусе по главным улицам города. Герцогиня Ньюкасл, в 1656 году, писал из Антверпена: "я хожу иногда за границей, редко в гости, но только в моей карете о городе, или о какой-то из улиц, которую мы называем здесь экскурсию, где все главные города идут, чтобы увидеть и быть увиденным, и все незнакомцы, что качество простите."^[305] Эвелин, в 1652 году, противопоставляется "туры" с соответствующего рода трудолюбивый путешествии; "но он (вместо того, чтобы сделать тур, как они его называют) или, в конце посла нашего в шутку, но резко упрекал, (как гусь swims вниз по реке) овладев языком, часто бывал в суд, изучил их обычаи, находились в своих заявлениях, наблюдаемое ими воинской дисциплины, контракт знакомство с учеными людьми, изучал их искусства, и знаком с их нрав, делает это assompt своего времени".^[306] и в другом месте он говорит: "написано Улисса, что хи побывал во многих городах, действительно, но всем его замечаниям мужские нравы и обычаи, был всегда предпочитал считать шпили, и оформление туров: это Ethicall и Моралль часть путешествия, которая embellisheth барин".^[307] в 1670 году, Ричард Lassels использует термин "Большой тур" впервые в книгу для путешественников: "Гранд Тур де Франс и Джиро д'Италии".^[308] это, конечно, только специализированное использование понятия "круг", которые давно уже действующей, и которая все еще жива в наших фраза "принять туда и обратно". "Испанские послы", - пишет Дадли Карлтон в 1610 году, "на следующей весны, чтобы сделать идеальный круг".^[309]

В ТЕННИС ИГРАЛИ В ПАРИЖЕ В 1632 ГОДУ

В эпоху Большого тура губернатор становится важной фигурой. Безусловно, губернаторы были всегда, с самого начала путешествий они становились полноценными личностями. Их споры с отцами по поводу расходов на поездку и сетования на неприятное поведение их подопечных передаются из поколения в поколение. Теперь мистер Виндебанк жалуется Сесилу, что у его сына "совершенно нет ни ума, ни склонности применять какие-либо знания в соответствии с целью, с которой вы послали его сюда", будучи увлеченным "чрезмерной привязанностью к молодой благородной женщине, проживающей недалеко от Парижа".^[310] Теперь мистер Смайт

желает, чтобы его отозвали домой, если только не удастся увеличить содержание для него и Фрэнсиса Дэвисона. "Ибо мистер Фрэнсис теперь мужчина и ваш сын, и им не так легко управлять в том, что касается расходов, по поводу которых у нас было больше споров, чем я буду говорить".^[311] В эссе Бэкона "О путешествиях" 1625 года впервые предлагается использовать губернатора;^[312] но губернаторы получили полную власть только в середине века, когда вошло в обычай отправлять мальчиков за границу очень молодыми, в четырнадцать-пятнадцать лет, потому что в этом возрасте они были более податливы для обучения иностранным языкам. В том возрасте им, как правило, нельзя было доверять самим себе, особенно после столетних протестов против моральных и религиозных опасностей зарубежных поездок. Насколько родители боялись опасностей путешествия и какой ответственностью для губернатора было взять на себя одну из этих драгоценных обязанностей, можно понять из этого письма леди Лоутер Джозефу Уильямсону, который впоследствии стал государственным секретарем: "Я не сомневаюсь, что вы приняли моего сына, - пишет мать, - вместе с нашими письмами, в которых мы умоляем вас позаботиться о том, чтобы улучшить все хорошее в нем и ограничить все нарушения, поскольку он - надежда и единственная опора своего отца. Я взываю ко Всемогущему и использую все возможные средства для этого; я полагаю, что ваше благоразумное правительство и увещевания могут во многом способствовать этому. Скажите мне, находите ли вы его покладистым или беспорядочным: характер у него хороший, а природные данные разумные, но его приобретения посредственнее, чем я желал бы; однако он еще достаточно молод, чтобы учиться, и с помощью учебы может восстановить, если не вспомнить, потерянное время.

"Во-первых, постарайтесь утвердить его в его религии, как основе всех наших других надежд, и тем более примите во внимание неплотность обстановки в том месте, где вы находитесь. Я не сомневаюсь, что вы хорошо обдумали свое решение поехать в Италию, но я должен сказать вот что в ответ на мои заветные опасения (помимо слабоумия моего пола), что все мои привязанности сосредоточены в одной голове: также я знаю горячность его характера, склонного к лихорадке. И все же я отдаю его под ваше полное управление, моля только Бога Небесного направить вас к лучшему и сделать его послушным вам и трудолюбивым для своего собственного продвижения".^[313]

Губернатор становился все более необходимым арбитром того, что было модно для семей, чьи связи с миром моды были слабыми. Он напустил на себя властный вид и принялся писать книги о том, как следует совершать Грандиозное турне. Таково *"Путешествие по Италии"* с инструкциями относительно путешествий, написанное Ричардом Ласселсом, джентльменом., который "пять раз путешествовал по Италии в качестве наставника нескольких представителей английской знати".^[314] Ласселс, рассказывая о преимуществах путешествий, играет на растущей чувствительности сельского джентльмена к его невинным странностям: "Сельский лорд, который никогда не видел никого, кроме арендаторов своего Отца и М. Парсона, и никогда не читал ничего, кроме Джона Стоу и Спида; думает, что край Земли быть концом Света; и что всякое прочное величие, рядом с большим пирогом, состоит в большом Пожаре и большом поместье"; или: "Мой деревенский джентльмен, который никогда не путешествовал, вряд ли может отправиться в Лондон, не составив Завещания, по крайней мере, не намочив свой носовой платок".^[315]

Гранд-тур, конечно, является средством от этих недостатков, особенно под руководством мудрого губернатора. К выбору этого губернатора следует подходить с большей осторожностью,

чем к выбору любого другого вассала. Лакеи и лакеи "подобны его галошам, которые он оставляет у дверей тех, кого навещает", но его португеза подобна его рубашке, она всегда рядом с ним и поэтому должна быть из лучшего материала. Разоблачения плохих управляющих в инструкциях Ласселя достаточно, чтобы заставить человека вообще отказаться от Гранд-тура. Эти "нуждающиеся смелые люди" приводили учеников в Женеву, где ученики теряли всю свою истинно английскую преданность и уважение к монархии; они держали их в унылых провинциальных городах, где случайно проживала жена или любовница губернатора. "Было замечено, что другие продавали своих учеников Мастерам упражнений и заставляли их верить, что худшие академии были лучшими, потому что они были лучшими для хитрого губернатора, который получал по десять фунтов с человека за каждого, кого он мог туда привлечь: я знал других, которые женились бы на своих ученицах во Франции без ведома их родителей";^[316] ... и так далее, с другими, более зловещими примерами.

Трудности, связанные с подбором подходящего губернатора, Лассель вряд ли преувеличивал. У внука герцога Ормонда был именно такой бесчестный наставник, как описано выше, - тот, кто вместо того, чтобы показать графу Оссори мир, отнес его к своим родственникам и "похоронил" в Оранже.^[317] На первый взгляд кажется странным, что сына графа Солсбери доверили сэру Джону Финету, который вызвал расположение Якова Первого своим замечательным мастерством в сочинении "непристойных песен".^[318] Нас поражает, когда мы читаем, что губернатор лорда Клиффорда, мистер Бичер, вышел из себя во время игры и вызвал сэра Уолтера Чута на поле боя,^[319] или что сын сэра Уолтера Рэли смог показать своего губернатора Бена Джонсона мертвецки пьяным на машине, "которую пионеры протащили по улицам, на каждом углу показывая своего губернатора растянутым и говоря им, что это более живое изображение распятия, чем любое другое, которое у них было".^[320] Но для этого потребовался мужественный человек. вообще быть губернатором. Небезопасно было выбирать просто умного и добродетельного наставника; свидетелем был случай с графом Дерби, высланным за границу в 1673 году вместе с мистером Джеймсом Форбсом, "джентльменом выдающихся качеств, добродетели и благоразумия, но слишком мягкого характера, чтобы управлять своим учеником". Приключения этих двоих, о которых рассказывает Карт в своей книге "Жизнь Ормонда", несомненно, типичны.

Не пробыли они и трех месяцев в Париже, как между ними произошло недоразумение, которое невозможно было уладить, так что оба написали герцогу (Ормонду) письма с жалобами друг на друга. Его светлость немедленно послал за мистером Мьюлисом выяснить причину ссоры, чтобы помирить их.... Граф забыл совет, который дал ему герцог, познакомиться с высокопоставленными людьми Франции и вести как можно меньше переписки со своими соотечественниками, пока он был за границей, насколько это соответствовало хорошим манерам; и свел близкое знакомство с похотливым, распутным молодым человеком, которого он встретил в Париже и который был сыном доктора Меррита, врача. Губернатор предостерег своего молодого дворянина от дружбы с таким никчемным человеком, который втянул бы его во всевозможные пороки и расходы и доставил бы бесчисленные неудобства. Меррит, узнав об этом, однажды воспользовался преимуществом мистера Форбса в одном доме и нанес ему опасное ранение. Граф, вместо того чтобы выразить свое негодование, как следовало бы в подобном случае, казался весьма довольным случившимся и по-прежнему сохранял близость с Мерритом. Герцог, узнав, что у Меррита такая же дурная репутация, как у всех, кто знал его в Лондоне, как и у мистера Форбса, легко заподозрил, что граф неправ, и поручил Мьюлису

рассказать ему о дурной славе этого человека и о том, насколько он недостойн знакомства и беседы с его светлостью

Когда Мьюлис приехал в Париж, он обнаружил, что дела у лорда Дерби очень плохи, который не только одобрил нападение Меррита, но и, по наущению некоторых молодых французских повес, согласился на то, чтобы его губернатора накрыли одеялом. Граф был необуздан, полон энергии и не терпел сдержанности; Форбс был серьезным, трезвым, мягким человеком, и его мудрые увещания никак не подействовали на его ученика. Герцог, видя, чем занят молодой джентльмен, решил прислать того, кто будет управлять им. С этой целью он обратился к полковнику Томасу Фэрфаксу, младшему сыну первого лорда Фэрфакса, человеку галантному и храброму (как и все Фэрфаксы) и в высшей степени честному. Сначала лорд Дерби был встревожен, но полковник резко сказал ему, что он послан управлять им и будет управлять им. что его светлость должен подчиниться и должен это сделать; так что лучший способ, который он мог избрать, - это сделать это с соблюдением приличий и в хорошем настроении. Вскоре он рассказал о порочной и скандальной части знакомства графа и дал понять остальным, что находится на попечении молодого дворянина, находящегося в его подчинении; и поэтому, если кто-нибудь из них когда-нибудь поссорится со своим учеником, который был молод и неопытен, он сам был их человеком и доставил бы им удовлетворение. Его храбрость была слишком хорошо известна, чтобы кого-то соблазнять испытать ее; благородство его семьи и его личные заслуги снискали ему уважение всего мира, так же как и его ученику. Никакой ссоры не произошло: граф был восстановлен в правах, поскольку всегда очень наблюдал за своим губернатором. Он покинул Париж и, спустившись по Луаре, направился на юг Франции, везде встречаемый губернаторами городов и провинций с большим уважением и необычными знаками отличия. Оттуда он отправился в Италию, везде производя впечатление красавца и путешествуя с таким же достоинством, как любой дворянин, затрачивая немногим более тысячи двухсот фунтов в год; так легко добиться успеха в этих странах благодаря добродетели, приличиям и хорошему управлению ".^[321]

Это заключительное замечание Картэ отражает точку зрения некоторых семей на то, что жить за границей было экономичнее. Это, конечно, было - для придворных, которым приходилось платить восемьдесят фунтов за костюм - без отделки^[322] - и тратить две тысячи фунтов на ужин для короля.^[323] Фрэнсис Осборн считал одним из главных преимуществ путешествия обучение экономии, которое оно давало: "Бережливость, которой никто не научился так в совершенстве, как итальянец и шотландец; Естественна для первых и столь же необходима для последних".^[324] Несмотря на это, стоимость путешествия в расточительные дни британской империи была Стюартов значительно прибавилось. Грандиозный тур стоил дороже, чем путешествие в елизаветинские времена, когда молодые люди спокойно устраивались для усердной учебы в каком-нибудь немецком или итальянском городке. Роберт Сидни, например, имел всего 100 фунтов стерлингов в год, когда жил со Штурмом. "Как бы ты ни старался, это все, что я тебе должен", - сказал его отец. " Гарри Уайт ... я буду получать его 20 фунтов стерлингов в год, а вы - ваши 100 фунтов; и так что будьте так добры, как только сможете ".^[325] Секретарь Дэвисон ожидал, что его сын, его наставник и их слуга будут жить на эту сумму в Венеции. "Мистер Во". сказал, что этого будет достаточно.^[326] Если "мистер У." означает мистера Уоттона, как это, вероятно, и есть, поскольку Уоттон только что вернулся из-за границы в 1594 году, а Фрэнсис Дэвисон отправился в путь в 1595 году, он был специалистом по экономичным путешествиям, поскольку раньше жил в Германии на один шиллинг, четыре пенсы с половиной пенни в день за питание и ночлег.^[327] Но он не взял с собой губернатора и слугу-англичанина. Морисон, Хауэлл и

Даллингтон утверждают, что расходы на прислугу составляли 50 фунтов стерлингов в год. Поэтому наставник Дэвисона совершенно справедливо возразил, что 200 фунтов стерлингов будет недостаточно для трех человек. Хотя они тратили в Венеции "не так много, как другие джентльмены их нации, и хотя он сам ходил на рынок и был настолько бережлив, насколько это было возможно, расходы возрастали до сорока шиллингов в неделю, не считая одежды и книг". "Я протестую, что никогда в жизни не переносил столько рабства ради экономии денег", - сетует он.^[328] Когда учеба во Франции заменила студенческую жизнь в Италии, расходы, естественно, выросли. Морисон, который путешествовал как гуманист, ради "знания государственных дел, истории, космографии и тому подобного", обнаружил, что пятидесяти или шестидесяти фунтов было достаточно, чтобы "оплатить рацион путешественника, необходимый инвентарь и два путешествия в год, весной и осенью, а также оплатить умеренные расходы на удовольствия".^[329] Но Даллингтон обнаружил, что образование французского типа обойдется всего в два раза дороже. "Если он путешествует без слуги, восемьдесят фунтов стерлингов - вполне приемлемая пропорция, если только он не научится ездить верхом: если он будет выполнять обе эти обязанности, ему можно будет позволить не меньше ста пятидесяти фунтов; а позволить больше двухсот - это было бы излишне и во вред ему. И, таким образом, пропорционально, в соответствии с номером, который он хранит.

Обычная норма его расходов такова: десять золотых крон в день для него лично, восемь для его слуги, (самое большее) две кроны в день для его фехтования, столько же танцев, не меньше чтения и пятьдесят крон в день для его верховой езды; но это упражнение он должен прекратить на весь год. Остаток от его 150 фунтов я оставляю ему на одежду, книги, дорожные расходы, игру в теннис и другие экстраординарные расходы".^[330] Несколько лет спустя Хауэлл фиксирует ежегодные расходы в размере 300 фунтов стерлингов (дополнительно 50 фунтов на каждого слугу). Эти триста фунтов предназначены для оплаты верховой езды, танцев, фехтования, тенниса, одежды и найма кареты - нового предмета первой необходимости. Казалось бы, академия была более дешевым средством обучения достижениям. Примерно за 110 фунтов стерлингов можно было бы обеспечить жильем и питанием себя и мужчину и научиться ездить верхом, фехтовать, разбираться в математике и так далее.^[331] Лассельс очень мудро воздерживается от сообщения тем, кого еще не убедил, сколько будет стоить великолепный Гранд-тур, который он описывает. Мы подсчитали, что это было бы более 500 фунтов стерлингов, поскольку граф Корк платил 1000 фунтов стерлингов в год двум своим сыновьям, их управляющему, всего двум слугам и только верховым лошадям.^[332] в то время как Лассельс намекает, что никто с большой претензией на моду не мог проехать по Парижу без кареты, за которой следуют три лакея и паж.^[333] Эвелин, во всяком случае, считала расходы путешественника "огромными": "И поверьте, сэр, если он получит какое-то необычайное удовлетворение от того, что он наблюдал за границей, то он будет очень доволен". боли, размышления, наблюдения, опасности, путешествия, плохие развлечения, отсутствие друзей и бесчисленные тому подобные неудобства в сочетании с его огромными расходами обходятся очень дорого, и путем странного вымогательства он может похвастаться тем небольшим опытом и репутацией, которые приобрел за границей".^[334]

Возможно, некоторые подробности из воспитания Роберта Бойла послужат иллюстрацией того, как проходить Большое турне. Его отец, великий граф Корк, был преданным приверженцем этой формы образования и отправил своих многочисленных сыновей по двое на Континент. Он был, как говорит Бойл, из тех людей, "которые сами добивались того, чего хотели в науке, будучи одновременно страстным поклонником и выдающимся покровителем науки".^[335] В его дневнике

за 1638 год сначала записано возвращение "Моих сыновей Льюиса и Роджера из их странствий по чужим королевствам ... за что я и они всегда смиренно и сердечно благодарим и восхваляем бога".^[336] В том же году он вернул лорду виконту Киналмики и лорд Брохилл с мистером Маркомбом, их губернатором, из их зарубежных поездок во Францию и Италию. Затем настала очередь Фрэнсиса и Роберта, только что переведенных из Итонского колледжа. Вместе с губернатором Маркомбом, французским слугой и французским мальчиком они отбыли из Лондона в октябре 1639 года, "имея под рукой лицензию его Величества и личную подпись на пребывание за границей в течение 3 лет: бог ведет их за границу и в целости и сохранности".^[337]

Роберт, согласно его автобиографии, был вполне доволен отъездом, но пятнадцатилетний Фрэнсис только что женился на четырнадцатилетней фрейлине королевы и после четырех дней кутежей был не в настроении возвращаться в детство.^[338] Между ним и его отцом были произнесены высокие слова по случаю его вынужденного отъезда в Париж. Он был так взволнован, что потерял свою шпагу и пистолеты - по крайней мере, так мы слышим из первого письма Маркомба из Парижа. "Мистер Фрэнсис перед своим отъездом из Лондона был так встревожен из-за гнева вашей светлости на него, что он никогда не мог сказать нам, куда он положил свою шпагу и пару пистолет, которые ваша светлость им подарили, так что я был вынужден купить им здесь по паре пистолет за штуку, из-за опасности, которая сейчас повсюду во Франции, и потому что теперь у каждого светского джентльмена так модно ездить верхом с парой пистолет, что они смеются над теми, у кого их нет. Я купил также шпагу для мистера Фрэнсиса, и когда мистер Роберт увидел ее, он так искренне пожелал, чтобы я купил ему шпагу, потому что его шпага вышла из моды, что я не смог отказать ему в этой маленькой просьбе".^[339]

Маркомб недолго подвергал мальчиков парижским волнениям, но сразу же поспешил отправить их в Женеву и устроил на работу, где Фрэнсис проявил большую покорность и добродушие, приняв свою судьбу. Он был не так мрачен, как Лорд Крэнборн, который в подобной ситуации заболел, не мог ни есть, и должны быть отправлены обратно в Англию.^[340] "и как Мистер Фрэнсис", - пишет Marcombes на пробки", - протестую я к Вашей Светлости, что я не thinkе ыть, он мог заметить himselfe к всякого рода хорошей обучаемости с таким большим телом и страстью, как он, вкусив уже немного drope вы либертинажа твой суд, но я его найду ГП послушная, и ГП желая починить е. время упущено, ыть, я нисколько не сомневаюсь, но ваша светлость примет многие ioue."^[341] у него не было особого образование в Итоне, как его губернатор с удовольствием отметил: "для г-н Фрэнсис ДОУ я уверяю ваше сиятельство, что он нуждается в игре himselfe в прочем до сих пор, за исключением читал и писал на английском он был основан в Ничего вы wordle (мир); и believe меня, ибо перед Богом я говорил, правда, когда я говорю, что не любой дворянин имеет Донн ща прибыли в свое время то, что он сделал, когда он вышел из Англии: и к тому же ыть если бы он был больше в Eatton он там научился drinke с другими deboise специалистов, как у меня есть Бин в образованный господин Роберт".^[342]

Покоренный изучением "Фортификационных сооружений", раздела математики, который очень нравился мальчику семнадцатого века, будущий виконт Шеннон энергично принялся за работу;^[343] и на какое-то время в процессе образования воцарился мир. "Каждое утро, - пишет их наставник, - я учу их риторике на латыни и объясняю им Юстина с латыни на французский, а вскоре после обеда я перечитываю им две главы из вашего Ветхого Завета с кратким изложением тех моментов, которые, как мне кажется, они не понимают; а перед ужином я преподаю им историю ваших римлян на французском из Флора и Тита Ливия и два раздела из вашего Катешизма Калуина с вашим самым ортодоксальным изложением моментов, которые

они не понимают; и после ужина я читаю им историю ваших римлян на французском из Флора и Тита Ливия. и два раздела из вашего Катешизма Калуина с вашим самым ортодоксальным изложением. прочитай им две главы твоего нового Завета, и утром, и вечером мы вместе произносим наши молитвы, и дважды в неделю мы ходим в Церковь".^[344]

Мальчики всегда говорили по-французски и брали несколько уроков танцев, но ни разу не брали уроков верховой езды, потому что "их конечности недостаточно гибкие и крепкие, а тело неспособно переносить грубые упражнения; и кроме того, хотя у нас здесь такие же хорошие и умелые учителя, как во многих других местах, все же, когда они приедут в Париж или какое-нибудь другое место, их учителя заставят их поверить, что они потеряли свое время, и заставят их начать заново: ибо так поступать со всеми - их обычай".^[345] Однако в теннисе Фрэнсис получал удовольствие и быстро рос. "Могу заверить вашу светлость, что его ноги и руки сейчас на треть больше, чем были в Англии". Роберт, даже в четырнадцать лет прилежный человек, "не так сильно любит играть в теннис, но ему больше нравится оставаться наедине с какой-нибудь исторической книгой или чем-то еще, но я часто уговариваю его и поиграть в теннис, и погулять. Я никогда не видела его красивее, потому что, хотя он сильно вырос, все же он очень толстый, а щеки у него красные, как киноварь. В конце вашей зимы очень холодно, и на землю выпало большое количество снега, но из-за этого у них такой голод, что ваша светлость должны получить огромное удовольствие, увидев, как они питаются. Я не угощаю их лакомствами, но уверяю вашу светлость, что у них всегда хорошее воспитание и хорошее вино, хорошая говядина и мутон, трижды в неделю хорошие каплуны и хорошая рыба, постоянно два блюда фруктов и хороший кусок сыра; дважды или трижды в неделю всякое чистое белье и постоянный огонь в их комнате, где у них есть хорошая кровать для них и другая для их мужчин".^[346]

Действительно, Маркомб был очень хорошим губернатором, в чем Роберт несколько раз заверял графа Корка, и не позволял им ни в чем испытывать недостаток. Весной он купил им верховых лошадей, чтобы после учебы они могли подышать свежим воздухом и повидаться со своими друзьями. Поскольку всеми фондами распоряжался губернатор, было большой проверкой его честности, устоял ли он перед искушением сэкономить на одежде и расходах своих учеников и прикарманить сэкономленную таким образом часть их содержания. Вот почему Маркомб часто упоминает в своих письмах графу Корку такие вещи, как эти: "Я сшила для мистера Роберта роскошную черную атласную сумочку: ваш плащ на плюшевой подкладке, и я даю им каждый месяц по пиесе вашей стоимостью около двух фунтов стерлингов в качестве компенсации за их уход".^[347]

Единственными нарушителями удовлетворительного состояния Маркомба и его учеников были Киллигрю. Томас Киллигрю, впоследствии ставший одним из драматургов эпохи Реставрации, тогда только-только перерос поместье пейдж, принадлежащее Карлу I. И, прогуливаясь по Континенту, он нанес Бойлам визит.^[348] Как брат жены, которую мистер Фрэнсис оставил дома, и сам по себе как очаровательный придворный, он оказал мощное, но пагубное влияние на женевский дом. Маркомб поначалу был очень осторожен в своих высказываниях, написав только, что "мистер Килигри находится здесь с прошлой субботы ... но я думаю, он будет не долго: что, возможно, будет вам лучше для вашего сына: ибо хотя его разговор очень сладкие и вкусные, но в них нет необходимости перерыва, специально Мистера Фрэнсиса, который был сильно ругал своего обучения на своего бывшего учителя: и хотя он имеет огромное желание redime вас время, но он не может следить за его младшего брата, и поэтому он должен иметь время, а не вы из тех, ут уход не за их books".^[349] но когда оказалось, что Киллигрю сказал граф

Корк, которая Marcombes держали братья бедно одет, губернатор развернул свой отзыв восходящего драматурга как "тот, что уже говорит плохо о своей матери и всех своих друзей и, что играет вы foole allwayes помощью вы улицам, как Schoole мальчик, имея Allwayes рот полон whoores и такие дискурсы, и braging часто его Моня получает от этого или вы другого продавца без каких-либо хорошее намерение платить."^[350] его компания разжигали в Мистер Фрэнсис хвастливом духе, "не говоря ничего, но то, что он должен лань, когда он должен еще раз команду своего государства, сколько собак он с кеере; сколько лошадей, сколько красивых лент, sutes и rubans, и насколько свободно он будет играть и кеере компании с хорошим другом, и т. д."^[351]

СЭР ТОМАС КИЛЛИГРЮ - современная карикатура на драматурга эпохи Реставрации, некоторые черты которого сформировались во Франции в 1640 году

Сестра Томаса Киллигрю, жена мистера Фрэнсиса, тоже была очень тревожным человеком. Она переписывалась со своим мужем и убеждала его сбежать от своего наставника, а также предлагала самой приехать на Континент и встретиться с ним.^[352] Эти заговоры она строила с помощью своего брата, на которого она очень походила по нраву.^[353] Неизвестно, какой хаос

она бы устроила в тщательно спланированном образовании Мальчиков, потому что Фрэнсис по прошествии двух лет стал опасно беспокойным, если бы их турне не было решительно прервано первыми раскатами гражданской войны дома.

Проведя зиму в Италии, они собирались отправиться в Париж, чтобы усовершенствовать себя в танцах и научиться ездить верхом на великолепном коне, когда получили известие, что граф Корк погиб в результате восстания в Ирландии. Он сказал им, что не может послать им денег больше, чем те двести пятьдесят фунтов, которые он только что отправил. Экономя и увольняя своих слуг, они могли бы добраться до Голландии и поступить на службу к принцу Оранскому. Теперь они должны сами зарабатывать свое состояние.^[354]

Двести пятьдесят фунтов так и не поступили. Агент присвоил их, и Бойлы остались без гроша в чужой стране. Однако Маркомб не бросил их. Робер, который был слишком слаб для службы в армии, оставался с ним в Женеве в течение двух лет. Фрэнсис, наконец-то оказавшийся на свободе, сел на коня, отправился в Ирландию и участвовал в боевых действиях бок о бок со своими братьями Дунгарваном, Киналмики и Брогхиллом, которые сплотились вокруг своего отца.^[355]

Помимо Ласселя, есть еще несколько книг семнадцатого века по теории путешествий, чтение которых стоило бы того, чтобы их прочитать. Но мы подошли к периоду, когда эссе такого рода содержат так много повторений друг друга, что подробный комментарий был бы утомительным. *Три диатрибы Эдварда Ли*^[356] появились в 1671 году, через год после книги Ласселя, а в 1678 году Гайяр, другой профессиональный губернатор, в своих "Указаниях по воспитанию молодежи в отношении их воспитания дома и путешествий за границу"^[357] подражал вниманию Ласселя к особым потребностям сельского джентльмена. "Честный сельский джентльмен" - это синоним человека, способного быть обманутым, человека, у которого нет ни остроумия, ни опыта. Ему, прежде всего, нужно уехать за границу, чтобы изучить характер мужчин и усвоить их различные манеры поведения. "Что касается деревенского воспитания, которое противопоставляется Дворам, Городам или Путешествиям: когда оно просто таково, оно является шутовским. До того, как джентльмен приезжает в поселение, его лакомствами являются соколиная охота; затем он берет табак и идет в Пивную и таверну, где устраиваются состязания для Скачек, Петушиных боев и тому подобного ". В противовес этой жизни Гайлард придерживается образца сэра Томаса Гросвенора, который "стремился к тому, чтобы стать лучше благодаря диковинному происхождению", внимательно изучая французский и итальянский языки, фехтование, танцы, верховую езду на Великолепной лошади, рисование пейзажей и обучение игре на гитаре. "Своими деньгами он не разбрасывался понапрасну, а тратил их на хорошие Книги, Медали и другие полезные Редкости, достойные Любопытства Настоящего джентльмена".^[358]

Сравнивая эти инструкции с инструкциями шестнадцатого века, поражаешься тому, какой акцент в них делался на рисовании и "очерчивании контуров". Это то, чего мы ожидали бы в семнадцатом веке, когда интерес к картинам, статуям и архитектуре был отличительной чертой джентльмена. Маркиза де Сеньеле, отправленного в турне в 1617 году его отцом Кольбером, сопровождали художник и архитектор, которым было поручено познакомить его с красотами итальянского искусства.^[359] Антуан Делахот, совершавший Грандиозное турне с аббатом вместо губернатора, взял с собой также художника, так что, когда он наткнулся на прекрасное место, он приказал остановить карету и нарисовать вид послушному рисовальщику.^[360] Джентльмены не только учились ценить картины, но и сами стремились рисовать. В "Путешествиях Джорджа

Сэндиса"^[361] (издание 1615 г.) можно увидеть гравюру на дереве, изображающую путешественников в костюме Генриха Наваррского, делающих наброски на берегу озера Аверн. Достать свой блокнот и сделать набросок очаровательного проспекта было обычным делом до того, как был изобретен фотоаппарат. "Перед тем как лечь спать, я нарисовал пейзаж этой приятной террасы", - говорит Эвелин в "Роане".^[362] В Турноне, где он увидел очень прочный замок под высоким обрывом, "Перспектива была настолько заманчивой, что я не мог удержаться от того, чтобы нарисовать его своим карандашом".^[363] Следовательно, мы находим инструкции для путешественников, отражающие вкусы того времени: "*Субсидиумный пeregринантибус*" Жербье, например, настаивающий на знании "Перспективы, скульптуры, архитектуры и картин," как одно из необходимых условий вежливого воспитания, большое внимание уделяется выявлению и осмотру произведений искусства как одной из главных обязанностей путешественника.^[364]

Какими бы значительными ни были инструкции Жербье, Ласселя и других авторов того периода, есть некоторые рекомендации по обучению за границей, которые более интересны, чем эти продукты профессиональных наставников - инструкции, написанные человеком, который сам был безупречным джентльменом своего времени. Письма графа Честерфилда своему сыну определяют цель обучения за границей со свободой, которой не хватает в книге губернатора, пишущего для всеобщего обозрения. Хотя содержание писем знакомо всем, я думаю, что их связь с путешествиями "*cultum animi*" до сих пор упускалась из виду.

Следует помнить, что граф отправил своего сына за границу в возрасте четырнадцати лет, чтобы тот в течение пяти лет учился на Континенте и получил лучшую подготовку к жизни, чем могли предложить Оксфорд или Кембридж. Об этих университетах Честерфилд был невысокого мнения. Он не мог в достаточной степени пренебречь образованием, которое не мешало человеку волноваться при его представлении королю. Он вспомнил, что сам, когда его впервые ввели в хорошую компанию, несмотря на всю неуклюжесть и ржавчину Кембриджа, окружавшего его, был напуган до смерти. В Кембридже он "приобрел среди педантов нелиберальной семинарии склонность к сатире и презрению, а также сильную склонность к аргументации и противоречиям", что было препятствием для его продвижения в светском обществе. Только получив континентальное образование, он увидел безумие англичан, которые ничего не знали о современной Европе, которые всегда говорили о Древних как о чем-то большем, чем люди, а о современных - как о чем-то меньшем. "Они никогда не расстаются с одной-двумя классиками в карманах; они придерживаются старого здравого смысла; они не читают ничего из современного хлама; и ясно покажут вам, что ни в одном искусстве или науке за последние семнадцать сотен лет не было сделано никаких улучшений".^[365]

Поэтому его сыну не следовало терять времени в обществе педантов, а в сопровождении путешествующего гувернера он должен был начать изучать жизнь при Дворе из первых рук. Его изучение книг должно было идти бок о бок с изучением хороших манер:

"Суды и лагеря - единственные места, где можно изучать мир. Только там проявляются всевозможные персонажи, и человеческая природа проявляется во всех различных формах и проявлениях ... принимая во внимание, что во всех других местах обычно преобладает один местный режим".^[366]

Более того, граф не думал, что компанию, полностью состоящую из образованных людей, можно назвать хорошей компанией. "У них не может быть непринужденных манер и обаяния

этого мира, поскольку они в нем не живут". А привлекательное обращение, "вкрадчивое поведение" следовало искать в раннем возрасте и, в то же время, с основательными знаниями. "Ученый без хорошего воспитания - Педант; философ - Циник; Солдат - Скотина; и всякий человек неприятен".^[367]

Пять лет путешествия молодого Стэнхоупа были тщательно распределены следующим образом: год в Лозанне,^[368] для изучения зачатков языков; год в Лейпциге, для углубленного изучения истории и юриспруденции; год, проведенный в посещениях таких городов, как Берлин, Дрезден и Вена, для ознакомления с различными дворами; год в Италии, чтобы избавиться от немецких манер; и один в Париже, чтобы придать ему окончательный лоск, высший штрих джентльменской покладистости, вежливости и непринужденности.

Мы можем пройти мимо лет, проведенных в Германии, как это сделал граф, без особых комментариев. Молодой Стэнхоуп был вполне удовлетворителен в более основательных областях обучения, и только когда он прибыл в Италию, чтобы начать там свое придворное обучение, интерес Честерфилда пробудился в полной мере.

"От лейпцигских манер нужно избавиться", - настойчиво говорит он. "Никаких яичниц за едой, как в обычном немецком ресторане: никаких неловких переворачиваний стаканов, тарелок и солонок".^[369]

Он должен следить за приличным весельем придворных - их сдержанной откровенностью, их естественным, беспечным, но благородным видом; короче говоря, приобретать Благосклонность. Честерфилд разослал рекомендательные письма в лучшую компанию Венеции, переслал сыну свои собственные бриллиантовые пряжки для обуви и начал давать советы о возможных социальных проблемах, с которыми сталкивается молодой англичанин в Риме. С презрительной терпимостью относясь к папистам, протестантам и всем религиозным распрям как к препятствиям на пути к искусству угождать, он приказал Стэнхоупу быть вежливым с папой и преклонять колени, пока по улицам проносят Воинство. Однако его наставнику лучше бы этого не делать. Обладая замечательной художественной проницательностью, граф понимает, что подходящее отношение для мистера Харта - простая, нелюбезная честность.^[370]

Что касается Претендента, проживающего в то время в Риме, то его совет таков: вообще никогда не встречайся со Стюартами, если это возможно; но если это необходимо, притворись, что не знаешь о нем и его обидах. Если он начнет говорить о политике, отрекись от любых сведений о событиях в Англии и беги как можно скорее.^[371]

Задолго до того, как закончился год пребывания его сына в Италии, Честерфилд начал готовить его к поездке в Париж. Первые шесть месяцев Стэнхоуп должен был жить в академии с молодыми французскими модниками, а затем обзавестись собственным жильем. Утро должно было посвящаться учебе или серьезной беседе с учеными или известными людьми; вторая половина дня - физическим упражнениям; вечера должны были быть свободны для балов, оперы или спектаклей. Это удовольствия джентльмена, за которые его отец готов щедро платить. Но он не станет, как он часто подчеркивает, соглашаться на расточительность повесы. У восемнадцатилетнего Стэнхоупа будет карета, два камердинера и лакей, самая лучшая французская одежда - словом, все, что только возможно. Но ему не должны быть позволены деньги на дюжину набалдашников для трости, или причудливые табакерки, или чрезмерная

игра в карты, или поддержка оперных певцов. Одна красивая табакерка, одна красивая шпага и игра только тогда, когда присутствие дам снижает высокие ставки; но никаких ужинов в тавернах - никакой низкопробной компании, которая стоит намного дороже, чем разгул среди равных. Молодому человеку любого положения нет необходимости заниматься любовью со своей прачкой,^[372] пока дамы его круга опускаются до безрассудства.

Прежде всего, Стэнхоуп не должен общаться со своими соотечественниками в Париже. Честерфилд никогда не устает изливать на них яды презрения. Он начал, когда Стэнхоуп был в Лейпциге, указывать на недостатки английских мальчиков:

"Обычно им исполняется двадцать лет, прежде чем они начинают разговаривать с кем-либо выше своего школьного учителя и товарищей по колледжу. Если им и посчастливилось чему-то научиться, то только греческому и латыни; но ни единого слова из современной истории или современных языков. Подготовленные таким образом, они отправляются за границу, как они это называют; но на самом деле все это время они остаются дома; будучи очень неуклюжими, ужасно пристыженными и не говоря на языках, они не ходят в иностранную компанию, по крайней мере, в плохую, но обедают и ужинают только друг с другом в таверне.^[373]...

"Жизнь английских милордов регулярно, или, если хотите, нерегулярно, такова. Как только они встают, а это бывает очень поздно, они вместе завтракают, полностью потеряв два хороших утренних часа. Затем они едут в полной карете во Дворец инвалидов и Собор Парижской Богоматери; оттуда в английскую кофейню, где собираются в таверне поужинать. После ужина, где они быстро выпивают, они группами переходят к спектаклю, где толпятся на сцене, одеваются в очень красивые одежды, очень плохо сшитые шотландским или ирландским портным. Из спектакля снова в таверну, где они сильно напиваются и где либо ссорятся между собой, либо совершают вылазку, устраивают какой-нибудь дебош на улицах, и их задерживает стража".^[374]

Избегать этих чудовищ и жить в лучшем французском обществе - вот что должен делать мудрый молодой человек в Париже. Он должен установить близкие отношения с лучшими французскими семьями. Если бы он стал модным среди французов, он был бы моден и в Лондоне.

Честерфилд счел за лучшее не демонстрировать свою эрудицию в Париже перед тамошним довольно неграмотным обществом. Поскольку все молодые люди готовились к службе в армии в возрасте двенадцати-тринадцати лет, только женщины немного разбирались в грамоте. Стэнхоуп обнаружил бы в академии множество молодых людей, не разбирающихся в книгах, а в этом возрасте поспешных и раздражительных, так что предотвращение ссор должно быть главной заботой молодого англичанина. Он будет таким же жизнерадостным, как эти французские мальчики, но немного мудрее; он не будет упрекать их в невежестве и не позволит их праздности нарушать часы, которые он выделил для учебы.

Таков был план Грандиозного турне, предложенный одним из первых джентльменов Европы. Оно остается одним из лучших выражений социального влияния Франции на Англию и по этой причине по праву относится скорее к семнадцатому веку, чем к георгианской эпохе, в которую были написаны письма. Честерфилда можно было бы назвать последним из придворных. Он верил в достижения и личную элегантность как средство продвижения в мире еще долгое время после того, как Двор перестал обращать внимание на такие качества или

играть большую роль в судьбах ведущих англичан. В воздухе витал республиканский дух. Честерфилд думал о Франции своей юности; но Франция изменилась. В 1765 году Гораций Уолпол был подавлен торжественностью и аскетизмом французского общества. Их стиль беседы был серьезным, педантичным и редко оживлялся, за исключением спора на какую-нибудь философскую тему.^[375] На самом деле Честерфилд восхищался Францией Людовика Четырнадцатого еще долго после того, как "Солей" закончился, и страна была мрачной. Это был канун того дня, когда Франция должна была подражать демократическим идеалам Англии. Англия, наконец, вместо того, чтобы находиться на задворках цивилизации, превращалась в самую могущественную, уважаемую и просвещенную страну в Европе. Когда этот день настал, англичане больше не стремились на Континент в духе елизаветинцев - в духе, который стремился быть "гражданином всего мира".

ГЛАВА VII

УПАДОК ГРАНД-ТУРА.

На протяжении нескольких поколений, когда Стюарты передавали свою любовь к Франции английской аристократии, существовало, как мы могли бы предположить, устойчивое скрытое течение протеста против этого галльского влияния. Возвращающегося путешественника преследовал лондонский сброд, который, завидев его французский парик и иностранные жесты, забрасывал его карету грязью из сточных канав, щепками, кореньями и бараньими рогами и бежал за ней с криками "Французские собаки! Французские собаки! Охотник! Болтун!"^[376] Между придворными и истинным англичанином не было большой симпатии в вопросах иностранной культуры. Придворные слишком часто переносили на глубоко укоренившиеся английские обычаи непочтительное отношение своего повелителя Карла II. - Известно, что именно ростбиф и чтение священного Писания вызывали заметную печаль англичан.^[377] Истинный англичанин много раз насмеялся над "веселым, легкомысленным, бойким, безвкусным дураком", который не думал ни о чем, кроме одежды и украшений, презирал ростбиф и называл своих старых друзей хулиганами и деревенщинами; или над повесой, который "имеет не прошло и трех месяцев с тех пор, как он приехал из Франции, а здесь он развратил четырех женщин и дрался на пяти дуэлях". Драматургам всегда удавалось привлечь аудиторию искусным портретом "английского шута", такого как сэр Фоплинг Флаттер, который "поехал в Париж простым застенчивым английским болваном, а вернулся прекрасным французским щеголем".^[378]

Протест против иностранного влияния существовал всегда, но в восемнадцатом веке нельзя не заметить более сильного и презрительного отношения, чем когда-либо прежде. Англия ощущала свою силу. Война с Францией обостряла остроту сатиры, и каждая победа над французами усиливала сильный островной патриотизм во всех классах. Фут объявил проживание в Париже необходимой частью образования каждого светского человека, потому что это "дает им удовольствие от их собственного семейного счастья и должное почитание их

собственных национальных свобод".^[379] Его эпилог к "*Англичанину в Париже*" восхваляет благоразумие британских предков, которые

"Их презирали за низменные, недостойные мужчин искусства,
их врожденную простоту и честные сердца".^[380]

Не только население или те, кто обращался непосредственно к населению, насмехались над папистскими странами и жалели их за то, что они не британцы.^[381] С течением времени виги всех классов хвастались превосходством Англии, особенно когда они путешествовали по Европе.

"Мы не завидуем более теплomu климату , который лежит
В десяти градусах более снисходительного неба ...
Это Свобода венчает остров Британии
И заставляет улыбаться ее бесплодные скалы и унылые горы".^[382]

Путешествия Аддисона полны размышлений подобного рода. Нищета римской Кампании триумфально демонстрирует, какое отвращение испытывает человечество к произволу правительства, в то время как густонаселенная гора Сан-Марино показывает, какую естественную любовь они питают к свободе. Виги за границей были хорошо карикатурно изображены Смоллеттом в "*Пereгрине Пикле*" в образах Художника и Доктора. Они заметили, что даже лошади и собаки во Франции умирают от голода; в ответ на это губернатор Перегрин, оксонианец и якобит, усмехнулся, что они говорят как истинные англичане. Доктор, оскорбленный этим намеком, с некоторой теплотой сказал ему, что он ошибся в своем предположении, "его привязанности и идеи не ограничивались какой-либо конкретной страной, поскольку он считал себя гражданином мира. Он признавал, что больше привязан к Англии, чем к какому-либо другому королевству, но это предпочтение было результатом размышлений, а не предубеждения".

Эта растущая убежденность в превосходстве Англии способствовала упадку интереса к образовательным путешествиям. Путешествия продолжались, и восемнадцатый век был таким же заметным, как и любой другой, из-за "дурных привычек", которые нападали на молодых людей, но путешествия стали привычной нам экскурсией из любопытства и развлечения, а не серьезным стремлением стать "полноценной личностью". Этому упадку способствовали многие перемены. "Политика" Италии и Франции, которая когда-то привлекала зародышевых государственных деятелей Елизаветы, теперь была хорошо известна и не нуждалась в дальнейшем изучении. С кончиной Стюартов, когда благосклонность короля перестала быть средством сколачивания состояния, придворное образование больше не приносило прибыли. Высокие посты при Жоржах чаще всего занимали неотесанные англичане, которых превозносили за присущую им прямооту и грубоватость. Иностранцы были излишним украшением, более или менее нелепым. Большинство англичан имели обыкновение ценить, как это делал Сэм Джонсон, "их деревенское величие и угрюмую грацию" и присоединяться к его сетованиям:

"Потерявшись в бездумной легкости и пустом шоу,
Вот, воин превратился в красавца;

Здравый смысл, свобода, благочестие исчезли,
Франция превратилась в имитацию, а Испания - в добычу".^[383]

Большая часть общества была враждебно настроена к тому виду образования, которое граф Честерфилд предписал своему сыну. Граф действительно прекрасно понимал это и с отвращением относился к молодым людям своего времени в кожаных бриджах и с непудреными волосами, которые восклицали: "Черт бы побрал эти утонченные заморские манеры, придайте мне мужественную решительность. Они устраивают разгром со своими грациями, разговаривают, как кучка мастеров танцев, и одеваются, как кучка щеголей; один хороший англичанин побьет троих из них".^[384]

Даже в разгар Большого тура во второй половине XVII века вдумчивые умы, наблюдавшие за последствиями иностранного образования, которые наблюдались не только у придворных Карла II, но и у десятков безвестных сельских джентльменов, которые мучительно стремились приобрести привычки парижского маркиза, получив образование за границей, заметили слабые места такой системы. Граф Кларендон считал пагубным посылать мальчиков за границу до тех пор, пока они не закончат Оксфорд или Кембридж. Не было никакой необходимости в том, чтобы в раннем возрасте у них появился французский акцент, "как будто мы не возражали, чтобы нас заподозрили в том, что мы англичане". Это увезло их из их собственной страны как раз в том возрасте, когда они должны обладать суровой умственной дисциплиной, из-за отсутствия которой никакое социальное воспитание не сделало бы их компетентными мужчинами. "Они возвращаются из путешествий с удивительной уверенностью, которую вполне можно назвать наглостью... вся их ученость заключается в том, чтобы хорошо носить свою одежду; у них очень много внешнего, очень мало внутреннего; и они гораздо больше заботятся о том, чтобы их парики красиво сидели на голове, чем о том, чтобы говорить сдержанно; они смеются над тем, чего не понимают, а понимание того, что так мало, делает их смех очень неумеренным. Пробыв дома два или три года, которые они проводят в суете, которую привезли с собой, приезжают новые путешественники с новыми модами и той же уверенностью в себе, на них смотрят как на более изысканных джентльменов, и они носят свои ленты более изящно; на что другие сердятся, уходят со сцены и хотели бы попасть в более мудрое общество, где они каждый день находят в себе недостатки, которыми они обязаны плохому проведению того времени, когда они думали только о том, чтобы быть утонченными джентльменами".^[385]

Когда эти продукты французского образования не смогли остаться в городе, а были вынуждены жить в своих поместьях среди грубых сельских сквайров, им пришлось нелегко. "Они ни в коем случае не пойдут по нашему пути", - говорит Сельский джентльмен *в диалоге Кларендона о недостатке уважения из-за возраста*, - "но примут нас с отвращением и угостят задорными речами, а также пожалуются, что идет сильный дождь, что они не могут сохранить сухими свои волосы или свою льняную прическу в течение часа. Они говорят, насколько Франция лучше и насколько там лучше едят и пьют, чему наши соседи не поверят и будут смеяться над ними за эти слова. Они ни в коем случае не выносят наших упражнений в охоте и соколиной охоте, да и их нежные тела не выдерживают этих резких движений. У них есть гитара или какая-нибудь другая скрипка, на которой они обычно играют час или около того в своих постелях, прежде чем встать, и есть по крайней мере один француз, который прислуживает им, бреет их и расчесывает парики; и его посылают на кухню заправить какое-нибудь маленькое блюдо или приготовить соус к обеду, который повар с трудом удерживается от того, чтобы не бросить в

огонь. Одним словом, они живут сами по себе, и их ближайшие соседи не знают, едят они и пьют или нет".^[386]

По мнению английских господ, не только развлечения их соседей по деревне были жестокими и нерафинированными, но и забота о местном управлении, которая была главной обязанностью сельского джентльмена, была за пределами возможностей тех, кто, живя за границей, мало что узнал о законах и обычаях своей собственной страны. Кларендон рисует печальную картину возвращения туземца, которому было стыдно присутствовать на публичных и частных собраниях по отправлению правосудия, потому что он провел в танцах то время, когда мог бы накапливать знания, и который теперь проводил свои дни в постели, читая французские романы, от которых он устал.

Локк также изложил ошибочность Большого тура в своем *Эссе об образовании*. Он признал, что фехтование и верховая езда на Великолепном коне рассматривались как "настолько необходимые составляющие воспитания, что пренебрегать ими считалось бы большим упущением", но он усомнился в том, что верховая езда на Великолепном коне "достаточно важна, чтобы ею заниматься".^[387] Фехтование, указал он, имеет очень мало общего с гражданской жизнью и бесполезно на реальной войне, в то время как музыка "отнимает у молодого человека так много времени, что он может приобрести лишь умеренные навыки в ней, и часто участвует в такой странной компании, что многие считают, что ее гораздо лучше пощадить".^[388] Но особенностью путешествий, которую Локк наиболее безжалостно проанализировал, был Губернатор. Он показал бесполезность отправки мальчика за границу набираться опыта и общаться с хорошим обществом, пока он был так молод, что нуждался в опекуне. Ибо в возрасте, когда большинство мальчиков были за границей, то есть с шестнадцати до двадцати двух лет, они считали себя слишком взрослыми, чтобы ими управляли другие, и все же у них было недостаточно опыта и благоразумия, чтобы управлять самостоятельно. Находясь под покровительством губернатора, они были освобождены от ответственности за свое поведение и очень редко утруждали себя расспросами или собственными полезными наблюдениями.

ЕЗДА НА ВЕЛИКОЛЕПНОМ КОНЕ, КАК УЧИЛ АНТУАН ПЛЮВИНЕЛЬ, МАСТЕР ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ ЛЮДОВИКА XIII Из *"Королевской манежи"* Антуана Плювинеля, 1624 г.

В то время как губернатор, с одной стороны, отнимал у своего ученика жизненные обязанности, с другой стороны, он препятствовал его любым попыткам попасть в хорошую компанию:

"Я спрашиваю, есть ли среди наших молодых людей, которые едут за границу под руководством наставников, один из сотни, кто когда-либо посещал какого-либо достойного человека? и уж тем более заводит знакомство с тем, из чьего разговора он может узнать, что такое хорошее воспитание в этой стране и на что в ней стоит обратить внимание.... Да это и не вызывает удивления. Ибо достойным людям нелегко будет допустить фамильярность с мальчиками, которые все еще нуждаются в заботе наставника: хотя молодой джентльмен и незнакомец, выглядящий как мужчина и выражающий желание ознакомиться с обычаями, законами и правительством страны, в которой он находится, везде найдет радушный прием, помощь и развлечение".^[389]

Эти и многие комментарии того же рода от других наблюдателей способствовали распаду Большого тура и дискредитировали его как способ воспитания. Локк был не единственным человеком, разоблачавшим неэффективность губернаторов. Они стали излюбленным предметом сатиры в восемнадцатом веке. Хотя даже самый лучший "метрдельник" или "хозяин медведей", как называли его французы, лишал путешествия должного эффекта, самые лучшие из них редко были доступны для множества мальчишек-путешественников. Обычно выбирали семейного капеллана из-за его дешевизны, и ожидалось, что этот несчастный будет сдерживать неистовую дьявольщину Перегрин Пикла, вверенного его попечению.^[390] Брошюра под названием *"Вожаки медведей, или Современные путешествия, представленные в надлежащем свете"* содержит язвительное осуждение "наших грубых антиобщественных телемахов и их неотесанных наставников", описывая, как кого-то из орденов, возможно, члена семьи, выбирают управляющим грубым неподготовленным смертным, отправляющимся в турне по Европе. "Странности, когда их знакомят друг с другом, начинаются со взаимного удивления, но через некоторое время из-за частоты встреч перерастают в Грубую Привязанность друг к другу, выражаемую Лошадиным ржанием или обозначаемую попеременными хлопками по

спине, со всеми подобными другими мягкими намеками наших нецивилизованных мужчин-Хойденов".^[391]

Поэтому неудивительно, что юноша, проехавший в почтовой карете по главным городам Европы в компании кроткого капеллана,^[392] вернулся из своего путешествия примерно таким же утонченным, по словам Конгрива, "как голландский шкипер с китобойного промысла".^[393] Вся идея Большого тура была подмочена репутацией после того, как ее приняли грубые и невоспитанные люди, которые сочли необходимым сообщать всем своим знакомым, где они были, с помощью очень неподходящего платья и очень неуклюжего обращения: "не зная, что лицо англичанина, похожее на говядину с пудингом, не сочетается со шляпой размером не больше подноса; и что человек, который никогда не учился делать поклон, делает это хуже с прической, одетой в стиле L'aille Pidgeon, чем в потертом парике".^[394]

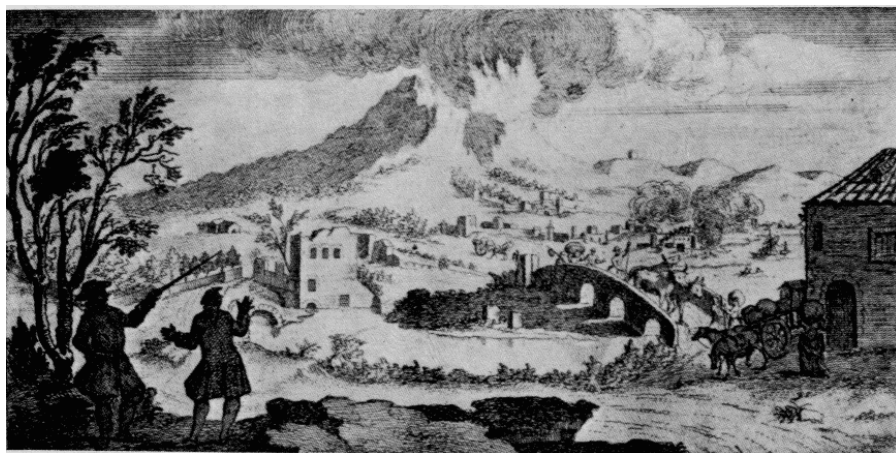
В восемнадцатом веке путешествия потеряли свое достоинство и во многих других отношениях. Больше не было необходимости жить в чужих странах, чтобы понять их. С основанием королем Георгом Первым в 1724 году кафедр современной истории в Оксфорде и Кембридже была утрачена одна из главных причин для путешествий. Информацию о современной политике на Континенте можно было получить через растущее число новостных журналов и газет. Что касается изучения французского языка, то недостатка в компетентных учителях не было с тех пор, как отмена Нантского эдикта в 1685 году привела к тому, что французские протестантские беженцы толпами хлынули через ла-Манш в поисках какой-нибудь жизни в Англии. Поэтому дух стяжательства ослабел из-за отсутствия какой-либо острой потребности учиться за границей, и праздный, легкомысленный, стремительный, капризный дух управлял аристократичным туристом. Гораций Уолпол в своих путешествиях проводил время так, что елизаветинцы осудили бы его. Он повсюду бегал, играл в карты, танцевал на улицах Реймса перед дамскими каретами и с восторгом приветствовал каждого знакомого из Англии. Что бы подумал сэр Филип Сидни об образе жизни, который Уолпол рисует в этом письме:

- Примерно два дня назад, около четырех часов пополудни ... когда мы ковырялись в зубах за заваленным мусором столом в захлавленной комнате, Грей^[395] раздетый, мистер Конвей в утренне-сером пиджаке и я в аккуратной белой ночной рубашке и тапочках, совершенно не в порядке, с очень небольшой простудой, нас внезапно смутило сообщение, в котором мистер Мор оказывал услугу мистеру Уолполу и сообщал, что, если ему угодно, он может навестить мистера Уолпола. Мы поднимаемся вверх в большом замешательстве, но без каких-либо других повреждений, если не считать того, что сбросили два или три стакана и по пути уронили тапочку. Приказав убрать комнату и отправив очень вежливый ответ мистеру Морю, мы начали размышлять, кем мог бы быть мистер Мор".^[396]

В туре Уолпола и Грея можно увидеть изменение интереса к путешествиям; как романтический дух уже вытеснил гуманистическую любовь к людям и городам. Путешествуя по Европе, Грей мало интересовался историей или сложностями человеческого характера. Его не беспокоило посещение кортов с Уолполом, а если и беспокоило, то он стоял в углу бального зала и смотрел, как Уолпол танцует. То, что его интересовало, было La Grande Chartreuse с его утесами, соснами, бурными потоками и нависающими лесами.^[397] Он является предшественником байронического путешественника, который восхищался потрясающими аспектами природы и презирал человечество. Иным действительно было добродушное сердце Хауэлла, который изо всех сил старался снять в Париже квартиру с окнами, выходящими на улицу, чтобы он мог разглядывать

каждого прохожего,^[398] но который небрежно отзывался о горах в Испании как о "не таких высоких и отвратительных, как Альпы", или как о "неотесанных, огромных, чудовищных наростах Природы, не несущих ничего, кроме скалистых камней".^[399]

Из-за спада энтузиазма по поводу серьезных преимуществ путешествий не было большого спроса на те эссе об обязанностях студента за границей, которые мы пытались описать. К восемнадцатому веку справочники для путешественников были во многом такими же, как те, с которыми мы знакомы сегодня; это был путеводитель, описывающий конкретные объекты, подлежащие осмотру, и ощущения, которые они должны вызывать, вместе с чрезвычайно подробными примечаниями относительно цен на питание и транспорт. Такого рода руководство стало необходимым, когда путешествия превратились в развлечение людей со средним образованием, которые не могли читать местные путеводители, написанные на языке страны, которую они посещали. Таких сборников, как *Итальянский "Итинерариум"* Шоттуса, изданный в Антверпене в 1600 году и выдержавший одиннадцать изданий в течение семнадцатого века, было достаточно для опытного путешественника эпохи Возрождения.^[400] Франция, как центр путешествий, выпустила наибольшее количество удобных руководств,^[401] и именно из них, несомненно, Ричарду Ласселсу пришла в голову идея написать аналогичное произведение на английском языке, которое содержало бы призыв путешествовать в манере Терлера с континентальным путеводителем по предметам искусства. *"Путешествие по Италии"* Ласселя, опубликованное в Париже в 1670 году, положило начало путеводителям на английском языке.

ИЗВЕРЖЕНИЕ ВЕЗУВИЯ Губернатор показывает своему ученику достопримечательности

Тем не менее, в последующих *vade-mecums* время от времени слышатся отголоски старых предписаний проводить время с пользой. В книге Миссона *"Новое путешествие в Италию"*,^[402] перечислены некоторые интеллектуальные обязанности. Согласно Миссону, путешественник должен иметь при себе трость, разделенную на несколько мер, или кусок вьючной нити, хорошо скрученной и навощенной, длиной пятьдесят сажень и разделенной узлами на футы, чтобы иметь возможность измерить высоту башен и величину колонн и размеры всего, насколько это в его силах. Это кажется достаточно трудоемким, но облегчает жизнь по сравнению с той, которую предписал граф Леопольд Берхтольд в своем *Эссе, направленном на то, чтобы направить и расширить запросы патриотически настроенных путешественников*. Он хотел, чтобы каждый наблюдал за законами и обычаями иностранцев с любопытством, которое распространялось бы на все сферы социальной и экономической

жизни, начиная с "Причин сокращения численности населения и средств их предотвращения"; переходя к таким вопросам, как положение крестьянства; к вопросам, касающимся удобрения, вспашки и содержания черного скота; или к "Расследованию, касающемуся благотворительных учреждений, таких как одно для возвращения утонувших и задушенных лиц"; или к "Степени свободы, предоставляемой взрослым молодым леди". На случай, если путешественник не знает, как провести свое расследование, автор добавляет список конкретных вопросов по темам для изучения. Вот несколько случайных примеров из этого списка:

- Какие травы больше всего нравятся овцам в этой стране?

"Много ли случаев, когда людей кусали бешеные животные?"

"Усугубляется ли положение холостяка и становится ли оно менее желанным? Какими средствами?"

"Сколько платят в день за вспашку двумя волами? Двумя лошадьми?"

"Было доказано, что какая пища является наиболее переносимой и питательной для спасения экипажа терпящего бедствие корабля от голодной смерти?"

"Какова ценность китов разного размера?"

В дополнение к таким расспросам Берхтольд^[403] настаивает на необходимости делать наброски пейзажей и костюмов, а еще лучше - научного рисования двигателей и сложных машин, а также приобретения навыков игры на каком-нибудь музыкальном инструменте, чтобы отвлечься от игрового стола в часы досуга, предпочтительно научиться играть на портативном инструменте, таком как немецкая флейта. Дневники, само собой разумеется, должны писаться каждую ночь перед тем, как путешественник ляжет спать.

Не только тот факт, что путеводители восемнадцатого века адресованы людям с низким интеллектом, делает их смешными; другой причиной их неблагородного тона является повышенный акцент, который они делают на материальных удобствах путешественника. В грузинских предписаниях говорится не о служении своей стране или совершенствовании своего характера, а о страхе быть обманутым и заболеть. Инструкции Миссона сразу начинаются с восхваления фиксированных ставок в Голландии, где человек избавлен от утомительных споров. Точная стоимость проезда из Кельна в Майнц - его следующая тема, и как можно нанять карету и шестерку лошадей за три кроны в день; как лучшие гостиницы в Венеции - "Лувр", "Белый лев" и "Французский герб"; как можно остановиться в Лувре за восемь ливров в день и платить семь или восемь ливров за однодневную гондолу и так далее; с подобными полезными, но не вдохновляющими материалами. Далее он обсуждает морскую болезнь и сообщает нам, что лучшее средство - всегда, днем и ночью, держать под носом кусочек земли; для этого вам следует насыпать достаточное количество земли и сохранять ее свежей в глиняном горшке; и когда вы будете использовать кусочек так долго, что он начнет подсыхать, снова положите его в горшок и достаньте немного свежей земли.^[404]

Рекомендации Берхтольда по комфорту еще более продуманны. Везде следует носить с собой:

- Бутылку уксуса "de quatre voleurs".

То же самое с лучшим французским бренди.

То же самое с сальмиаком, от приступов.

То же самое с каплями Хоффмана".

На постоянных дворах рекомендуется проветривать комнату, плеснув немного крепкого уксуса на раскаленную докрасна лопатку, и брать с собой постельное белье. В качестве защиты от грабителей желательно, чтобы ваш слуга спал с вами в одной комнате, всю ночь горела восковая свеча, а перед отходом ко сну заглядывал в сундуки и за кровать. Карманные дверные засовы в форме креста легко достать; если нет, поставьте столы и стул вплотную к двери.

В таком путешественнике есть что-то суетливое, хотя грабителей, несомненно, следовало опасаться даже в восемнадцатом веке,^[405] и хотя постоянные дворы, несомненно, были грязными. Отвращение к грязи и дискомфорту вполне оправданно, но есть что-то особенно раздражительное в тоне многих грузинских путешественников. *Письма Сэма Шарпа из Италии* дышат только печалью, разочарованием и негодованием. Итальянские кровати и паразиты, итальянские почтальоны и их жалкие клячи слишком часто становятся темой его рассуждений. Он даже уверяет нас, что молодые джентльмены, которых он всегда представлял в восторге от Большого тура, на самом деле очень тоскуют по Англии. Они устали от бесконечных поездок и нескончаемых бесед в Италии и тоскуют по охоте на лис в Великобритании.^[406] В отчете Филдинга о его путешествии в Лиссабон слишком много говорится о зубной боли его жены и его собственной водянке.^[407] Смоллетт, как и Филдинг, был больным человеком во время своих путешествий, и мы можем извинить его гнев по поводу не подметенных полов, старых прогнивших столов, расшатанных стульев и кроватей, настолько отвратительных, что он обычно кутался в пальто. и возлежать на четырех стульях с кожаным чемоданом вместо подушки; но мы не можем восхищаться человеком, который озлоблен тем фактом, что у него нет молока для чая, и постоянно высовывает голову из окна, чтобы обругать мальчишек-почтальонов, или достает свою почтовую книжку, чтобы диким криком зачитать во дворе гостиницы статью, согласно которой путешественнику, пришедшему первым, должно быть подано первым.^[408]

Это вырождение бесстрашного характера елизаветинцев, которые, хотя и были знакомы с грязными гостиницами и жуликоватыми хозяевами, сохраняли парящий дух над материальными трудностями путешествия. В отчетах XVIII века нам не хватает веселости рассказа Роджера Эшема о Германии и о прекрасной барке с великолепными стеклянными окнами, на которой он путешествовал вверх по Рейну, - веселости, которая не исчезает даже тогда, когда ему приходится ночевать на барже, положив усталую голову на седло вместо подушки.^[409] Нам не хватает духа доброго товарищества, с которым Джон Тейлор, Поэт-водник, делился с шестью незнакомцами в дилижансе из Гамбурга ростбиф-ребрышками, привезенными с собой из Великобритании.^[410] Какими бы увлекательными ни были иногда книги о путешествиях восемнадцатого века, ничто в них не согревает сердце так, как путешествия бедного Тома Кориата, этого влюбленного туриста, вождя племени Гад, которого ничто не поколебало в его решимости повидать мир. Часто он спал в фургонах и открытых яликах, и хотя в те дни он не мог позволить себе нанять проводников с носилками, которые водили людей через альпийские перевалы, все же он следовал за ними пешком, тяжело дыша.^[411]

Итак, несмотря на то, что путешествия нескончаемы и что "peregrinatio animi causa" шестнадцатого века не очень отличается от Жажды путешествий девятнадцатого, мы чувствуем, что подошли к концу особой фазы путешествий, которая началась в эпоху Возрождения. Кончина придворного, расширение сферы деятельности университета, расцвет журналистики и

господство Англии изменили отношение английского путешественника от жадного стяжательства к самодовольному развлечению. Этим изменением отношения завершился очерк "Во славу путешествий", написанный учеными и джентльменами для себе подобных; предназначенный для того, "кто, куда бы он ни направлялся в своем путешествии, путешествует с большей пользой для своего ума, для предмета своих исследований и ловкости своей жизни, - для того, кто движется больше разумом, чем телом".^[412] Мы надеемся, что сделали что-то, чтобы спасти эти очерки от забвения, в которое они впали, показать социальную среду, из которой они вышли, и воспроизвести их энтузиазм к самосовершенствованию и благородное презрение к легкой, праздной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

Я

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СОВЕТОВ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ, 1500-1700 гг.

1561. Gratarolus, Guilhelmus. *Authore Gratarolo Guilhelmo, philosopho et medico, De Regimine Iter Agentium, vel equitum, vel peditum, vel navi, vel curru rheda ... viatoribus et peregrinatoribus quibusque utilissimi libri duo, nunc primum editi*. Базилия, 1561 год.

1570-1. Сесил, Уильям, лорд Берли: *Письмо Эдварду Мэннерсу, графу Ратленду, среди государственных бумаг, Елизавета, 1547-80, том. lxxvii. № 6.*

1574. Turlerus, Hieronymus. *De Peregrinatione et agro neapolitano, libri II. scripti ab Hieronymo Turlero. Omnibus peregrinantibus utiles ac necessarii; ac in eorum gratiam nunc primum editi*. Argentorati, anno 1574.

1575 ---- "Путешественник Джерома Терлера", разделенный на две книги, первая из которых содержит примечательное рассуждение о манере и порядке путешествий за границу, или в незнакомые и заграничные страны, вторая содержит превосходное описание самого восхитительного Неаполитанского королевства в Италии; произведение, очень приятное для прочтения всеми людьми, и по праву полезное и необходимое всем, кто склонен к путешествиям. Лондон, 1575 год.

1577. Pyrckmair, Hilarius. *Commentariolus de arte apodemica seu vera peregrinandi ratione*. Аукционер Иларио Пиркмайр Ландишутано. Ингольштадт, 1577 год.

1577. Звингерус, Теодор. *Methodus apodemica in eorum gratiam qui cum fructu in quocunq; tandem vitae genere peregrinari cupiunt, a Theod. Звингеро. Basiliense typis delineata, et cum aliis tum quatuor praesertim Athenarum vivis exemplis illustrata*. Базилия, 1577 год.

1578. Борн, Уильям. Книга под названием "Сокровище для путешественников", разделенная на пять частей, содержит очень необходимые материалы для всех видов путешественников, как по морю, так и по суше. Лондон, 1578 год.

1578. ---- Морской полк, содержащий материалы, необходимые для всех категорий людей и рабочих: полностью исправлено и дополнено Томасом Худом. Лондон, 1578 год.

1578. Lipsius, Justus. *De ratione cum fructu peregrinandi, et præsertim in Italia*. (In Epistola ad Ph. Ланойум.) Праведные Липсии Избранная эпистола: фол. 106. Parisiis, 1610.

1580. Сидни. Сэр Филип Сидни своему брату Роберту Сидни, когда тот путешествовал; советовал ему, какой маршрут выбрать, как себя вести, каких авторов читать и т.д. Вгосударственных письмах и памятных записках, собранных Артуром Коллинзом. Лондон, 1746.

1587. Pighius (Stephanus Vinandus). *Hercules Prodicus, seu principis juventutis vita et peregrinatio*. Ex officina C. Plantini. Антверпия, 1587 год.

1587. Meierus, Albertus. *Methodus describendi regimes, urbes et arces, et quid singulis locis proecipue in peregrinationibus homines nobiles ac docti animadvertere, observare et annotare debeant*. Per M. Albertum Meierum. Helmstadii, 1587.

1589. ---- Краткий курс и специальные инструкции для джентльменов, торговцев, студентов, душепопечителей, женихов... нанимался на службу за границей или каким-либо образом общался в королевствах и правительствах принцев Форрен. Лондон, 1589. (Перевод Филипа Джонса.)

1592. Стрэдлинг, сэр Джон. Руководство для путешественников, взятое из Юстуса Липсиуса и расширенное по просьбе достопочтенного лорда, молодого графа Бедфорда, который теперь готов отправиться в путешествие. Лондон, 1592 год.

1595. Деверо, Роберт, граф Эссекс (или Бэкон?). Харл. MS. 6265, стр. 428. Полезные инструкции для Роджера Мэннерса, графа Ратленда.

1595 (?). Дэвисон, Уильям (секретарь королевы Елизаветы). Харл. CP. 6893. Инструкции для путешествия.

1598. Loysius, Georgius. G. *Loysii Curiovoitlandi Pervigilium Mercurii, quo agitur de præstantissimis peregrinantis virtutibus, ... Curia Variscorum*, 1598.

1598. Даллингтон, сэр Роберт. Метод путешествия, основанный на взгляде на Францию, какой она была в год от Рождества Христова, 1598. Северная Каролина, Лондон, напечатано Томасом Кридом.

около 1600 года. Правдивое описание и направление того, что наиболее достойно увидеть во всей Италии. Аноним., N.D. *Harleian Miscellany*, том v. № 128.

1604. Pitsius, Joannes, *Ioannis Pitsii Anglii Sacrae Theologiae Doctoris de Peregrinatione libri septem*. Dusseldorpii, 1604.

1605 (?). Neugebauer, Salomon. *Tractatus de peregrinatione ... historcis, ethicis, politicisque exemplis illustratus ... cum indice rerum et exemplorum*. Басилей.

1606. Палмер, Томас. *Эссе о том, как сделать наши труды в зарубежных странах более прибыльными и почетными*. Лондон, 1606 год.

1608. Ранзовинус, граф Хенрикус. *Methodus apodemica seu peregrinandi perlustrandique regiones, urbes et arces ratio ...* (С посвящением Тоб. Kirchmair.) Аргентина, 1608 год.

1609. Гревилл, Фалк, лорд Брук. *Путевое письмо своему кузену Гревиллу Варни*. (В Сертейне Изучены и изящны работы достопочтенного Фулка, лорда Брука. Лондон, 1633.)

1611. Kirchnerus, Hermannus. *Речь, произнесенная Германнусом Кирхнерусом ... по этому вопросу; что молодые люди должны путешествовать по странам Передней Европы, и все те, кто желает похвалы за обучение и совершение достойных поступков как дома, так и за границей*. (В "Грубостях Кориата", Лондон, 1611 г.)

1616. Sincerus, Iodocus. *Itinerarium Galliae, ita accommodatum, ut eius ductu mediocri tempore tota Gallia obiri, Anglia et Belgium adiri possint; nec bis terve ad eadem loca rediri oporteat; notatis cuiusque loci, quas vocant, deliciis*. Lugduni, 1616.

1617. Морисон, Файнс. *О путешествиях в целом; О правилах для путешественников*. (В маршруте Файнса Морисона. Изд. Глазго, 1907.)

1622. Пичем, Генри. *"Совершенный джентльмен"*. Изд. 1634 г., перепечатано в Библиотеке Тюдоров и Стюартов издательством Clarendon Press с предисловием Г.С. Гордона. Оксфорд, 1906.

1625. Бэкон, Фрэнсис. *О путешествиях*. В сочинениях. Под ред. Джеймса Спеддинга. Лондон, 1859.

1631. Erpenius, Thomas. *De Peregrinatione Gallica utiliter instituenda Tractatus*. Lugduni Batavorum, 1631.

1633. Деверо, Роберт, граф Эссекс. *Полезные инструкции: Описание того, какие особые наблюдения следует предпринять путешественникам во всех странах; Приятные и прибыльные. Три очень уважаемыми людьми: Робертом, покойным графом Эссексом, сэром Филипом Сидни и секретарем Дэвисоном*. Лондон, 1633 год.

1637. Уоттон, сэр Генри. *Письмо-инструкция Джону Милтону, который собирается в путешествие*. В *Жизни и письмах*, под ред. Пирсола Смита. Оксфорд, 1907.

1639. *Le Voyage de France, Dresse pour l'instruction et commodité tant des François, que des Estrangers*. Париж, 1639 год. (Du Verdier.)

1642. Хауэлл, Джеймс. *Инструкции для будущих путешественников, показывающие, каким путем и за какой промежуток времени можно составить точное представление о Королевствах и государствах Христианского мира и прийти к практическому знанию языков с пользой для дела*. Лондон, 1642 год.

1652. Эвелин, Джон. *Состояние Франции в том виде, в каком оно было в IX-й год правления нынешнего монарха Людовика XIII*. Написано другу Дж. Э. Лондоном в 1652 году. (Обсуждение путешествия в предисловии.)

1653. Zeiler, Martin. *Fidus Achates qui itineris sui socium ... non tantum de locorum ... situ, verum etiam, quid in plerisque spectatu ... dignum occurrat ...* моне ... *Nunc e Germanico Latinus factus a quodam Apodemophilo....* Ульме, 1653 год.

1656. Осборн, Фрэнсис. *Путешествие, в совете сыну*. Под ред. Э. А. Пэрри. Лондон, 1896.

1662. Хауэлл, Джеймс. *Новая грамматика английского языка, к которой прилагается Беседа или диалог, содержащий экскурсию по Испании и Португалии, которая может послужить руководством к путешествию по обеим странам*. Лондон, 1662 год.

с. 1665. Хайд, Эдвард, граф Кларендон. *Диалог об образовании в сборнике нескольких трактатов*. Лондон, 1727 год.

1665. Жербье, Бальтазар, рыцарь; церемониймейстер короля Карла Первого. *Вспомогательный Перегринантибус или Помощь Путешественнику в его Разговоре ... направляя его, по последнему Слову Техники, к величайшей Чести, удовольствию, безопасности и выгоде в его Путешествиях*. Написано Знатному путешественнику для получения *Vade Mecum*. Оксфорд, 1665.

1670: Лассельс, Ричард: *Путешествие по Италии или полное путешествие по Италии.... С инструкциями относительно путешествий*; Ричард Ласселс, джентльмен, который пять раз путешествовал по Италии в качестве наставника нескольких представителей английской знати. Ранее не сохранившихся. Недавно напечатан в Париже и будет продан в Лондоне Джоном Старки. 1670.

1670. ---- *Письмо-совет молодому джентльмену, покидающему университет, относительно его поведения и разговоров в Обществе*, автор Р (ичард) Л(ассельс). Дублин, 1670 год.

1671. Ли, Эдвард. *Три обличительные речи; Во-первых, о путешествиях или Путеводителе для путешественников по чужим краям; Во-вторых, о деньгах или монетах; В-третьих, об измерении расстояния от места к месту*. Лондон, 1671 год.

1678. Гайяр, Дж. (Который был наставником за границей нескольких представителей знати и мелкопоместных сословий.) *Совершенный джентльмен: или Указания по воспитанию молодежи в отношении ее воспитания дома и поездок за границу*. Лондон, 1678 год.

1693. Локк, Джон. *Некоторые мысли относительно образования*. Четвертое издание. Лондон, 1699 год.

1688. *Письмо-совет молодому джентльмену из Почтенной семьи, который сейчас находится в своем заокеанском путешествии: для его более безопасного и прибыльного поведения в трех важнейших областях: Учебе, Моральном поведении и религии*. В трех частях. Автор: Истинный сын Англиканской церкви. Лондон, 1688.

1688. Карр, Уилл, бывший консул английской нации в Амстердаме. *Замечания правительства нескольких частей Германии, Дания ... но более конкретно - Соединенные провинции, с*

несколькими указаниями, как путешествовать по доминионам Штатов. Амстердам, 1688 год.

1690. ---- Путеводитель для путешественников и верный спутник историков. [Лондон? 1690?]

1695. Миссон, Максимилиан. *Новое путешествие в Италию: С описанием главных городов... Вместе с полезными инструкциями для тех, кто отправится туда. Переведено на английский и украшено цифрами.* 2 тома. Лондон, 1695 год.

II

ПУТЕШЕСТВИЯ, МЕМУАРЫ, ПИСЬМА И БИОГРАФИИ, 1500-1700, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВАХ

Эшэм, Роджер. *Сочинения.* Под ред. Джайлса. Лондон, 1865 год.

Обри, Джон. *Письма, написанные выдающимися личностями семнадцатого и восемнадцатого веков; и Жизни выдающихся людей.* Лондон, 1813 год.

D'Aunoy, Marie Catherine Jumelle de Berneville, Comtesse. *Relation du Voyage D'Espagne.* А-ля Хэй, 1691 год.

---- *Остроумные и увлекательные письма Леди ... Путешествие в Испанию.* 2-е изд. Лондон, 1692 год.

Рукопись Бельвуара. (История. РУКОПИСЬ. Комм. 12-й отчет; Приложение, часть IV. Рукопись герцога Ратленда, хранящаяся в замке Бельвуар.)

Берхерус, Гулиельмус. *Epitaphia et Inscriptiones Lugubres.* A Gulielmo Berchero cum in Italia, animi causa, peregrinaretur, collecta. Excusum Londini, 1566.

---- *Благородство женщин.* Ред. Уорик Бонд для Роксбургского клуба, 1904. (Написано в 1559 году.)

Bisticci, Vespasiano da. *Vite di Uomini Illustri del secolo XV.* in *Collezione di Opere inediti o rare.* Флоренция, 1859 год.

Бодли, сэр Томас. *Жизнь, написанная им самим.* Переиздано частным образом для Джона Лейна. Лондон, 1894.

Бурд, Эндрю. *Первая книга "Введение в знание", составленная Эндрю Борде из Physycke Doctor; также Краткий рецепт, или Диетическое питание, составленное в Монпелье, составленное Эндрю Борде из Physycke Doctour.* Ред. Ф.Дж. Фернивейл, для Общества раннего английского текста. Дополнительная серия, IX.-X. Лондон, 1869-70.

Botero, Giovanni. *Путеводитель путешественников, или историческое описание самых знаменитых королевств мира.* Переведен на английский. Лондон, 1601 год.

---- *Трактат о причинах великолепия городов*, ... переведенный на английский язык Робертом Петерсоном из Линкольн-Инна, Гент. Лондон, 1606 год.

---- *Отношения самых известных королевств и простонародий по всему миру....* Лондон, 1608. (Перевод Роберта Джонсона.)

Bourdeille, Pierre de, Seigneur de Brantome. *Мемуары*, *... *Contenans les Anecdotes de la Cour de France, sous les Rois Henri II., François II., Henri III. et IV.* A. Leyde, 1722.

Бойл, Роберт. *Сочинения*. Т. i. (*Жизнь*) и v. (*Письма*). Лондон, 1744 год.

Бретон, Николас. *Сочинения*. Под ред. А.Б. Гросарта. Лондон, 1879.

---- *Судьба Гримелло с его развлечениями в его Трудах*. Лондон, 1604 год.

Браун, сэр Томас. *Сочинения*. Под ред. Саймона Уилкина. Лондон, 1836. (Том i, содержащий *Жизнь и переписку*.)

Бернет, Гилберт. *Несколько писем, содержащих отчет о том, что казалось наиболее примечательным в Швейцарии, Италии и т.д.* (Адресовано достопочтенному. Роберту Бойлю.) Напечатано в 1687 году.

---- *Три письма о нынешнем состоянии Италии*, написанные в 1687 году. Напечатано в 1688 году.

Камден, Уильям. *История или Анналы Англии*. В *Полной истории Англии*. Том ii. 1706.

Кэрю, Джордж. *Связь государства Франции с характером Генриха IV. и главные лица этого двора*. Напечатано Томасом Берчем. Лондон, 1749.

Кавендиш, Джордж. *Жизнь Томаса Уолси* (написана ок. 1557). Напечатано Уильямом Моррисом в издательстве "Келмскотт Пресс" в 1893 году.

Кавендиш, Маргарет, герцогиня Ньюкаслская. *Жизнь ... Уильям Кавендиш, герцог Ньюкаслский*. Лондон, 1667 год.

---- *Жизнь ... герцог Ньюкаслский*, к которому добавлено "*Истинное отношение к моему рождению, воспитанию и жизни*". Под ред. Ч.Х. Ферта. Лондон, 1906.

Кэкстон, Уильям. *Диалоги на французском и английском*. Изд. по тексту, напечатанному около 1483 года Генри Брэдли для Общества раннего английского текста. Дополнительная серия, lxxix. Лондон, 1900.

Чэпмен, Джордж. *Месье д'Олив в Комедиях и трагедиях Джорджа Чэпмена*. 3 тома. Лондон, 1873.

Clenardus, Nicolaus. *Epistolarum Libri Duo*. Antverpiæ, ex officina Christophori Plantini, 1566.

Коллектанея: Первая серия. Ред. К.Р.Л. Флетчер, для Оксфордского исторического общества. Том v. Оксфорд, 1885.

Contarini, Gaspar. *Содружество и правительство Венеции*, написанное кардиналом Гаспаром Контарено и переведенное с итальянского на английский Льюисом Льюкенором, Эсквайром, Лондон, 1599.

Кориат, Томас. *Грубости Кориата были наспех съедены за пять месяцев путешествий по Франции, Савойе, Италии, Ретии, обычно называемой страной Граубюнден, Гельвеции, иначе Швейцарии, некоторым частям верхней Германии и Нидерландам; недавно переварены в голодном Одкомбе в графстве Сомерсет, а теперь распределены по питанию путешествующих членов этого королевства*. Лондон, 1611. Переиздание издательства "Джеймс Маклехоз и сыновья". Глазго, 1905.

Даллингтон, Роберт. *Обзор состояния великих герцогов Тосканы в год от рождества Христова 1596*. Напечатано для Эдварда Блаунта в Лондоне в 1605 году.

Description Contenant les Antiquitez, fondations et singularitez des plus celebres Villes, Chasteaux et Places remarquables du Royaume de France, avec les choses plus memorables advenues en iciluy (par F. Des Rues). Констанция, 1608 год.

Дудитиус, Андреас. *Vita Reginaldi Poli. Venetiis*, 1558.

Erasmus, Desiderius. *Opera Omnia*. Lugduni Batavorum, 1703. (Tomus Tertius qui complectitur epistolas.)

---- *Modus Orandi Deum*. Базилея, 1524 год.

---- *Familiarium Colloquiorum Des. Erasmi Roterodami Opus*. Базилея, 1542 год.

Эвелин, Джон. *Дневник и переписка*. Под ред. Уильяма Брэя. Лондон, 1906.

Fénélon, De La Mothe. *Correspondance Diplomatique*. Tome Sixième. Paris et Londres, 1840.

Феррар, Николас. *Две жизни: его брата Джона и доктора Джебба*. Изд. J.E.B. Mayor. 1855.

Florio, Giovanni. *Флорио, Его Первые слова, которые содержат знакомую речь, множество пословиц, остроумных предложений и золотых поговорок. Также это прекрасное введение в итальянский и английский языки, как показано в таблице.... Отпечатано Томасом Доусоном для Томаса Вудкока*. Лондон, 1578.

---- *Вторые фрукты Флорио, собранные с двенадцати деревьев, разных, но восхитительных на вкус для языков итальянцев и англичан*. ... Лондон, 1591 год.

Франция: *Обзор или топографическое описание Франции; с новой картой.... Собрано у разных одобренных авторов; очень подробно, правдиво и исторически переварено для удовольствия тех, кто желает досконально ознакомиться с состоянием королевства и доминиона Франция*. Лондон, 1592 год.

---- *Вид Франции*. Напечатано Саймоном Стаффордом. Лондон, 1604 год.

Фуллер, Томас. *Церковная история Британии от рождения Иисуса Христа до MDCXLVIII года*. Предпринято Томасом Фуллером. Лондон, 1655 год.

---- *История достойных людей Англии*. 2 тома, Лондон, 1811.

Гаскойн, Джордж. *Букеты*. Под ред. Дж.У. Канлифа. Издательство Кембриджского университета, 1907.

Жербье, Бальтазар. *Переводчик Академии иностранных языков и всех Благородных наук и упражнений*. 1648.

---- *Первая лекция введения в космографию: описание всего Мира. Читайте публично в Академии сэра Бальтазара Жербье*. Лондон, 1649.

---- *Проект сэра Бальтазара Жербье для Королевской академии в Англии*. № XXI. в Коллекции диковинок. Оксфорд, 1781.

Гилберт, сэр Хамфри. *Академия королевы Елизаветы*. Под ред. Ф.Дж. Фернивалла для Общества раннего английского текста. Дополнительная серия VIII. Лондон, 1869.

Гудолл, баптист. *Попытка путешествия*. Лондон, 1630 год.

Гуг, Барнаби. *Стихотворения, эпитафии и сонеты*. 1563.

---- *Зодиак жизни, написанный ... Паллингениусом ... недавно переведенные на английский стихи Барнабе Гуга*. Лондон, 1565 год.

Грин, Роберт. *Траурное одеяние Грина, Карда Фэнси и Мамиллия; в жизни и Полном собрании сочинений в прозе и стихах*. 12 томов. Под ред. А.Б. Гросарта для библиотеки Хута, 1881-83.

Гревилл, Фулк, лорд Брук. *Жизнь знаменитого сэра Филипа Сидни.... Автор ... его спутник и друг*. Лондон, 1652 год.

---- *Жизнь сэра Филипа Сидни*. Библиотека Тюдоров и Стюартов. Оксфорд, 1907.

Guide des Chemins, pour aller et venir par tous les pays et contrées du Royaume de France, avec les noms des Fleuves et Rivières qui courent parmy lesdicts pays. Париж (1552). (Par C. Estienne.)

Холл, Артур. *Письмо, отправленное Ф.А., касающееся частной ссоры и недоброжелательности между Артуром Холлом и Мелхиседахом Маллери, джентльменом, его очень близкому другу Л.Б., находящемуся в Италии*. (Напечатано в *Antiqua Anglicana*, том i, Лондон, 1815.)

Холл, Эдвард. *Жизнь Генриха VIII*. Перепечатка со вступлением Чарльза Вибли. Лондон, 1904.

Холл, Джозеф. *Quo Vadis? Справедливое осуждение путешествий, предпринимаемых джентльменами нашей нации*. Лондон, 1617. Перепечатано в *Сочинениях*. Ред. П. Винтер, для Clarendon Press. Оксфорд, 1863.

Hamilton, le Comte Antoine. *Memoires du Comte de Grammont*. Nouvelle Edition Augmentée de Notes et Eclaircissements necessaires par M. Horace Walpole. Запечатление Земляничной горки, 1772 год.

Харлеевский сборник, том ii. *Позднее путешествие в Голландию с кратким описанием событий в Гааге: также замечания о манерах и обычаях, природе и комичном настроении местных жителей.... Написано английским джентльменом, присутствовавшим при дворе короля Великобритании*. 1691.

---- Том iii. *Рассказ о таких вещах, которые, как было замечено, происходили в путешествии достопочтенного. Глава. Граф Ноттингем, лорд верховный адмирал Англии, посол его Высочества при короле Испании.* Роберт Тресвелл, эсквайр, Сомерсет-Геральд. 1605.

Харрисон, Уильям. *Описание Англии* в "ХроникахХолиншеда" под ред. Л. Уизингтона, с введением Ф.Дж. Фернивалла. Серия "Камелот". (1876?)

Рукопись Хэтфилда. Календарь рукописей Достопочтенного. Маркиза Солсбери, К.Г., хранится в Хэтфилд-Хаусе.

Hentznerus, Paulus. *Itinerarium Germaniæ, Galliæ, Angliæ, Italiæ.* Норинберг, 1612.

Герберт, Эдвард, лорд Шербери. *Сатира Секунда, "Путешественники из Парижа".* Бену Джонсону. *В отдельных стихах Эдварда лорда Герберта, барона Шербери.* Лондон, 1665.

---- *Автобиография.* Ред. Сидни Ли. Лондон, 1907.

Хейлин, Питер. *Полное описание двух путешествий; одно на материковую часть Франции, другое на некоторые из прилегающих островов Иланд.* Лондон, 1656 год.

---- *Франция, нарисованная с натуры ученой и беспристрастной рукой.* Второе издание. Лондон, 1657.

Хоби, Томас. *Путешествия и жизнь сэра Томаса Хоби. Написано Им самим, 1547-1564 гг..* Ред. Эдгар Пауэлл для Общества Кэмдена, Третья серия, том iv. 1902.

---- *Книга придворного.* Введение Уолтера Роли в переводах эпохи Тюдоров. Под ред. У.Э. Хенли. Vol. xxiii. Лондон, 1900.

Говард, Джеймс. *Английский мунсье.* Лондон, 1674.

Хауэлл, Джеймс. *Эпистола Хо-Элиан. Знакомые письма Джеймса Хорвелла.* Под ред. Дж. Джейкобса. 1892 (первое издание 1645).

---- *Обзор венецианской синьории, ее политики и методов правления, вызывающих восхищение ... с призывом ко всем христианским князьям возмущаться ее нынешним опасным положением.* Лондон, 1651 год.

Информация для паломников в Святую Землю, ок. 1496 г.. Под ред. Э. Гордона Даффа. Лондон, 1893.

Джонсон, Бен. *Сочинения.* Под ред. Гиффорда. 11 томов. 1875.

La Noue, François de. *Discours politiques et militaires.* Базель, 1587 год.

Лиланд, Джон. *Commentarii de Scriptoribus Britannicis.* Oxonii ex Theatro Sheldoniano, 1709.

Lemnius, Levinus. *Пробный камень коллекции. Переведено на английский Т. Ньютоном.* (1576.)

Льюкенор, Сэмюэл, Джентльмен. *Дискурс, не совсем бесполезный или неприятный для тех, кто желает узнать о положении и обычаях европейских городов, не путешествуя, чтобы*

увидеть их; содержащий дискурс обо всех тех городах, где в наши дни процветают ДООУ в привилегированных университетах. Лондон, 1600 год.

Ллойд, Дэвид. *Государственные деятели*. Лондон, 1766.

Локк, Джон. *Жизнь и письма, с выдержками из его дневников и справочников*; автор: лорд Кинг. Лондон, 1858 год.

Документы Лисмора: Под ред. А.Б. Гросарта. Первая серия, том v.; Вторая серия, тома iv. и v. 1886.

Лили, Джон. *Эйфуэс и его Эфебус, в Эйфуэсе; Анатомия остроумия, в работах*. Под ред. Р. Уорвика Бонда. Оксфорд, 1902.

Маркхэм, Джерваз. *Беседа о верховой езде*. Лондон, 1593 год.

---- *Академия джентльменов; или Книга Сент-Олбанса;... преобразовано в более совершенный метод Г.М.* Лондон, 1595 г.

Марстон, Джон. *Сочинения*. Под ред. А.Х. Буллена. Лондон, 1887.

---- *Бич злодейства*. Лондон, 1598 год.

Милтон, Джон. *Defensio secunda pro Populo Anglicano, contra Alexandrum Morum Ecclesiasten*. Amstelodami, 1798. (*Opera Omnia Latina*.)

Montfaucon, Bernard de. *Путешествия ученого отца Монфокона из Парижа в Италию (в 1698-9 гг.), Переведенные на английский язык по парижскому изданию*. Лондон, 1712 год.

Добрый день, Энтони. *"Жизнь английского Ромейна", написанная А. Мандеем, среди них когда-то были папы Шоллар из семинарии*. Лондон, 1590 год.

Мюнстер, Себастьян. *Cosmographiæ universalis Libri VI*. Басилеи, 1550 год.

Нэш, Томас. *Сочинения*. Под ред. Гросарта. 6 т. 1883-5.

---- *Несчастный путешественник, или Жизнь Джека Уилтона*. Лондон, 1594 год.

Negri, Cesare. *Nuove Inventioni di Balli: Opera vaghissima di Cesare Negri Milanese detto il Trombone, famoso e eccellente Professore di Ballare*. Милан, 1604 год.

Север, достопочтенный. Вас понял. *"Жизни северян"* вместе с автобиографией автора; Под ред. А. Джессоппа. Лондон, 1890 год.

Оригинальные письма, иллюстрирующие английскую историю ... по автографам в Британском музее. С заметками Генри Эллиса, хранителя рукописей Британского музея. Лондон, 1844.

Овербери, сэр Томас. *Сэр Томас Овербери, его жена, с добавлением новых новелл и еще нескольких персонажей (ранее не прилагавшихся), написанных им самим и другими учеными джентльменами*. Десятое впечатление дополнено. Лондон, 1618 год.

---- *Сэр Томас Овербери, его наблюдения в "Трудах о состоянии XVII века". Провинции в их нынешнем виде*. 1609. [Лондон], 1626.

Оуэн, Льюис. *Текущий реестр: Фиксирующий истинное соотношение состояния английских колледжей, семинарий и монастырей во всех частях Англии*. Лондон, 1626 год.

Поспеш, Ричард. *Richardi Pacei invictissimi regis angliae primarii secretarii, eiusque apud Elvetios oratoris, De Fructu qui ex Doctrina percipitur, liber*. В Inclita Basilea (1517).

Паулет, сэр Эмиас. Тетрадь писем сэра Эмиаса Паулета, написанных во время его посольства во Францию в 1577 году нашей эры. Из рукописи "В Бодлиане", отредактированной О. Оглом для Роксбургского клуба. 1866.

Пенн, Уильям. *Отчет о трудах У. Пенна в Голландии и Германии Anno MDCLXXVII. Для служения Евангелию Христа, в виде дневника. Содержащий также различные письма и послания нескольким великим и выдающимся личностям, находившимся там*. Лондон, 1694 год.

Книга паломников Древнего английского хосписа при Английском колледже в Риме 1580-1656 годов и Дневник того же колледжа 1578-1773 годов, напечатанный Генри Фоули в *Отчетах Общества Иисуса Английской провинции*, том vi.

Плювинель, Антуан. *Le Maneige Royal ou lon peut remarquer le defect et la perfection du chevalier, en tous les exercices de cet art, digne de Princes, fait et pratiqué en l'instruction du Roy par Antoine Pluvinel son Escuyer Principal, Conseiller en son Conseil d'Estat, son Chambellan ordinaire, et Sous-Gouverneur de sa Majesté. Le tout gravé et représenté en grandes figures de taille douce par Crispian de Pas, Flamand, à l'honneur du Roy, et à la memoire de Monsieur de Pluvinel*. Париж, 1624 год.

Рэймонд, Джон. *Il Mercurio Italico, Рассказывающий о путешествии, совершенном через Италию в 1646 и 1647 годах Дж. Р., Джентльменом*. Лондон, 1648 год.

Réaux, Tallemant des. *Исторические факты*. Париж, 1834 год.

Сэндис, Джордж. *Рассказ о путешествии, начатом в. Дом. 1610. Четыре книги, содержащие описание Турецкой империи Египет, Святой Земли, Отдаленных частей Италии и прилегающих к ней островов*. Лондон, 1615 год.

Schottus, Franciscus. *Itinerarii Italiae Rerumque Romanarum libri tres a Franc. Schotto I.C. ex antiquis novisque scriptoribus, iis editi qui Romam anno Iubilei sacro visunt. Ad Robertum Bellarminum S.R.E. Card. Амплисс. Antverpiæ, ex officina Plantiniana, apud Joannem Moretum. Anno sæculari Sacro, 1600.*

Ширли, Джеймс. *Драматические произведения и поэмы*. Под ред. А. Дайса. 6 томов. Лондон, 1833 год.

Сидни, сэр Филип. *Переписка с Хьюбертом Лэнгуэтом, собранная С.А. Пирсом*. Лондон, 1845 год.

Смит, Ричард. Слоун, мисс 1813 года, содержащая дневник Р. Смита, джентльмена, сопровождавшего сэра Эдварда Унтон в его путешествии по Италии в 1563 году.

Спелман, Уильям. *Диалог или беседа между двумя путешественниками, в которой говорится о цивилизованном и политизированном управлении в королевствах и округах дайвера*. С. 1580, под редакцией Дж.Э.Л. Пикеринга. Лондон, 1896.

Стэнхоуп, Филип, второй граф Честерфилд. *Письма нескольким знаменитым личностям времен Карла II, Якова II, Вильгельма III. и королевы Анны, с некоторыми их ответами.* Лондон, 1829 год.

Государственные документы, Внутренние, 1547-80. Тома. xviii.-xx. *passim*, в Государственном архиве Лондона. (Из переписки сэра Уильяма Сесила со своим сыном Томасом Сесилом в Париже.)

Стоу, Джон. *Обзор Лондона.* Перепечатано по тексту 1603 года под редакцией К.Л. Кингсфорда. Оксфорд, 1908.

Страйп, Джон. *Жизнь ученого сэра Томаса Смита, государственного секретаря короля Эдуарда Шестого и королевы Елизаветы.* Оксфорд, 1820.

----*Анналы Реформации.* Оксфорд, 1824.

----*Жизнь Эдмунда Гриндала.* Оксфорд, 1821.

----*Жизнь сэра Джона Чека.* Оксфорд, 1821.

РУКОПИСЬ Тальбота, в Оружейном колледже Лондона. Т. Р. 571. (Из переписки Гилберта Тальбота в Италии в 1570 году.)

Тейлор, Джон. *Все произведения Джона Тейлора, поэта воды. Их шестьдесят три, собранных Автором в один том.* Лондон, 1630.

Темпл, сэр Уильям. *Наблюдения над Соединенными Провинциями и Нидерландами.* Лондон, 1673 год.

Томас, Уильям. *История Италии, дело, которое выгодно переделать; потому что оно касается состояния многих и разных стран содружества, того, как они управлялись и управляются сейчас.* 1549.

----*"Пилигрим",* Диалог о жизни и деяниях короля Генриха Восьмого. Под ред. Дж.А. Фруда. Лондон, 1861.

Уорнер, Уильям. *Прочитайте его "Сирикс", "Договор о семи Тростниках", включающий в себя семь Трагических и комических аргументов.* Лондон (1584).

Уэбб, Эдвард. *Труды* (1590). Под ред. Э. Арбера. Лондон, 1868 год.

Уэлдон, сэр Энтони. *Двор и характер короля Якова: написано и снято сэром А. У. (элдоном).* Лондон, 1650 год.

Вей, Уильям. Маршруты Уильяма Вей, члена Итонского колледжа, в Иерусалим, 1458 и 1462 гг. н.э.; и к святому Иакову Компостельскому, 1456 г. н.э.: из рукописи в Бодлианском. Напечатано для Роксбургского клуба. Лондон, 1857.

Точильный камень, Джордж. *Воспоминание о благополучной жизни и добром конце Джорджа Гаскойна, эсквайра, скончавшегося в Сталмфорде в Линкольншире 7 октября 1577 года. Отчет Геора. Джентльмен из Точильного камня. очевидец его благочестивого и*

милосердного конца в этом мире. Отпечатано в Лондоне для Эдварда А (?) гаса, обитает на церковном дворе Паулса и подлежит продаже. [1577.]

Уилсон, Томас. *Искусство риторики, предназначенное для использования всеми, кто изучает красноречие, изложено на английском языке Томасом Уилсоном.* 1553.

---- Перепечатка издания 1560 года под редакцией Г.Х. Мэйра для библиотеки Тюдоров и Стюартов. Оксфорд, 1909.

Мемориалы Уинвуда. Мемориалы государственных дел в правление королевы Елизаветы и короля Якова I., собранные из оригинальных документов достопочтенного королевы. Сэр Ральф Уинвуд, Кт. 3 тома. Лондон, 1725 год.

Вуд, Энтони А. *Athenæ Oxonienses.* Изд. Блисс. Лондон, 1820 год.

III

КРИТИЧЕСКИЕ Или ДРУГИЕ РАБОТЫ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПОЛЕЗНЫ В ДАННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Аддисон, Джозеф. *Замечания по нескольким частям Италии ... в 1701, 1702, 1703 годах.* Лондон, 1705 год.

----*Письмо из Италии достопочтенному Чарльзу, лорду Галифаксу, мистера Джозефа Аддисона, 1701 г..* Напечатано в Лондоне, 1709.

Andrich, I.A. *De Natione Anglica et Scotia Iuristarum universitatis Patavinæ ab an. MCCXXII. P. Ch. N. usque ad an. MDCCXXXVIII.* præfatus est Blasius Brugi. Patavii excudebant fratres Gallina MDCCCXCII.

Avenel, Le Vicomte G. D'. *La Noblesse française sous Richelieu.* Париж, 1901.

Бабо, Альберт. *Les Voyageurs en France Depuis la Renaissance j'usqu' a La Révolution.* Париж, 1885.

Бапст, Эдмунд. *Deux Gentilshommes-Poetes de la Cour de Henry VIII.* Париж, 1891.

Баретти, Джозеф. *Рассказ о нравах и обычаях Италии: с замечаниями об ошибках некоторых путешественников в отношении этой страны.* Лондон, 1768 год.

----*Приложение к отчету об Италии, в ответ Сэмюэлю Шарпу, эсквайру, Лондон, 1769г.*

Вожак медведей, The: или Современные путешествия, представленные в надлежащем свете в письме в Rt. Достопочтенный граф ... Лондон, 1758 год.

Beckmann, Johann. *Litteratur der älteren Reisebeschreibungen.* Геттинген, 1808 год.

----*Physikalisch-ökonomische Bibliothek vorinn von den neuesten Büchern, welche die Naturgeschichte, Naturlehre und die Land- und Stadtwirthschaft betreffen, zuverlässige und*

volständige Nachrichten ertheilet werden, von Johann Beckmann ... ordentl. Исповедовать. der ökonomischen Wissenschaften. 21 Группа. Геттинген, 1802 год.

Берхтольд, граф Леопольд. *Эссе, направленное на расширение кругозора патриотически настроенных путешественников; с дальнейшими наблюдениями о средствах сохранения жизни, здоровья и имущества неопытных в их путешествиях по суше и морю. Также ряд Вопросов, интересных для Общества и Человечества, которые необходимо предложить для решения Людям всех рангов и занятий, представителям всех наций и правительств, включая наиболее серьезные Моменты, касающиеся Целей всех Путешествий.* Лондон, 1789 год.

Берч, Томас. *Двор и времена Иакова Первого.* Лондон, 1848 год.

---- *Двор и времена Карла Первого.* Лондон, 1848 год.

---- *Воспоминания о правлении королевы елизаветы с 1581 по 1603 год, из документов Энтони бэкона, эсквайра.* Лондон, 1754 год.

---- *Жизнь Генриха, принца Уэльского.* Лондон, 1760 год.

Боннаффе, Эдмунд. *Voyages et Voyageurs de la Renaissance.* Париж, 1895.

Бурсиез, Эдуард. *Les Moeurs Polies et la Littérature de Cour sous Henri II.* Париж, 1886.

Бургон, Дж.У. *Жизнь и времена сэра Томаса Грэшема.* Лондон, 1839 год.

Карт, Томас. *Жизнь Джеймса, герцога Ормонда.* 6 томов. Оксфорд, 1851.

Конгрив, Уильям. *Комедии.* В 2 т. Лондон, 1895.

Кориат-младший (Сэм Патерсон, книготорговец). *Другой путешественник: или Беглые замечания и критические замечания, сделанные во время путешествия по части Нидерландов в конце 1766 года.* 2 тома. Лондон, 1767 год.

Простите, миссис Генри. *Странствующие джентльмены.* Лондон, 1909.

Деверо, У.Б. *Жизнь и письма Деверо, графов Эссекских.* 2 тома. Лондон, 1853.

Додд, Чарльз. *Церковная история Англии с начала Шестнадцатого века до революции 1688 года.* Под ред. преподобного М.А. Тирни. 4 тома. Лондон, 1841.

Einstein, Lewis. *Итальянское возрождение в Англии.* Издательство Колумбийского университета, Нью-Йорк, 1902.

Feuillerat, Albert. *Джон Лили.* Издательство Кембриджского университета, Кембридж, 1910.

Филдинг, Генри. *Дневник путешествия в Лиссабон.* Под ред. Остина Добсона. Издательство "Чизвик Пресс", 1892.

Фут, Сэмюэл. *Драматические произведения.* 4 тома. Лондон, 1783 год.

Гиббон, Эдвард. *Автобиография.* Под редакцией Джона Мюррея, со вступлением графа Шеффилда. Лондон, 1896.

Грей, Томас. *Грей и его друзья; Письма и реликвии, по большей части до сих пор неопубликованные*. Под ред. Д.К. Тови. Издательство Кембриджского университета, Кембридж, 1890.

----*Письма Томаса Грея*. Под ред. Д.К. Тови. 2 тома. Лондон, 1900.

Jöcher, Christian Gottlieb. *Gelehrten-Lexicon*. Лейпциг, Дельмерхорст и Бремен, 1750-87.

Jusserand, J.J. *Les Sports et Jeux D'exercice dans L'ancienne France*. Париж, 1901.

Найт, Сэмюэл. *Жизнь доктора Джона Колета*. Оксфорд, 1823.

Лодж, Эдмунд. *Иллюстрации из британской истории*. 3 тома. Лондон, 1791 год.

Мэтью, А.Х. *Жизнь сэра Тоби Мэтью*, написанная его родственником. Лондон, 1907.

Моэм, Х. Невилл. *Книга путешествий по Италии*. Лондон, 1903.

Монтегю, леди Мэри Уортли. *Письма и сочинения*. Под редакцией ее правнука лорда Уорнклиффа, с дополнениями У. Мой Томаса. 2 тома. Лондон, 1893.

Нейрс, Эдвард. *Мемуары лорда Берли*. 3 тома. 1831.

Николас, сэр Харрис. *Воспоминания о жизни и временах сэра Кристофера Хаттона*, К.Г. Лондон, 1847 г.

Nolhas, Pierre De. *Erasme en Italie*. Париж, 1898.

Ньюджент, Томас. *Большой тур*. 4 тома. Лондон, 1778 год.

Physikalisch-ökonomischer Bibliothek, XXI. Vide Beckmann, Johann.

Пинкертон, Джон. *Путешествия*. Том 17. Лондон, 1814.

Пул Р., доктор медицины. *Путешествие из Лондона во Францию и Голландию, или полезные советы путешественника.... В котором также иногда содержится много моральных размышлений и полезных наблюдений*. Лондон, 1746.

----*"Благотворная пчела", или Спутник путешественника, содержащий ежедневные наблюдения во время путешествия из Лондона в Гибралтар ... перемежается множеством полезных наблюдений и случайных замечаний*. Лондон, 1753.

Рэшдалл, Х. *Университеты Европы в средние века*. Оксфорд, 1895.

Рай, У.Б. *Англия глазами иностранцев во времена Елизаветы и Якова Первого*. Лондон, 1865 год.

Соваль, Анри. *Histoire et Recherches des Antiquités de la Ville de Paris*. Париж, 1724 год.

Сибом, Фредерик. *Оксфордские реформаторы*. Лондон, 1887.

(Сьюард, Уильям.) *Анекдоты некоторых выдающихся личностей, главным образом нынешнего и двух предшествующих столетий*. 5 томов. Лондон, 1796 год.

Шарп, Сэмюэл. *Письма из Италии, описывающие обычаи и манеры этой страны в 1765-1766 годах. К которому прилагается Наставление джентльменам, переходящим Альпы в своем турне по Италии.* Лондон, 1767 год.

---- Взгляд на обычаи, манеры, драму и т.д. Италии, как они описаны в *Frustra Letteraria*; и в Отчете об Италии на английском языке, написанном мистером Баретти; по сравнению с Письмами из Италии, написанными мистером Шарпом. Лондон, 1768 год.

Смит, Эдвард. *Иностранные гости в Англии.* Лондон, 1889.

Смоллетт, Тобиас. *Сочинения.* Под ред. У.Э. Хенли. Лондон, 1899 год.

Стенхоуп, Филип Дормер, граф Честерфилд. *Письма своему сыну.* Опубликовано миссис Евгенией Стэнхоуп по оригиналам, которые сейчас находятся в ее распоряжении. 2 тома. Лондон, 1774.

Тикнесс, Филип. *Наблюдения над обычаями и манерами французской нации в серии писем, в которых эта Нация защищается от искажений некоторых поздних авторов.* Лондон, 1766 год.

Путешественники. Сатира. Лондон, 1778.

Верни, Маргарет. *Мемуары семьи Верней времен Содружества, 1650-1660.* Том iii. Лондон, 1894.

Вольтер (Франсис Мари Аруэ). *Lettres Philosophiques.* Под ред. Гюстава Лансона. Париж, 1909.

Уолпол, Гораций, четвертый граф Орфорд. *Письма.* Под ред. Питера Каннингема. 9 томов. Лондон, 1891.

СНОСКИ

1. Бен Джонсон, *"Пирушки Синтии"*, первый акт.
2. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, i. 110, примечание.
3. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, i. 110, примечание.
4. Примерно в 1498, 1515 и 1524 годах.

5. *Маршруты Уильяма Вей*. Напечатано для Роксбургского клуба с оригинала рукописи в Бодлианской библиотеке, 1857, стр. 153-154.
6. *Familiarium Colloquiorum Opus*. Базилея, 1542 год. *De utilitate colloquiorum, ad lectorem*.
7. Там же. *De votis tentere susceptis*, fol. 15.
8. Там же. *Ad lectorem*.
9. Лорд Кэмпбелл, *Жизнеописания лордов-канцлеров*, i. 95.
10. Г. Кавендиш, *Жизнь Вулси*. Келмскотт Пресс, 1893.
11. Опера (MDCCIII.), Том iii., Ep. xcii. (Annæ Bersalæ, Principi Verianæ).
12. "Quid cælum, quos agros, quas bibliothecas, quas ambulationes, quam mellitas eruditorum hominum confabulationes, quot mundi lumina ... реликварий". Ep. cxxxvi.
13. Ep. mclxxv.
14. Опера (MDCCIII.) Том ix. 1137.
15. Ep. ccclxiii.
16. *Письма и бумаги Генриха VIII.*, том iv., часть I., № 4.
17. Richard Pace, *De Fructu qui ex Doctrina Percipitur* (1517), p. 27.
18. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, том i. 65. Архиепископ Кранмер Генриху VIII.
19. Becatelli, *Vita Reginaldi Poli*. Латинская версия Андреаса Дудитиуса, Венеция, 1558 год.
20. МИСС Коттон, Неро, Б. ф. 118.
21. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, том i. 54.
22. Вуда *Athenæ Oxonienses*, изд. Блаженство.
23. *Письма и бумаги Генриха VIII.*, том ix., № 101.
24. Дж.С. Брюер, *Правление Генриха VIII.*, том i. 117-147.
25. Barst, Edmond, *Deux Gentilshommes-Poetes de la cour de Henry VIII.*, Paris, 1891, pp. 26, 60.
26. *Письма и бумаги Генриха VIII.*, том ii., часть I., № 2149.
27. Там же, том xi., № 60; том xv., № 581.
28. Д. Ллойд, *Государственные деятели*, том i. 105.
29. *Письма и бумаги Генриха VIII.*, т. v., стр. 751.
30. Камден, *История Англии*.
31. В Первом Букве Введения Знаний, 1547 год.

32. "Жизнь генриха VIII" Холла, изд. Вибли, 1904, том i. 175.
33. Путешествия и жизнь сэра Томаса Хоуби, изд. Пауэлл, 1902, стр. 18, 37.
34. Ascham's Works, изд. Джайлс, том i., часть II., стр. 265.
35. Я имею в виду смерть Буцера и П. Фагиуса. Страйп (*Жизнь Кранмера*, стр. 282) говорит, что, когда они прибыли в Англию в апреле месяце, они "очень скоро заболели, что привело к очень печальному прекращению их учебы. Пятого ноября Фагиус приехал в Кембридж и через десять дней умер".
36. *Укрощение строптивой*, Акт I. Sc. ii.
37. Coryat's *Crudities*, изд. 1905, стр. 17.
38. Изд. 1591, с. 91.
39. *Сочинения*, изд. Гроссарт, ix. 139. В которой отец Филадора, среди многих других наставлений, предвосхищает знаменитый совет сэра Генри Уоттона Мильтону о необходимости путешественнику держать язык за зубами: "Будь, Филадор, скрытен, как арабское дерево, которое дает жевательную резинку только темной ночью".
40. Йохер, "Лексикон Гелехртенов", 1751 г., и "Универсальный лексикон" Цедлера.
41. Издание Clarendon Press, 1909, стр. 29.
42. Г. Гратаролус, "О режиме и деятельности", Некоторое представление об испытаниях, связанных с путешествиями в шестнадцатом веке, можно получить из разделов о том, как переносить голод и жажду, как восстановить аппетит, наверстать упущенный сон, предотвратить лихорадку, избегать паразитов, ухаживать за больными ногами, оттаивать замерзшие конечности и так далее.
43. *Метод Аподемики*, Базель, 1577, fol. B, verso.
44. Пол Хентцнер, чьи путешествия были перепечатаны Горацием Уолполом, был гофмейстером такого рода. Письмо-посвящение, которое он приложил к своему маршруту в 1612 году, представляет собой дословный отрывок из "Аподемики искусства" Пиркмайра.
45. *Артефакт Аподемики*, Ингольштадт, 1577, фолс. 5-6.
46. *Hercules Prodicus, seu principis juventutis vita et peregrinatio*, pp. 131-137
47. Jöcher, *Gelehrten-Lexicon*, under Zwinger.
48. Zwinger, *Methodus Apodemica*, fol. B, verso.
49. Ad. Ph. Lanoyum, fol. 106, in *Justi Lipsii Epistole Selecta*, Parisiis, 1610.
50. *Руководство для путешественников*, Лондон, 1592 год.
51. "Methodus describendi regiones, urbes, et arces, et quid singulis locis præcipue in peregrinationibus homines nobiles ac docti animadvertere observare et annotare debeant." Мейер был датским географом и историком в 1528-1603 годах.

52. *G. Loysii Curiovoitlandi Pervigilium Mercurii*. Curiae Variscorum, 1598. (Nos. 17, 20, 23, 27.)
53. Указ. соч., № 109.
54. Переведен Томасом Кориатом в его "*Грубостях*", 1611. Должно быть, он подхватил эту речь во время своего турне по Германии; но среди сорока шести работ Германа Кирхнера, профессора истории и поэзии в Марбурге, процитированных Йохером, нет ничего, что могло бы показаться оригиналом, хотя там указана другая "Оратория о перлюстрации Германии в омнибусе стран антеференды", также переведенная Кориатом.
55. Терлер, *Путешественник*, стр. 12.
56. Киршнер в "*Грубостях*Кориата", том i. 131.
57. Терлер, указ. соч., стр. 48.
58. Lipsius, Turler, Kirchner.
59. Терлер, *Путешественник*, стр. 47.
60. Терлер, указ. соч., стр. 107.
61. *Метод Аподемики*, стр. 26.
62. *Эссе о том, как сделать наши труды в зарубежных странах более прибыльными и почетными*. Лондон, 1606 год.
63. Лондон, 1578 год.
64. Сидней, Письмо своему брату, 1580г.
65. *Прибыльные инструкции*. Написано около 1595 года. Напечатано в 1633 году.
66. *Прибыльные инструкции*, 1595 г., Харл. СТР. 6265, напечатано в "*Письмах и жизни Бэкона*" Спеддинга, том ii. стр. 14. Спеддинг считает, что эти *Инструкции* принадлежат Бэкону.
67. *Государственные документы, "Домашняя елизавета"*, 1547-80, том. lxxvii., № 6.
68. *История. Рукопись. Связь. 12-й отчет*, Приложение IV, 31 января 1571 г.
69. *Жизнь, написанная Им самим*, Оксфорд, 1647.
70. Деверо, *Жизнь и письма Деверо*, том ii. 233.
71. Берч, *Жизнь принца Генриха Уэльского*, Приложение № XII.
72. *Жизнь и письма*Пирсола Смита, том i. 246.
73. Указ. соч.
74. Тэлбот, рукопись в Оружейном колледже, т. Стр. 571.
75. *Поэтическая рапсодия Дэвисона*. I. Биографическая справка, стр. xxiii.
76. Слоун МИСС 1813 года.

77. *Государственные документы, Внутренние*, 1547-80, тома. xviii., № 31; xix., № 6-52 *passim*; xx., № 1-39 *passim*.

78. *Инструкция для путешественников*.

79. *Анналы Стоу*, стр. 600.

80. *Сочинения*, изд. Джайлс, том i., Часть ii., Эпизод. cxvi.

81. Указ. соч.

82. *"Жизнь Сиднея"* Фокса-Борна, стр. 91.

83. Указ. соч.

84. Thomae Erpenii, *De Peregrinatione Gallica*, 1631, pp. 6, 12.

85. *Тетрадь писем сэра Эмиаса Пуле*, Роксбургский клуб, стр. 89.

86. *Записная книжка*, стр. 16.

87. *Записная книжка*, стр. 89.

88. *Стихотворения Томаса Кэрю*, изд. У.К. Хэзлитта, 1870. Стр. xxiii.-xxx.

89. Т. Берч, *Суд и времена Джеймса I.*, том i, стр. 218.

Смущение посла при таких обстоятельствах, пожалуй, едва ли преувеличено в пьесе Чепмена *"Месье Д'Олив"*, где вымышленный государственный деятель разражается протестом:

"Небо, я умоляю тебя, каких отвратительных Последователей я приставил к себе: ... Я не могу заглянуть в суть дела, но тот или иной проявляет ко мне свои добрые чувства, будь то его Язык, его Труды, его Интеллект или что-то еще: джентльмены присылают мне своих младших сыновей, оснащенных в полном объеме, чтобы узнать моду, для утешения: как будто поездка верхом за пятьсот миль и трата 1000 крон сделают "меня мудрее, чем хотел сделать Бог".... Триста таких зябликов я приютил для своих последователей: я не могу зайти ни в один уголок, но встречаюсь там с некоторыми из моих приятелей в амуниции; вы можете услышать "я за полмили до того, как они подойдут к вам, и учуять" меня через полчаса после того, как они пройдут мимо вас: сикс или сивен - отличные мориссандры; им не нужны колокольчики, их шпоры служат им опорой: мне стыдно тренироваться "я за границей, они говорят, что я ношу с собой целую охапку перьев, и я не боюсь их". Я должен был бы тащиться до того, как окажусь в полной заднице, как пишущий учитель перед своими Учениками, когда они идут на пир".

90. *Страйп, Жизнь сэра Томаса Смита*, стр. 119.

91. *Путешествия и жизнь сэра Томаса Хоуби*, 1547-1564, изд. Пауэлл, стр. 27.

92. Спелман У., *Диалог между двумя путешественниками*, ок. 1580, под ред. Пикеринга для Роксбургского клуба, 1896, стр. 42.

93. Gratarolus, *De Regimine iter agentium*, 1561, p. 19.

94. *Жизнь и письма сэра Генри Уоттона*, том i, стр. 69.

95. *Труды Общества антикваров Шотландии*, 10 мая 1909г.
96. Флорио, *Вторые блюда*, стр. 95.
97. Слоун М.С., 1813, т.7.
98. Статья о третьем лорде Норте в *Национальном биографическом словаре*.
99. Т. Райт, *Королева Елизавета*, том i, стр. 316.
100. Сэр Томас Овербери, *Заядлый Путешественник*, в персонажах.
101. Дьепп.
102. Томас Нэш, *Пирс Пеннилесс*, в *работах*, изд. Гросарт, том ii. 27.
103. Нэш, *Несчастный путешественник*, в *Произведениях*, изд. Гросарт, ст. 145.
104. Роджер Эшэм, *Научный руководитель*, изд. Мэр, стр. 84-85.
105. Уильям Харрисон, *Описание Англии*, изд. Уизингтон, стр. 8.
106. Ашам, указ. соч., стр. 86.
107. Роберт Грин, *Покаяние*, в *Произведениях*, изд. Гросарт, xii. 172; Джон Марстон, *Известные сатиры*, 1598; Сатира II., стр. 47.
108. Ашам, указ. соч., стр. 77.
109. Джеймс Хауэлл, *Письма*, изд. Джейкобс, стр. 69.
110. Уильям Томас, *"История Италии"*, 1549, стр. 2.
111. *Путешествия и жизнь сэра Томаса Хоуби, написанные им самим*, изд. Пауэлл, стр. 10.
112. Уильям Томас, указ. соч., стр. 2.
113. Файнс Морисон, *Маршрути др.*, изд-во Глазго, 1907, i. 159.
114. Там же.
115. Томас Хоуби, указ. соч., стр. 14, 15.
116. Уильям Томас, указ. соч., стр. 85.
117. Роберт Грин, *"Все о поимке Конни"*. Сочинения, x. Предисловие.
118. *Epistola de Peregrinatione in De Eruditione Comparanda*, 1699, p. 588.
119. Терлер, *Путешественник*, Предисловие, стр. 65-67.
120. В *Описях Унтон*, под ред. Дж.Г. Николса, стр. xxxviii.
121. Сэр Роберт Даллингтон, *Государство Тоскана*, 1605, стр. 64.
122. Артур Холл, *Десять книг "Илиады" Гомера*, 1581, Послание сэру Томасу Сицилли.

123. Николас Бретон: *Оскорбление Фэнси*, изд. Гросарт, стр. 6.
124. Томас Райт, *королева Елизавета*, ii. 205.
125. "Письмо, отправленное Ф.А., касающееся частной ссоры и недоброжелательности между Артуром Холлом и Мелхиседеком Маллери, джентльменом, своему другу Л.Б., находящемуся в Италии". (Только четырнадцать экземпляров этой книги избежали уничтожения по распоряжению парламента в 1580 году. Одно из них было перепечатано в 1815 году в *англоязычном сборнике древностей*, из которого взяты мои цитаты.)
126. Собор Святого Павла, фешенебельная набережная.
127. "*Кантабриджские атены*" Купера, i. 381.
128. *Жизнь и путешествия Томаса Хоуби, написанные им самим*, стр. 19, 20.
129. Берчер, дед. королеве Елизавете, в "*Благородстве женщин*", 1559, под ред. У. Бонда для Роксбургского клуба, 1904.
130. Там же. Вступление Бонда, стр. 36.
131. Д.Н.Б. Статья сэра Сиднея Ли.
132. История. Рукопись. Комиссия, 12-й отчет, приложение. Часть IV. Рукопись герцога Ратленда, стр. 94.
133. Там же.
134. Э. Лодж, *Иллюстрации британской истории*, ii. 100. (Гилберт Тальбот своему отцу, графу Шрусбери.)
135. Рукопись Хэтфилда. (Календарь), ii. 83.
136. Там же, ii. 129.
137. Там же, ii. 114.
138. Рукопись Хэтфилда. (Календарь), ii. 129.
139. Там же, стр. 131.
140. Там же, стр. 144.
141. См. "Сэр Генри Сидни своему сыну Роберту", 28 октября 1578 г., в "*Документах Сиднея*" Коллина, i. 271.
142. В книге "*Способ путешествовать*", ок. 1598, Fol. C.
143. Джон Стоу, *Анналы*, изд. 1641, стр. 868.
144. Там же.
145. Габриэль Харви, *Записная книжка*, Общество Кэмдена, Новая серия, № xxxiii. стр. 97.
146. Стоу, *Анналы*, изд. 1641, стр. 867.

147. Там же, стр. 869.
148. "Описание Англии" Харрисона, изд. Уизингтон, стр. 111.
149. Т. Берч, *Суд и времена Джеймса I.*, i. 191.
150. *Иллюстрации британской истории Э. Лоджа*, ii. 228.
151. *Harleian Miscellany*, том v., стр. 400-401.
152. Leland, J., *De Scriptoribus Britannicis*, vol. i. 482.
153. *Календарь государственных бумаг*, Иностранный, 1562 г., № 1069 и 1230.
154. Э. Нарес, *Мемуары лорда Берли*, том iii. стр. 513.
155. Ламбетская рукопись, № 647, том iii. Напечатано в книге Спеддинга "*Письма и жизнь Бэкона*", том i, стр. 110.
156. *Календарь государственных бумаг*, Отечественный, 1603-1610, стр. 634.
157. Цитируется в книге "*Жизнь и письма сэра Генри Уоттона*", под ред. Л. Пирсолла Смита, том ii. стр. 462.
158. Фуллер, *Церковная история Британии*, изд. 1655, книга x. стр. 48. Предполагаемой причиной заключения Моула, по словам Фуллера, было то, что он перевел Дю Плесси Морне, "его книгу о видимости Церкви, с французского на английский; но, кроме того, в ней были и другие ухищрения, не столь подходящие для связей с общественностью" (*выше*, стр. 49).
159. Четвертый барон Вентворт из Неттлстеда и первый граф Кливленд, 1591-1667, ставший генералом-роялистом в Гражданской войне. На момент написания письма Уоттону (1609) он завершал свое образование за границей после проживания в Оксфорде. Смотрите *Национальный биографический словарь*, в котором, однако, не упоминается его зарубежное турне.
160. Он сразу же "примирился" с Римской церковью, вступил в Общество иезуитов и "умер самой святой смертью" в 1626 году, занимая должность исповедника Английского колледжа в Риме. Х. Фоули, *Отчеты Общества Иисуса*, vi. стр. 257, цитируется в *Жизни и письмах сэра Генри Уоттона*, i. стр. 457, примечание.
161. Второй лорд Харингтон Экстонский, 1592-1614; любимый друг и компаньон Генри, принца Уэльского. Редкий и благочестивый молодой человек. О нем, а также о его письмах принцу Генриху из-за границы на французском и латыни читайте в книге Т. Берча "*Жизнь принца Генриха*".
162. "Некто Тови, "пожилой мужчина", покойный учитель свободной школы в Гилфорде". *Национальный биографический словарь*, статья о сэре Джоне Харингтоне, *выше*.
163. *Жизнь и письма сэра Генри Уоттона*, i. 456-7.
164. С.Р. Гардинер, *История Англии*, iii. 191.

165. Х. Фоули, *Отчеты Общества Иисуса в Английской провинции*, Лондон, 1882, Серия ii. стр. 253.

166. Там же.

167. Фоули, указ. соч., стр. 256. Факты подтверждаются отчетом английского посла в Вальядолиде от 17 июля 1605 г., ОС, напечатанным в *"Памятниках Уинвуда"*, том ii. стр. 95.

168. Файнс Морисон, *Маршрут*, изд. 1907, том iii. стр. 390-1.

169. Например, доктор Томас Кейс из церкви Святого Иоанна в Оксфорде, о котором Фуллер сообщает как о "всегда римлянине в душе, но никогда не выражавшем того же, пока им не овладела смертельная болезнь" (*История церкви*, книга ix. стр. 235).

170. Гардинер, *История Англии*, том v. стр. 102-3. Те же колебания между двумя Церквями во времена Якова I. Примером может служить "Эдвард Баггс, эсквайр, живущий в Лондоне, семидесятилетний, исповедующий протестантство". Он "был в состоянии болезни, соблазнившейся римской религией". Выздоровливая, по его просьбе состоялся спор между двумя иезуитами и двумя протестантскими богословами на тему видимости Церкви. "Эта конференция настолько удовлетворила мастера Баггса, что, отказавшись от своих прежних колебаний, он утвердился в протестантской истине" (Фуллер, *История церкви*, х. 102).

171. *Мемориалы Уинвуда*, том ii. 109.

172. Граф Ноттингем, чрезвычайный посол в 1605 году.

173. *Мемориалы Уинвуда*, том ii. 76.

174. *Мемориалы Уинвуда*, том ii. 109.

175. Файнс Морисон, *Маршрут*, том i, стр. 260.

176. Таков был случай с Тоби Мэтью, сыном архиепископа Йоркского, обращенным во время своих путешествий по Италии. Этот остроумный и легкомысленный придворный вернулся домой и столкнулся с возмущением своих друзей, провел целое пораженное чумой лето во Флите, споря с епископами, посланными вернуть его обратно, а затем был изгнан. Через десять лет он снова появился при дворе, такой же забавный, как всегда, протеже герцога Бекингема. Но под маской безделушки он бессонно трудился над продвижением Римской церкви, поскольку тайно принял сан священника-иезуита. См. *"Жизнь сэра Тоби Мэтью"* А.Х. Мэтью, Лондон, 1907.

177. *"Поэтическая рапсодия"* Дэвисона, изд. Николя, 1826, том i, стр. vi.

178. *Жизнь и письма сэра Генри Уоттона*, том ii. 482.

179. *Quo Vadis, Справедливое осуждение путешествий*, в *Работах*, Оксфорд, том ix. стр. 560.

180. *Жизнь и письма сэра Генри Уоттона*, том i. 70, примечание.

181. *Способ путешествовать, основанный на взгляде на Францию, какой она была в год от Рождества Христова*, 1598.

182. Вуд описывает такое душевное состояние Джона Николлса, который в 1577 году покинул Англию, отрекся от своей ереси и был "принят в святую Католическую церковь". Вернувшись в Англию, он отрекся от своих римско-католических убеждений и даже написал "Свое паломничество, в котором показана жизнь гордых пап, амбициозных кардиналов, вероломных епископов, толстобрюхих монахов и лицемерных иезуитов" (1581). Несмотря на это, он снова отправился за море (чтобы обратиться в магометанство, как говорили его враги) и под угрозами и заключением в тюрьму в Руане отрекся от всего, что он ранее говорил против католиков.-- *Athenæ Oxonienses*, ed. Блисс, i. стр. 496.

183. Понятно: "ибо за кафедрой, будучи красноречивыми, они" и т.д.

184. В томе iii. о его *маршруте* (переиздано Университетом Глазго, 1908), которому предшествует *Очерк о путешествиях в целом*, панегирик в стиле Терлера, Липсиуса и др., содержащий большинство пунктов предыдущих очерков, восхваляющих путешествия, и некоторые новые. Например, в свою защиту путешествий он должен ответить на возражение о том, что путешественники рискуют отвернуться от Англиканской церкви.

185. *Маршрут*, iii. 411.

186. *Там же.*, i. 304.

187. *Там же.*, i. 78-80.

188. *Там же.*, i. 399.

189. *Там же.*, iii. 389.

190. *Маршрут*, iii. 400.

191. *Там же.*, iii. 388.

192. *Там же.*, iii. 387.

193. *Там же.*, iii. 375.

194. *Маршрут*, iii. 411.

195. *Там же.*, iii. 413.

196. См. Бен Джонсона, "*Каждый человек не в своем уме*", Акт II. Первая сцена: "Я действительно намерен в наступающем юбилейном году отправиться в путешествие, и поскольку я не собираюсь полностью тратиться, я полон решимости выделить около пяти тысяч фунтов, которые будут выплачены мне по пять за штуку, по возвращении меня, моей жены и моей собаки из турецкого двора в Константинополе". Также эпиграмма сэра Джона Дэвиса в "*Стихотворениях*", изд. Гросарт, том ii. стр. 40:

"Лик, который недавно уехал в Венецию,
получит, если вернется, троих за одного".

197. *Вольпоне, или Лиса*, Акт II. Первая сцена

198. Там же, Акт III. Sc. v.
199. Все письмо напечатано в сборнике Пирсола Смита, том ii. стр. 382.
200. Коллекция Пирсола Смита, том ii. стр. 364 (в другом письме с рекомендациями по зарубежным поездкам).
201. *Defensio secunda*, in *Opera Latina*, Amstelodami, 1698, p. 96.
202. *Quo Vadis?* Справедливое осуждение путешествий, предпринимаемых джентльменами нашей Нации, Лондон, 1617г.
203. 19 сентября 1614 года. Цитируется в книге К. Додда "*Церковная история Англии*", изд. Тирни, том iv. Приложение, стр. ccxli.
204. Церемониймейстер Якова I.
205. *Исправленный путешественник*, автор W.H., 1616, fol. A 4, verso.
206. Карл II.
207. Эллис, *Оригинальные письма*, 1-я серия, iii. 288.
208. *Учитель*, изд. Мэр, стр. 53.
209. *Совершенный джентльмен*, 1634 (переиздание 1906), стр. 33.
210. Цитируется в G. D'Avenel, *La Noblesse française sous Richelieu*, p. 52.
211. Там же., стр. 41-2.
212. Balade, "Les chevaliers ont honte d'étudier" (*OEuvres Complètes*, tome iii. p. 187).
213. De la Nouë, *Discours Politiques et Militaires*, 1587, p. 111.
214. De la Nouë, *op. cit.*, pp. 118-22. *Двор и времена Карла I.*, том ii. стр. 89, 187.
215. *Способ путешествовать. Продемонстрированный взглядом на Францию. Как это было в год от Рождества Господа нашего*, 1598.
216. Джеймс Хауэлл.
217. *Выше*, примечание 1).
218. *Обзор государства великих герцогов Тосканы. В год от Рождества Господа нашего*, 1596.
219. *Взгляд Франции*, продолжение X.
220. *Взгляд Франции*, fol. Ч. 4, оборотная сторона.
221. Уильям Томас, *Пилигрим*, 1546.
222. *Обзор Тосканы*, стр. 34.
223. *Способ путешествовать*, След. В 4, verso.

224. Первое издание *"Вида Фраунса"* было анонимно напечатано Саймоном Стаффордом в 1604 году: когда Томас Крид выпустил другое издание, по-видимому, в 1606 году, Даллингтон вставил предисловие "Всем джентльменам, которые путешествовали" и *"Метод путешествия"*, состоящий из восьми неотправленных листов и сложенного листа, содержащего краткое описание *"Метода путешествия"*.

225. По мере того, как использование латыни шло на убыль, знание современных языков становилось все более важным. Отношение континентальных джентльменов к этому вопросу обозначено испанским послом в 1613 году, в разговоре с которым папский нунций использовал немецкую пунктику, то есть говорил по-латыни, для большего достоинства, по отношению к нему и по-итальянски по отношению к жителям Мантуи и Урбино. Посол ответил по-итальянски, "а затем объяснил это следующим образом: для Кавалера так же неприлично говорить по-латыни, как для священника использовать любой другой язык". (*Мемориалы Уинвуда*, том iii. стр. 446).

226. Файнсу Морисону было что сказать по этому поводу. В частности, он называет предосудительным то, что немцы живут только со своими соотечественниками в Италии: "никогда не достигая совершенства в использовании какого-либо иностранного языка, пусть это и не так легко. Так что, как я сам помню, одного из них, которого упрекали в том, что, проведя тридцать лет в Италии, он не мог говорить на этом языке, он весело ответил по-голландски: "А кем был кан ман дох в dreissig Jahr lehrnen?" Увы, добрый сэръ, чему может научиться человек за тридцать лет? (*Маршрут*, том на стр. 379).

227. *Способ передвижения*, В 4, версия.

228. *Суд и времена Якова I.*, том i. стр. 286.

229. Эмиас Паулет Елизавете, 31 января 1577 г., Калифорния. Государственные документы, иностранные.

230. By Cesare Nigri Milanese detto il trombone, "Famose e eccellente Professori di Ballare." Напечатано в Милане, 1604 год.

231.

"В течение двадцати манер он спотыкался и танцевал
Вслед за школой Оксенфорда,
И его ноги болтались туда-сюда".

Сказка Миллера, 11. 142-4.

232. *Эллис, Оригинальные письма*, 2-я серия, том iii. стр. 214.

233. *Там же.*, 1-я серия, том iii. стр. 138-9.

234. *Способ путешествовать*, след. В 4, verso.

235. *Исторические хроники*, изд. Paris, 1834, tome 1er, p. 72.

236. Так считал папский легат в 1596 году. Цитируется Жюссераном в книге *"Спорт и физические упражнения во Франции"*, стр. 252.
237. *Вид Франции*, fol. V, verso.
238. Жюссеран, указ. соч., стр. 241. Цитируется по книге Томассена *"Древняя и новая дисциплина Эглиза"*, 1725, том iii. кол. 1355.
239. *Вид Франции*, Т 4, оборотная сторона, V, verso.
240. Fol. C.
241. *Каждый мужчина в своем настроении*, Акт IV. Sc. v.
242. *Touchant les Duels*, ed. 1722, p. 79.
243. "Если в Суде увидят, что кто-то из вас готовит из последних сил, они насмешливо скажут: "Ты не знаешь, что происходит, ты не знаешь, что такое смерть". Мы знаем его достаточно хорошо, он не причинит нам вреда, он - яблоко из последних сил" (*Взгляд Франции*, fol. Т 4).
244. *Инструкции для путешествия на Рейн*, 1642.
245. Указ. соч., стр. 65-70.
246. Там же., стр. 181, 188.
247. Указ. соч., стр. 193-5.
248. Там же., стр. 51.
249. "Великий конь" - это термин, используемый для обозначения животных на войне или турнирах, в отличие от Пэлфри, Скакунов, Кляч и других обычных лошадей. Этих животных "огромного веса" необходимо было научить выполнять маневры, а их наездников - искусству управления ими в соответствии с определенными правилами и принципами. Смотрите *"Новый метод ... выделки лошадей"* Уильяма Кавендиша, герцога Ньюкаслского, Лондон, 1667 год.
250. *Histoire et Recherches des Antiquités de la Ville de Paris*, par H. Sauval, Paris, 1724, tome ii. p. 498.
251. *Les Antiquitez de la Ville de Paris*. Париж, 1640, второй ливр, стр. 403.
252. Вероятно, сын сэра Джона Пакеринга, лорда-хранителя в 1592-1596 годах.
253. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, том iii. стр. 220-1.
254. *Archeologia*, vol. xxxvi. стр. 343-4.
255. *Коллектания*, Первая серия, изд. для Оксфордского исторического общества (том v.) К.Р.Л. Флетчера, стр. 213.
256. См. *Археологию*, хxi. стр. 506. Гилберт и Ла Нуэ мечтали об академиях, подобных академии Витторино да Фельтре, но не об академиях Плювинеля.
257. *Оксфордское историческое общество*, том v. стр. 276.

258. Там же., стр. 280-2.

259. *Переводчик академических языков Forrain, всех благородных наук и упражнений*, Лондон, 1648.

260. Дневник Эвелин, 9 августа 1682 года.

261. Там же, 18 декабря 1684 г.

262. *Оксфордское историческое общество*, том v. стр. 309-13.

263. Там же., стр. 319.

264. *Le Maneige Royal*, ou l'on peut remarquer le defaut et la perfection du chevalier, en tous les exercices de cet art, digne de Princes, fait et pratique en l'instruction du Roy par Antoine Pluvinel son Éscuyer principal, Conseiller en son Conseil d'État, son Chambellan ordinaire, et Sous-Gouverneur de sa Majesté. Париж, 1624 год.

265. Вступительные слова "*Апологии поэзии*", изд. 1595.

266. *Historiettes*, т. i, стр. 89, изд. 1834. Маргарита Валуа сравнила г-на де Сувре, наместника Людовика XIII, с Хироном, воспитывающим Ахиллеса. Contemporary satire said that M. de Souvray "n'avoit de Chiron que le train de derrière."

267. Анри Соваль, указ. соч., стр. 498.

268. *Диалог об образовании*, в *Трактатах*, Лондон, 1727, стр. 297. Мы должны учитывать тот факт, что английские университетские деятели не одобряли стремления французов возвысить народный язык, или их переводы классиков, или любое вытеснение латыни с самого высокого места в амбициях любого, кто претендует на ученость. См. также Evelyn, *Государство Франция*, стр. 99.

269. *Оксфордское историческое общество*, том v. стр. 325.

270. Написано Джону Обри между 1685 и 1693 годами. Цитируется в *Оксфордском историческом обществе*, т. v., стр. 295.

271. Равайссон, *Архив Бастилии*, Париж, 1866, том i, стр. 263; цитируется в "*Спорт и упражнения*", стр. 377.

272. Томас Карт, *Жизнь Джеймса, герцога Ормонда*, том iii. стр. 635.

273. Дополнение. МИСС 19253 (Британский музей).

274. *Мемуары графа де Граммона*, Строберри Хилл, 1772.

275. В "*Совершенном джентльмене*", 1622.

276. Nicolaus Clenardus Latomo Suo S.D., *Epistole*, Antverpiæ, 1566, pp. 20-4, *passim*. Смотрите на стр. 234 исторический инцидент с чашей для питья, разбитой Васеем, и заменить ее после поисков по всей испанской деревне было настолько невозможно, что остальным участникам вечеринки пришлось пить из рук. Что касается расходов, то Кленардус насмехается над

поэтами, воспевающими "Золотое сердце". он обнаружил, что "Aurum auferendum" лучше выразило бы это.

277. Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, том ii. стр. 38.

278. Там же.

279. Джеймс Хауэлл, *Беседа или Диалог*, содержащий Экскурсию по Испании и Португалии, которая может послужить руководством к путешествию по обеим странам, Лондон, 1662г.

280. *Relationship du Voyage d'Espagne*, а-ля Хэй, 1691 (переведен в 1692 году под названием "Остроумные и увлекательные письма Леди - Путешествие в Испанию").

281. Графиня д'Оной, указ. соч., стр. 99.

282. Перепечатано в "*Жизни сэра Тоби Мэтью*" А.Х. Мэтью, стр. 115.

283. Джеймс Хауэлл, 1662.

284. *Howell's Letters*, изд. Джейкобс, стр. 168.

285. *Мемориалы Уинвуда*, том iii. стр. 264.

286. *Трактаты: (Диалог об образовании)*, 1727, стр. 340.

287. *Путешествие по Испании*, стр. 29.

288. См. "*Деликатесы Голландии*", Амстердам, 1700, стр. 9, 25; Сэр Уильям Бреретон, барт., *Путешествия по Голландии, Соединенным провинциям, Англии, Шотландии и Ирландии*, 1634-1635, изд. Хокинс, для Чатемского общества, 1844; Уильям Карр, джентльмен, *Путеводитель для путешественников и верный спутник историка*, Лондон, 1690.

289. Уильям Сьюард, *Анекдоты некоторых выдающихся личностей*, Лондон, 1796, т. ii. стр. 168.

290. Лорд Кинг, *Жизнь и письма Джона Локка, с выдержками из его дневников и сборников общих мест*, Лондон, 1858, т. ii. стр. 5, 50, 71.

291. *Харлейский сборник*, том ii. стр. 592.

292. *Наблюдения над Соединенными провинциями Нидерландов*, Лондон, 1693, стр. 188.

293. Кориат Младший, *Другой путешественник*, Лондон, 1767, стр. 152.

294. Джон Эвелин, *Дневник и переписка*, изд. Брей, Лондон, 1906, стр. 38.

295. Там же., стр. 29. Также Джон Рэймонд, *Итальянский Меркурий*, Лондон, 1648, стр. 95.

296. Кориат Младший, указ. соч., стр. 152.

297. Р. Пул, доктор медицины, "*Путешествие из Лондона во Францию и Голландию; или полезные советы путешественника*", Лондон, 1746.

298. Сэр Томас Браун, *Сочинения*, изд. Уилкин, том i, стр. 91.

299. *Путешествия Мартина Листера по Франции*, в Сборнике путешествий Джона Пинкертона, 1809, том iv. стр. 2, 21.
300. *Николас Феррар, "Две жизни"*, его брата Джона и доктора Джебба, изд. J.E.B. Mayor, Лондон, 1855.
301. *Государство Франции*, 1652, стр. 78, 105. *Характер Англии*, 1659, стр. 45, 49.
302. *Совет молодому джентльмену, покидающему университет*, Р. (ичард) Л. (ассельс), 1670.
303. Сэр Томас Браун, *Сочинения*, под ред. Уилкина, том i, стр. 3-14, *passim*.
304. *Совет сыну*, изд. 1896, стр. 63.
305. *Жизнь Уильяма Кавендиша, герцога Ньюкаслского*, изд. Ферт, 1886, с. 309.
306. Вступительное письмо, *The State of France*, 1652, fol. B.
307. Там же., fol. B 3.
308. *Путешествие по Италии*, Париж, 1670. *Предисловие к книге о путешествиях для читателя*.
309. *Мемориалы Уинвуда*, том iii. 312.
310. *Календарь государственных бумаг, иностранный*, 1561-2, стр. 632, 635.
311. *Поэтическая рапсодия Дэвисона*, изд. Николя, том i, стр. xi.
312. Я вполне допускаю, что молодые люди путешествуют под руководством какого-нибудь наставника или серьезного слуги: чтобы это был такой человек, который немного знаком с языком и бывал в стране раньше; благодаря чему он мог бы рассказать им, что достойно увидеть в стране, куда они едут: каких знакомств им следует искать; какие упражнения или дисциплину дает это место. Ибо в остальном молодые люди должны ходить в капюшонах и мало заглядывать за границу" (*Очерки путешествий*).
313. *Календарь государственных бумаг, внутренний*, 1651-2, № 51. Из приведенного выше письма видно, что страх перед сменой религии их сына все еще был очень реален в умах родителей. Смотрите также *Письмо-совет молодому джентльмену из Благородной семьи, который сейчас путешествует за морями. Истинный Сын Англиканской церкви*, Лондон, 1688 год. Автор надеется, что прежде всего молодой человек вернется "Благовоспитанным джентльменом, хорошим ученым и здравомыслящим христианином".
314. "Недавно отпечатано в Париже и будет продаваться в Лондоне, Джоном Старки, 1670 год". Ласселс, католик, большую часть своей жизни провел за границей. Он уехал из Оксфорда в колледж Дуэ. См. *D.N.B.*
315. *Путешествие по Италии, Предисловие для читателя*.
316. *Соч., Предисловие для читателя*.

317. Томас Карт, *Жизнь Джеймса, герцога Омонда*, том iv. стр. 632. "Он провел несколько месяцев в очень дешевой стране, и все же счета на расходы, присланные губернатором, были выше, чем те, которые обычно составлял полковник Фэрфакс из-за графа Дерби, когда он путешествовал с места на место и появлялся во всем с таким достоинством".
318. Энтони Уэлдон, *Двор и характер короля Якова*, Лондон, 1650, стр. 92.
319. *Мемориалы Уинвуда*, том iii. стр. 226.
320. Бен Джонсон, *Беседы с Драммондом*, изд. Сидней, 1906, стр. 34-5.
321. *Жизнь Джеймса, герцога Ормонда*, том iv. стр. 487-90.
322. *Суд и времена Якова I.*, том i. р, 285.
323. *Жизнь Джеймса, герцога Ормонда*, том iv. стр. 667.
324. *Совет сыну*, стр. 72.
325. А. Коллинз, *Государственные письма и мемориалы*, том i, стр. 271. (Сэр Генри Сидни своему сыну Роберту Сидни, в честь графа Лестера.)
326. *Поэтическая рапсодия Дэвисона*, изд. Николя, том i, стр. viii.-xi.
327. Сэр Генри Уоттон; *Жизнь и письма*, изд. Пирсолл Смит, том i, стр. 233 (примечание 1).
328. *Поэтическая рапсодия Дэвисона*, стр. viii., xi.
329. *Маршрут*, том iii. стр. 374.
330. *Способ путешествовать*, fol. G.
331. *Инструкции для путешествий по Рейну*, стр. 51.
332. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том v. стр. 24.
333. *Путешествие по Италии; Предисловие для читателя*, fol. B 4.
334. *Государство Франция*, 1652 год. Фолио B.
335. Роберт Бойль, *Сочинения*, 1744, том i, стр. 7.
336. *Документы Лисмора*, 1-я серия, том v. стр. 78, 80.
337. *Там же.*, 112.
338. В то время было обычным обычаем женить своих сыновей, если удавалось найти выгодную партию, до того, как они уезжали за границу.
339. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 95.
340. 23 ноября 1610 года Карлтон, посол в Венеции, написал Солсбери, что его сын заболел в Падуе. "Он не находит удовольствия ни в чем по эту сторону гор, ни в чем особом по эту сторону моря; его привязанности так странно проявляются по возвращении домой, что любое противодействие - это болезнь". Наставник Крэнборна, доктор Листер, написал Карлтону в

декабре: "Сэр, мы должны ради Англии, этому невозможно сопротивляться. Если мы останемся, плоды будут невелики, а недовольство бесконечно. Милорд собирается на обед, это его первая трапеза". (Государственные документы, 1610. Цитируется в *Жизни и письмах сэра Генри Уоттона*, изд. Пирсолл-Смит, том i, стр. 501.)

341. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 98.

342. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 234.

343. Там же., стр. 171.

344. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 100.

345. Там же, стр. 103.

346. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 100.

347. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 99.

348. В марте 1640 г. Этот факт и его появление в *газетах Лисмора* не упоминаются в *Национальном биографическом словаре*.

349. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том iv. стр. 113.

350. Там же, стр. 235.

351. Там же, стр. 234.

352. Там же, стр. 232-3.

353. Она стала одной из любовниц Карла II. Вместе со своей дочерью Шарлоттой Бойл, иначе Фицрой, она похоронена в Вестминстерском аббатстве. (*Титул пэра Кокейна* при виконте Шенноне.)

354. *Документы Лисмора*, 2-я серия, т. v. стр. 19-24.

355. *Документы Лисмора*, 2-я серия, том v. стр. 72, 97, 121.

356. *Три обличительные речи*, Лондон, 1671.

357. *Совершенный джентльмен*, Лондон, 1678.

358. *Совершенный джентльмен*, стр. 3.

359. Albert Babeau, *Les Voyageurs en France*, Paris, 1885, p. 175.

360. M. Adrien Delahaute, *Une Famille de Finance an XVIII. Siècle*, vol. i. p. 434.

361. Джордж Сэндис, *Рассказ о путешествии, начатом в 1610 году*, Лондон, 1615.

362. Джон Эвелин, *Дневник и переписка*, изд. Брэй, Лондон, 1906, том i, стр. 77.

363. Там же., стр. 78.

364. Balthazar Gerbier, *Subsidium Peregrinantibus*, Oxford, 1665.

365. *Письмо своему сыну*, 22 февраля 1748 г.

366. *Там же.*, 2 октября 1747 г.

367. *Письмо своему сыну*, 9 октября 1747 г.

368. Именно в Лозанне Эдвард Гиббон получил образование, которое, по его мнению, намного превосходило то, которое можно было получить в Оксфорде. Когда он вернулся в Англию через четыре года, он скучал по "элегантному и рациональному обществу" Лозанны и не мог полюбить Лондон - "шумное и дорогостоящее место скопления людей без компании и разгула без удовольствия".

369. *Письмо своему сыну*, 12 апреля 1749 г.

370. *Там же.*, 22 сентября 1749 г. по Новой Зеландии.

371. *Там же.*, 5 сентября 1749 г. по Новой Зеландии.

372. *Письмо своему сыну*, 8 ноября 1750 г. по Новой Зеландии.

373. *Письмо своему сыну*, 10 мая 1748 г.

374. *Письмо своему сыну*, 30 апреля 1750 г.

375. *Письма из Парижа*, 22, 26 сентября; 3, 6 октября 1765 г.

376. Характер Англии, как он был недавно представлен в Письме к знатному человеку из Франции, Лондон, 1659г.

377. См. Вольтер, *Философские письма*, том ii. стр. 272, изд. Гюстав Лансон, Париж, 1909.

378.

"Ты увидишь самого обыкновенного Джона Трота за неделю,
Будь поли, будь фризе, свершись, маркиз".

(Сэмюэл Фут, *Драматические произведения*, том i, стр. 47.)

Достопочтенный . Джеймс Говард, *Английский мунсье*, Лондон, 1674; сэр Джордж Этеридж, сэр Фоплинг Флаттер, *"Любовь в ванне"*, Акт III. Часть iv.

Аббат ле Блан, посетивший Англию, был очень возмущен представлением своих соотечественников на лондонской сцене: он описывает, как "Вошли два актера, один был одет на английский манер, очень прилично, а у другого были черные брови, лента длиной в локоть под подбородком, большой чубук, чрезмерно напудренный, а нос весь намазан нюхательным табаком. Какой англичанин не узнал бы француза по этой нелепой фотографии?... Но когда выяснилось, что человек, экипированный таким образом, к тому же зашнурованный по всем швам своего пальто, был не кем иным, как поваром, зрители были в равной степени очарованы и удивлены. Автор позаботился о том, чтобы заставить его говорить все дерзости, какие только мог придумать.... Последовала долгая критика наших манер, наших обычаев и, прежде всего, нашей кулинарии. Превосходство и достоинства английской говядины превозносились; автор

утверждал, что именно благодаря качеству ее сока англичане были такими мужественными и обладали такой твердостью понимания, которая возвышала их над всеми нациями Европы" (Э. Смит, *Иностранные гости в Англии*, Лондон, 1889, стр. 193-4).

379. Сэмюэл Фут, *Драматические произведения*, том i, стр. 7.

380. Там же.

381.

"Пусть темой Музы Галлии станет Париж,
Где славяне ходят по улицам в деревянных башмаках".
(Гей, *Мелочи*.)

382. Джозеф Аддисон, *Письмо из Италии*, Лондон, 1709.

383. Сэмюэл Джонсон, *Лондон*: Стихотворение.

384. Филип Дормер Стэнхоуп, граф Честерфилд, *Письма к сыну*, Лондон, 1774; т. ii. с. 123; т. iii. с. 308.

385. Эдвард Хайд, граф Кларендон, *Диалог об образовании*, в *Сборнике нескольких трактатов*, Лондон, 1727.

386. Там же., *Диалог о недостатке уважения из-за возраста*, стр. 295-6.

387. Джон Локк, *Некоторые мысли относительно образования*, Лондон, 1699, стр. 356-7, 375-7.

388. Джон Локк, *Некоторые мысли относительно образования*, Лондон, 1699, стр. 356-7, 375-7.

389. Там же.

390. Как говорит Каупер в *Процессе устранения ошибки*:

"Из школы в Кэм или Айсис, а оттуда домой:
А оттуда со всей возможной скоростью в Рим.
С преподобным наставником, одетым в рясу, лежал,
Чтобы вымогать деньги и ссориться с ним весь день:
С записной книжкой для каждого города,
И каждого поста, и где сломалась карета".

Пьеса Фута "*Англичанин в Париже*" представляет в образе педантичного педанта по имени Классик, своего рода университетского преподавателя, которого иногда заменяли пастора в качестве подходящего опекуна.

391. *Вожак медведей*, Лондон, 1758 год.

392. Леди Мэри Уортли Монтегю встречалась со многими из этих пар в Риме, где она пишет, что, сбиваясь в стадо и тратя деньги на ничего не стоящие предметы, они приобрели титул Золотых ослов, и что Гольдони украшал свои драмы "gli milordi Inglesi" точно так же, как Мольер изображал своих парижских маркизов (*Письма*, изд. Уорнклифф, Лондон, 1893, т. ii. стр. 327).

393. Уильям Конгрив, *"Пути мира"*, Акт III. Sc. xv.

394. Филипп Тикнесс, *Наблюдения над обычаями и манерами французской нации*, Лондон, 1766, стр. 3.

395. Поэт Томас Грей.

396. Гораций Уолпол, *Письма*, изд. Каннингем, Лондон, 1891, том i, стр. 24.

397. Томас Грей, *Письма*, изд. Тови, Издательство Кембриджского университета, 1890, стр. 38, 44, 68.

398. Джеймс Хауэлл, *Инструкции для Forrain Travell*, стр. 25 (Переиздание Arber).

399. Там же, *Эпистола Хо-Элиана*, изд. Джейкобс, 1892, том i, стр. 95.

Путешественник эпохи Возрождения мало ценил землю, которая не была плодородной, богатой зерновыми культурами и фруктовыми садами. Пейзаж, предполагающий пищу, был для него прекраснейшим пейзажем под небесами. Далекий от того, чтобы быть поклонником гор, он разделял мнение доктора Джонсона о том, что "глаз, привыкший к цветущим пастбищам и колеблющимся урожаям, поражен и отталкивается от этой обширной области безнадежной стерильности" и что "это единообразие бесплодия может доставить путешественнику очень мало удовольствия" (*Работы*, изд. 1787, т. x. с. 359).

400. *Itinerarii Italiae Rerumq. Romanorum libri tres* a Franc. Schotto I.C. ex antiquis novisque Scriptoribus iis editi qui Romam anno lubileii sacro visunt. Ad Robertum Bellarminum S.R.E. Card. Амплисс. Антверпи. Ex officina Plantiniana apud Joannem Moretum. Anno sæcularii sacro, 1600.

Томас Сесил в Париже в 1562 году изучал богато иллюстрированную *Cosmographia Universalis* Себастьяна Мюнстера (изд. Базель, 1550), в котором давались описания "Omnium gentium mores, leges, religio, res gestæ, mutationes".

Сэр Томас Браун рекомендует своему сыну во Франции в 1661 году *Музей парижских древностей*, "который подскажет вам, за чем ухаживать, за то короткое время, что вы там пробудете" (*Works*, изд. Уилкин, 1846, том i, стр. 16).

401. Such as: (a) *La Guide des Chemins*: pour aller et venir par tous les pays et contrees du Royaume de France. Avec les noms des Fleuves et Rivières qui courent parmy lesdicts pays. A. Paris (n.d.) (1552?).

(b) *Deliciæ Galliaë*, sive Itinerarium per universam Galliam. Колония, 1608 год.

(c) *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliaë*, Ita accomodatum, ut eius ductu mediocri tempore tota Gallia obiri, Anglia et Belgium adire possuit: nec bis terve ad eadum loca rediri oporteat: De Burdigala, Lugduni, 1616.

(d) *Le Voyage de France Dresse pour l'instruction et commodite tant des Francais que des Estrangers*. Paris, chez Olivier de Varennes, 1639.

402. Максимилиан Миссон, *Новое путешествие в Италию*; Вместе с полезными инструкциями для тех, кто отправится туда, 2 тома., Лондон, 1695.

403. Граф Леопольд Берхтольд, *Эссе, направленное на расширение запросов патриотически настроенных путешественников*, Лондон, 1789.

404. Миссия, указ. соч., том ii. стр. 335.

405. Смотрите сборники Хирна, т. viii., являющийся т. I. публикаций Оксфордского исторического общества, стр. 118, 133, 201, повествующий о нападении шести разбойников с большой дороги на двух джентльменов с их слугами по дороге из Кале в сентябре 1723 года. Дефо написал трактат на эту тему, и он был освещен в "*Политическом государстве*" Бойера и в других периодических изданиях того времени.

406. *Письма из Италии*, к которым прилагается, *Наставление джентльменам, переходящим Альпы*, Лондон, 1767, стр. 44, 65, 172, 306.

407. Генри Филдинг, *Дневник путешествия в Лиссабон*.

408. Тобиас Смоллетт, *Сочинения*, изд. 1887, стр. 709.

409. Роджер Эшам, *Сочинения*, изд. Джайлс, Лондон, 1865, том i. часть ii. стр. 253.

410. Все произведения Джона Тейлора, *Поэта-Водника*, числом шестьдесят три, собраны Автором в один том, Лондон, 1630 год. См. стр. 76, *Наблюдения за тремя неделями, тремя днями и тремя часами от Лондона до Гамбурга в Германии ... посвящается старшему Томасу Кориату, "Ошибке Великобритании" и "Зеркалу мира"*, 17 августа 1616 г.

411. *Грубости Кориала*, Глазго, 1905, т. i. стр. 216, 226, 255; т. ii. стр. 57, 176.

412. Герман Кирхнерус в "*Грубостях Кориата*", том ii. стр. 74.